
ISSN 2227-1171 (Print)

Том 7, № 3. 2017

Сквозной номер - 29

ISSN 2542-1247 (Online)

Vol. 7, No. 3. 2017

Continuous issue - 29

ВЕСТНИК

Казанского юридического института МВД России

Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia

Научно-теоретический журнал

Учредитель и издатель:
Казанский юридический институт
Министерства внутренних дел
Российской Федерации
420108, Россия, Республика Татарстан,
г. Казань, ул. Магистральная, 35

Редакционно-издательское отделение:
420059, г. Казань,
ул. Оренбургский тракт, 128

Выходит с 2010 года ежеквартально

Наш индекс в журнале «Газеты. Журналы»
ОАО «Агентство Роспечать» - 84683

Журнал зарегистрирован в Федеральной
службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых
коммуникаций 29 июня 2012 г.
Регистрационный номер ПИ № ФС 77-50418

Журнал включен в Перечень ведущих
рецензируемых научных журналов,
в которых должны быть опубликованы
основные научные результаты диссертаций
на соискание ученых степеней
доктора и кандидата наук

Журнал включен в систему Российского
индекса научного цитирования (e-library)

Журнал распространяется только по подписке

Scientific-theoretical Journal

Founder and publisher:
Kazan Law Institute
of the Ministry of Internal Affairs
of the Russian Federation
35, Magistralnaya street, Kazan
420108, Republic of Tatarstan, Russia

Editorial-and-publishing office.
128, Orenburgskii trakt street
420059, Kazan

The Journal is being published since 2010
each quarter

Our index in the Journal "Gazety i jurnaly"
OJSC "Agenstvo Rospechat" - 84683

The Journal is registered in Federal Service for
Supervision of Communications, Information
Technology and Mass Communications
July, 29, 2012.

Identification Number PI No. FS 77-50418

The Journal is included in the Catalogue of the
leading peer-reviewed journals, in which basic
scientific results of degree dissertations should be
published

The Journal is included in the Russian Science
Citation System (e-library)

The Journal is available only on a subscription basis

e-mail: vestnikkui@mail.ru

<http://www.vestnikkui.ru>

Редакционный совет

Гилинский Яков Ильич - доктор юридических наук, профессор (СПб., РГПУ им. Герцена)
Готчина Лариса Владимировна - доктор юридических наук, доцент (СПб., Санкт-Петербургский университет МВД России)
Позднякова Маргарита Ефимовна - кандидат философских наук (Москва, Институт социологии РАН)
Егорышев Сергей Васильевич - доктор социологических наук, профессор (Уфа, ВЭГУ), ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-0930-7482>
Невирко Дмитрий Дмитриевич - доктор социологических наук, профессор (Красноярск, Сибирский федеральный университет)
Нигматуллин Ришат Вахидович - доктор юридических наук, профессор (Уфа, УЮИ МВД России)
Коробов Виктор Борисович - доктор социологических наук, профессор (Москва, ГУСБ МВД России)
Дубровин Сергей Викторович - доктор юридических наук, профессор (Москва, Московский университет МВД России)
Малков Виктор Павлович - доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ и ТАССР (Казань, КЮИ МВД России)
Безверхов Артур Геннадьевич - доктор юридических наук, профессор (Самара, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева)
Балахонский Виталий Витальевич - доктор социологических наук, профессор (СПб., Санкт-Петербургский университет МВД России)
Варыгин Александр Николаевич - доктор юридических наук, профессор (Саратов, СГЮА)
Павличенко Николай Владимирович - доктор юридических наук, профессор (Москва, Академия управления МВД России)

Редакционная коллегия

Председатель - доктор педагогических наук, доцент **Зиннуров Фоат Канафиевич**, начальник Казанского юридического института МВД России
Заместитель председателя - кандидат исторических наук, доцент **Миронов Сергей Николаевич**, заместитель начальника КЮИ МВД России (по научной работе)
Члены редакционной коллегии:

Алиулов Рашид Рахимулович - доктор юридических наук, начальник кафедры административного права, административной деятельности и управления ОВД
Андреев Максим Валентинович - доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин
Гарафутдинов Марат Рафикович - кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника КЮИ МВД России (по учебной работе)
Казанцев Сергей Яковлевич - доктор педагогических наук, кандидат юридических наук, профессор, профессор кафедры криминалистики
Комлев Юрий Юрьевич - доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры философии, политологии, социологии и психологии
Фаткуллин Феликс Фидиевич - кандидат философских наук, доцент, начальник кафедры государственно-правовых дисциплин
Хрусталева Ольга Николаевна - кандидат педагогических наук, доцент, начальник редакционно-издательского отделения
Шалагин Антон Евгеньевич - кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права



Это произведение доступно по лицензии
 Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0 Всемирная.
 Чтобы увидеть копию этой лицензии, посетите
<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>.

Editorial Board

Yakov Il'ich. Gilinskiy, Doctor in Laws (higher doctorate), Professor (St. Petersburg, Herzen State Pedagogical University of Russia)
Larisa Vladimirovna Gotchina, Doctor in Laws (higher doctorate), Associate Professor (St. Petersburg, Saint-Petersburg University of MIA of Russia)
Margarita Efimovna Pozdnyakova, Candidate of Philosophical Sciences (Moscow, Institute of Sociology of Russian Academy of Sciences)
Sergey Vladimirovich Egorychev, Doctor in Sociology (higher doctorate), Professor (Ufa, Eastern Law and Economics Humanitarian Academy)
Dmitrii Dmitrievich Nevirko, Doctor in Sociology (higher doctorate), Professor, (Krasnoyarsk, Siberian Federal University)
Rishat Vahidovich Nigmatullin, Doctor in Laws (higher doctorate), Professor (Ufa, Ufa Law Institute of MIA of Russia)
Victor Borisovich Korobov, Doctor in Sociology (higher doctorate), Professor (Moscow, Academy of the Interior Ministry of Russia)
Sergey Victorovich Dubrovin, Doctor in Law (higher doctorate), Professor (Moscow, Moscow University of the MIA of Russia)
Victor Pavlovich Malkov, Doctor in Laws (higher doctorate), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation and the Republic of Tatarstan (Kazan, KJI of MIA of Russia)
Artur Genad'evich Bezverhov, Doctor in Law (higher doctorate) Professor (Samara, Samara State Aerospace University named after S.P. Korol'ov)
Vitalii Vital'evich Balahonsky, Doctor in Sociology (higher doctorate), Professor (St. Petersburg, Saint-Petersburg University of MIA of Russia)
Aleksandr Nikolaevich Varyigin, Doctor in Law (higher doctorate), Professor (Saratov, Saratov State Justice Academy)
Nikolai Vladimirovich Pavlichenko, Doctor in Law (higher doctorate), Professor (Moscow, Administration Academy of MIA of Russia)

Editorial Council

Chairperson:

Foat Kanafievich Zinnurov, Doctor of Pedagogical Sciences (higher doctorate), Associate Professor, Chief of Kazan Law Institute of MIA of Russia

Vice Chairman:

Sergey Nikolaevich Mironov, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Deputy Head of KLI of MIA of Russia for scientific work

Editorial Board:

Rashid Rahimullovich Aliullov, Doctor in Laws (higher doctorate), Head of Administrative Law, Administrative Activities and Management of Internal Affairs

Maksim Valentinovich Andreev, Doctor in Laws (higher doctorate), Associate Professor, Professor of State and Legal Disciplines

Marat Rafikovich Garafutdinov, Candidate in Laws (higher doctorate), Associate Professor, Deputy Head of KLI of MIA of Russia for Educational Work

Sergei Yakovlevich Kazantsev, Doctor of Education, Candidate in Laws (higher doctorate), Professor of Criminalistics

Yurii Yur'evich Komlev, Doctor in Sociology (higher doctorate), Professor of Philosophy, Political Science, Sociology and Psychology

Feliks Fidaievich Fatkullin, Candidate of Philosophical Sciences (higher doctorate), Associate Professor, Head of the Department of State and Legal Disciplines

Ol'ga Nikolaevna Hrustal'jova, Candidate of Pedagogical Sciences (higher doctorate), Associate Professor, Head of the Editorial Department of the Editorial-and-Publishing Office

Anton Evgen'evich Shalagin, Doctor in Laws (higher doctorate), Associate Professor, Head of the Department of Criminology and Penitentiary Law

СОДЕРЖАНИЕ	
<i>CONTENTS</i>	4
<i>ГОСУДАРСТВЕННОЕ, ГРАЖДАНСКОЕ, АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО</i>	
Нигматуллин Р.В., Сулейманова Р.Р. Реализация права человека на здоровье как фундаментальная основа существования современного государства.....	8
Колесникова Ю.П. Общественное мнение и интерполяция права.....	16
Казаченок В.В. Эволюция законодательства об исполнении наказаний в виде лишения свободы в России в XIX-начале XX века.....	22
Андрейченко Л.С. Отдельные вопросы реализации Судебной реформы 1864 года.....	29
<i>УГОЛОВНОЕ ПРАВО и КРИМИНОЛОГИЯ</i>	
Епихин А.Ю. Изменение квалификации после вынесения приговора	37
Яворский М.А. Дерадикализация заключенных в тюрьмах стран Скандинавии.....	43
Новиков В.А. Нарушение правил оборота наркотических средств или психотропных веществ медицинскими работниками.....	51
Якубина Ю.П. Законодательное регулирование задержания осужденных, уклоняющихся от исполнения приговора.....	57
Демидова-Петрова Е.В. Методика создания портрета личности несовершеннолетнего в контексте типологических рисков криминогенной подверженности.....	62
Абдулганеев Р.Р. Предупреждение финансирования деятельности религиозной экстремистской организации.....	66
Теунаев А.С.-У К вопросу о совершенствовании норм об уголовной ответственности за понуждение к суицидальному поведению.....	72
Халиков И.А. К вопросу о субъекте преступления, предусмотренного ст.243 ¹ УК РФ.....	79
Артюшина О.В. Новеллы УК РФ о противодействии деятельности, направленной на побуждение несовершеннолетних к суицидальному поведению.....	85
Гусарова М.В. Несовершеннолетние как особый объект преступлений против половой свободы и половой неприкосновенности личности.....	93
Айнутдинова К.А. Роль личности виновного лица: к вопросу об индивидуализации наказания в уголовном законодательстве РФ.....	98

Киршина Е.А. Корыстный мотив в преступлениях коррупционной направленности.....	105
<i>УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС, ОРД и КРИМИНАЛИСТИКА</i>	
Карлов А.Л. Доказательственное значение ходатайства о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве в случае отказа в удовлетворении.....	110
Трубкина О.В. Некоторые особенности тактики осмотра места происшествия при выявлении инсценировки изнасилования.....	115
Виноградов А.А. К вопросу о сущности криминалистического обеспечения расследования угона автомобиля.....	121
Ильичев И.Е., Лазарева С.А. О понятии и классификации проявлений экстремизма.....	126
Канунникова Н.Г. К вопросу о специфических особенностях терроризма и определении его понятия.....	135
<i>ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ</i>	
Синников В.Б. Использование дуального метода обучения в подготовке будущих сотрудников полиции в ведомственных образовательных организациях: между образованием и практикой.....	142
<i>К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ</i>	148

CONTENTS	
<u>CONTENTS</u>	4
<u>STATE, CIVIL, ADMINISTRATIVE LAW</u>	
Nigmatullin R.V., Suleimanova R.R. Implementation of the Human Rights on Health as a Fundamental Basis of the Existence of the Modern State.....	8
Kolesnikova Y.P. Public Opinion and Interpolation of Law.....	16
Kazachonok V.V. Development of the Legislation on Execution of Punishments in the Form of Imprisonment in Russia in the XIXth – the Beginning of the XXth Centuries.....	22
Anreichenko L.S. Certain Issues of Implementation of the Judicial Reform of 1864.....	29
<u>CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGY</u>	
Epihin A.Y. Change of Subsumption after Conviction.....	37
Yavorskij M.A. Deradicalization of Prisoners in the Prisons of Nordic Countries.....	43
Novikov V.A. Violation of the Rules of Trafficing in Narcotic Drugs or Psychotropic Substances by Health Workers.....	51
Yakubina Y.P. Legislative Regulation of Arrest of the Convicted Avoiding Execution of Sentence.....	57
Demidova-Petrova E.V. The Techniques for Creating a Portrait of the Personality of Juveniles in the Context of Typological Risk of Criminogenic Exposure.....	62
Abdulganeev R.R. Preventing the Financing Activities of Religious Extremist Organizations.....	66
Teunaev A.S.-U. To the Question of Improving the Norms on Criminal Responsibility for the Punishment to Suicidal Behavior.....	72
Halikov I.A. To a Question of Subject of the Crime under the Article 2431 of the Criminal Code.....	79
Artjushina O.V. Novels of the Criminal Code of the Russian Federation of Counteraction to Activity, Directed Adolescents to Suicidal Behavior.....	85
Gusarova M.V. Minors as Special Object of Crime Against Personality’s Sexual Freedom and Sexual Integrity	93
Ainutdinova K.A. Role of the Identity of the Perpetrator.....	98
Kirshina E.A. Role of the Identity of the Perpetrator: to the Question Punishment Individualization in the Criminal Legislation of the Russian Federation.....	105

A CRIMINAL TRIAL, INVESTIGATIVE ACTIVITIES AND CRIMINALISTICS	
Karlov A.L. Evidentiary Significance of Petition on Pretrial Agreement on Cooperation in the Event of Refusal of its Satisfaction.....	110
Trubkina O.V. Some Features of the Tactics of Observation of Crime Scene at the Identification of the Rape Staging.....	115
Vinogradov A.A. Forensic Support for the Investigation of Crimes is the Method of Criminalistics.....	121
Il’ichov I.E., Lazareva S.A. The Concept and Classification of the Manifestations of Extremism.....	126
Kanunnikova N.G. The Issue of the Specific Features of Terrorism and the Definition of its Concept.....	135
<u>HUMANITIES</u>	
Sinnikov V.B. The Use of Dual Training Method in Preparation of the Future Police Officers in Official Educational Establishment: Between Education and Experience.....	142
<u>NOTICE TO AUTHORS</u>	148



Р.В. Нигматуллин, Р.Р. Сулейманова

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРАВА ЧЕЛОВЕКА НА ЗДОРОВЬЕ КАК ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ ОСНОВА СУЩЕСТВОВАНИЯ СОВРЕМЕННОГО ГОСУДАРСТВА¹

IMPLEMENTATION OF THE HUMAN RIGHTS ON HEALTH AS A FUNDAMENTAL BASIS OF THE EXISTENCE OF THE MODERN STATE

Введение: реализация права человека на здоровье является фундаментальной основой существования современного государства. Благополучие человека неразрывно связано с решением политических и социально-экономических проблем, поэтому право на охрану здоровья признается в качестве конституционной цели в большинстве стран мира.

Материалы и методы: в ходе работы над статьей применялись сравнительно-правовой и статистический методы научного анализа.

Результаты исследования: в последнее десятилетие Российская Федерация как правовое государство среди множества векторов развития в качестве приоритетного направления рассматривает законодательное обеспечение права человека на здоровье. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации также предполагает повышение качества жизни и укрепление здоровья населения. В связи с этим необходимы дальнейшая имплементация норм международного права в российское законодательство и совершенствование механизма их реализации.

Обсуждение и заключения: выявлен ряд отрицательных факторов, негативно влияющих на национальную безопасность в сфере охраны здоровья граждан, к числу которых относятся недостатки в реализации государственной политики в сфере охраны здоровья граждан. Отмечается наличие проблем в практической реализации международно-правовых и внутригосударственных нормативных документов.

Ключевые слова: право на здоровье, ООН, ВОЗ, наркомания, медицинская помощь, здравоохранение, медицинские услуги, профилактика, качество жизни, старение.

Для цитирования: Нигматуллин Р.В., Сулейманова Р.Р. Реализация права человека на здоровье как фундаментальная основа существования современного государства // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2017. Т. 7, № 3. С. 8 - 15. DOI: 10.24420/KUI.2017.3(29).7369.

Introduction: the realization of the human right to health is the fundamental basis for the existence of a modern state. Human well-being is inextricably connected with the solution of political and socio-economic problems, therefore the right to health is recognized as a constitutional goal in most countries of the world.

Materials and Methods: comparative legal and statistical methods of scientific analysis were applied.

Results: in last decade the Russian Federation as a law-governed state, as a priority area, considers the legislative provision of the human right to health. The national security strategy of the Russian Federation also presupposes the improvement of the quality of life and the strengthening of public health. In this regard, the further implementation of international law in Russian legislation and the improvement of the mechanism of their implementation are necessary.

Discussion and Conclusions: the number of negatory factors that negatively affect the national security in the sphere of protecting the health of citizens are the shortcomings in the implementation of the state policy in the field

¹Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РФФИ в рамках регионального конкурса «Урал: история, экономика, культура – Республика Башкортостан» (проект № 16-13-02004).

of protecting the health of citizens. There are problems in the practical implementation of international legal and domestic regulatory documents.

Key words: the right to health, the UN, WHP, drug addiction, medical care, public health, medical services, prevention, quality of life, aging.

For citation: Nigmatullin R.V., Suleimanova R.R. Implementation of the Human Rights on Health as a Fundamental Basis of the Existence of the Modern State // Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. 2017. T. 7, № 3. С. 8 - 15. DOI: 10.24420/KUI.2017.3(29).7369.

Введение

Право граждан на охрану здоровья и медицинскую помощь закреплено в ст. 41 Конституции Российской Федерации. Доктринальные документы Российской Федерации, регламентирующие развитие государства и общества в долгосрочной перспективе, также отводят вопросам обеспечения права человека на здоровье достаточно важное место.

Результаты исследования

Стратегия национальной безопасности Российской Федерации от 31 декабря 2015 года, оценивая угрозы для России, отмечает осложнение мировой демографической ситуации, проблемы окружающей среды и продовольственной безопасности, распространение эпидемий, многие из которых вызваны новыми, неизвестными ранее вирусами¹. В связи с этим в числе национальных интересов стратегия определяет «повышение качества жизни, укрепление здоровья населения, обеспечение стабильного демографического развития страны»². Обеспечение данного положения осуществляется посредством реализации следующих стратегических национальных приоритетов: здравоохранение, повышение качества жизни российских граждан, экология живых систем и рациональное природопользование³. Стратегия национальной безопасности нацеливает на создание условий для стимулирования рождаемости, снижения смертности населения, ведения здорового образа жизни. Стратегическими целями долгосрочной государственной политики в сфере охраны здоровья граждан являются:

- увеличение продолжительности жизни, снижение уровня инвалидности и смертности населения, увеличение численности населения;
- повышение доступности и качества медицинской помощи;
- совершенствование вертикальной системы контроля качества, эффективности и безопасности лекарственных средств;
- соблюдение прав граждан в сфере охраны

здоровья и обеспечение связанных с этими правами государственных гарантий⁴.

В качестве угроз национальной безопасности в сфере охраны здоровья обозначены возникновение эпидемий и пандемий, массовое распространение таких заболеваний, как онкологические, сердечно-сосудистые, эндокринологические, ВИЧ-инфекции, туберкулез, наркомания и алкоголизм, увеличение случаев травматизма и отравлений, доступность психоактивных и психотропных веществ для незаконного потребления. В качестве отрицательных факторов, негативно влияющих на национальную безопасность в сфере охраны здоровья граждан, стратегия указывает на недостатки в реализации государственной политики в сфере охраны здоровья граждан, в частности, в обеспечении доступности медицинской помощи и реализации гарантий ее оказания населению, несовершенство системы медицинского страхования, недостаточное финансирование системы высокотехнологичной медицинской помощи и низкий уровень квалификации медицинских работников. Также не закончено формирование нормативно-правовой базы в сфере охраны здоровья граждан.

Государственная политика в сфере охраны здоровья граждан, в соответствии со стратегией, должна заключаться в профилактике заболеваний, предотвращении роста заболеваний, представляющих опасность для окружающих, повышении доступности для населения медицинской помощи, повышении эффективности и качества медицинских услуг, снижении уровня инвалидности, разработке и внедрении новых медицинских технологий и лекарственных средств.

Военная доктрина Российской Федерации от 25 декабря 2015 года, в свою очередь, предполагает повышение уровня социального обеспечения военнослужащих, граждан, уволенных с военной службы, и членов их семей, а также гражданского персонала Вооруженных Сил, других войск и ор-

¹Стратегия национальной безопасности Российской Федерации. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/40391> (дата обращения: 14.07.2017).

²Там же.

³Там же.

⁴Стратегия национальной безопасности Российской Федерации. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/40391> (дата обращения: 14.07.2017).

ганов; реализацию установленных федеральным законодательством социальных гарантий повышения качества их жизни¹.

В Концепции внешней политики Российской Федерации от 30 ноября 2016 года отмечается, что Россия активно участвует в международном сотрудничестве в области охраны здоровья граждан, осуществляемом при ведущей роли Всемирной организации здравоохранения, рассматривая сохранение жизни и здоровья человека в качестве одного из приоритетов глобальной повестки дня и важного фактора обеспечения устойчивого социально-экономического развития². Таким образом, реализация права человека на здоровье является важным фактором обеспечения стабильности государства, его обороноспособности и международного авторитета.

К проблеме здоровья человечество обращалось на протяжении значительной части своей истории. Однако лишь после создания ООН можно говорить о формировании международно-правовых основ обеспечения права человека на здоровье. В 1946 году был принят Устав Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), хотя история самой организации ведет отчет с 1948 года. Образование Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) как особой организации ООН определило не только обязанности самой организации, но и здоровье как фундаментальное право человека, которое заслуживает правовой защиты [1].

Устав ВОЗ расшифровывает понятие «здоровье» как состояние полного физического, душевного и социального благополучия, а не только как отсутствие болезней и физических дефектов³. Право человека на здоровье получило закрепление в универсальных международных документах, таких как Всеобщая декларация прав человека 1948 года, Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах 1966 года.

На протяжении последующих десятилетий под эгидой ООН были сформированы стандарты обеспечения права на охрану здоровья, которые впоследствии были закреплены в международных документах, касающихся отдельных категорий лиц либо регулирующих отдельные сферы общественных отношений. К первой группе необходимо отнести Декларацию о правах умственно отсталых лиц 1971 года, Декларацию о правах инвалидов

1975 года, Конвенцию о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин 1979 года, Конвенцию о правах ребенка 1989 года, Международную конвенцию о защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей 2000 года, Конвенцию о правах инвалидов 2006 года.

Вторая группа объединяет международно-правовые акты, непосредственно связанные с регламентацией обеспечения здоровья отдельных индивидов и населения в определенных условиях: это вооруженные конфликты (Женевские конвенции 1949 года и др.); трудовые взаимоотношения граждан (Конвенция МОТ по условиям труда 1977 года, Конвенция МОТ по профессиональному здоровью и безопасности условий труда 1981 года и др.); экологическая безопасность (Стокгольмская конвенция по охране окружающей среды 1982 года; Конвенция по ядерной безопасности 1994 года и др.); отправление правосудия (Минимальные стандартные правила обращения с заключенными 1955 года, Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных и унижающих достоинство видов обращения и наказания 1984 года и др.); научно-исследовательская деятельность (Декларация об использовании научного и технического прогресса в интересах мира и на благо человечества 1975 года, Декларация ЮНЕСКО по правам человека и геному человека 1997 года и др.).

К концу XX – началу XXI века государствами мира были приняты региональные документы, обеспечивающие права человека в самом широком смысле и предусматривающие в том числе и право на здоровье. Многие государства достигли серьезных успехов в исследуемой области. Это позволило им перейти на более высокий уровень реализации права человека на здоровье путем принятия специальных программ и стратегий. В Российской Федерации в 2005 году был принят Национальный проект «Здоровье» – программа по повышению качества медицинской помощи.

В 2000 году состоялся саммит ООН, который принял Декларацию тысячелетия. Она определила Цели развития тысячелетия (ЦРТ) в восьми областях: борьба с крайней нищетой и голодом, обеспечение всеобщего начального образования, достижение равенства полов, уменьшение детской смертности, обеспечение охраны материнства, борьба с болезнями, защита окружающей среды и

осуществление глобального партнерства в целях развития. Благодаря реализации мер по выполнению ЦРТ более чем миллиард человек на планете смогли вырваться из крайней нищеты и добиться серьезных успехов в борьбе с голодом.

25 сентября 2015 года Генеральная Ассамблея ООН приняла резолюцию «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года». Цели устойчивого развития (ЦУР), обозначенные на саммите, явились продолжением Целей развития тысячелетия. Глобальная программа по ликвидации бедности 2015 года определила 17 целей в области устойчивого развития, 12 из которых прямо или косвенно связаны с обеспечением права на здоровье. Непосредственно вопросам развития здравоохранения посвящена цель 3 программы «Обеспечение здорового образа жизни и содействие благополучию для всех в любом возрасте», которая, в свою очередь, конкретизируется в девяти задачах.

Задача 1 предполагает снижение к 2030 году глобального коэффициента материнской смертности до менее 70 случаев на 100 тыс. живорождений.

Задача 2 – к 2030 году положить конец предотвратимой смертности новорожденных и детей в возрасте до пяти лет. При этом все страны должны стремиться уменьшить неонатальную смертность до не более 12 случаев на 1 тыс. живорождений; а смертность среди детей в возрасте до пяти лет до не более 25 случаев на 1 тыс. живорождений.

Задача 3 – к 2030 году положить конец эпидемиям СПИДа, туберкулеза, малярии и тропических болезней, обеспечить борьбу с гепатитом, заболеваниями, передаваемыми через воду, и другими инфекционными заболеваниями.

Задача 4 – к 2030 году уменьшить на треть преждевременную смертность от неинфекционных заболеваний посредством профилактики и лечения и поддержания психического здоровья и благополучия.

Задача 5 – улучшить профилактику и лечение зависимости от психоактивных веществ, в том числе злоупотребления наркотическими средствами и алкоголем.

Задача 6 – к 2020 году вдвое сократить во всем мире число смертей и травм в результате дорожно-транспортных происшествий.

Задача 7 – к 2030 году обеспечить всеобщий доступ к услугам по охране сексуального и репродуктивного здоровья, включая услуги по планированию семьи, информирование и просвещение,

учет вопросов охраны репродуктивного здоровья в национальных стратегиях и программах.

Задача 8 – обеспечить всеобщий охват услугами здравоохранения, доступ к качественным основным медико-санитарным услугам и доступ для всех к безопасным, эффективным, качественным и недорогим основным лекарственным средствам и вакцинам.

Задача 9 – к 2030 году существенно сократить количество случаев смерти и заболеваний в результате воздействия опасных химических веществ и загрязнения и отравления воздуха, воды и почв¹.

Повестка дня в области устойчивого развития, помимо конкретных показателей, которые предстоит выполнить к 2030 году, призывает все страны активизировать осуществление Рамочной конвенции ВОЗ по борьбе против табака. Отдельно учтены потребности развивающихся стран. Так, ООН призывает государства оказывать содействие исследованиям и разработкам вакцин и лекарственных препаратов для лечения инфекционных и неинфекционных болезней, которые, в первую очередь, затрагивают развивающиеся страны, обеспечивать доступность недорогих основных лекарственных средств и вакцин в соответствии с Дохинской декларацией «Соглашение по ТРИПС и общественное здравоохранение», в которой подтверждается право развивающихся стран в полном объеме использовать положения Соглашения по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности в отношении проявления гибкости для целей охраны здоровья населения и, в частности, обеспечения доступа к лекарственным средствам для всех.

В соответствии с Повесткой дня государства должны существенно увеличить финансирование здравоохранения и набор, развитие, профессиональную подготовку и удержание медицинских кадров в развивающихся странах, особенно в наименее развитых странах и малых островных развивающихся государствах; наращивать потенциал всех стран, особенно развивающихся стран, в области раннего предупреждения, снижения рисков и регулирования национальных и глобальных рисков для здоровья.

На международном уровне продолжается работа по структурированию показателей, позволяющих оценить уровень реализации права человека на здоровье в отдельно взятом государстве. Так, ВОЗ определила шесть основообразующих элементов, формирующих систему здравоохранения государства:

¹Военная доктрина Российской Федерации (утв. Президентом РФ № Пр-2976). URL: <http://base.garant.ru/70830556/> (дата обращения: 14.07.2017).

²Концепция внешней политики Российской Федерации. URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2542248 (дата обращения: 14.07.2017).

³Устав (Конституция) Всемирной организации здравоохранения. URL: <http://www.who.int/governance/eb/constitution/ru/> (дата обращения: 14.07.2017).

¹Док. ООН/A/RES/70/1. URL: <https://www.un.org> (дата обращения: 14.07.2017).

²Там же.

- 1) службы здравоохранения;
- 2) кадровые ресурсы здравоохранения;
- 3) информационную систему здравоохранения;
- 4) медицинские товары, лекарственные средства, вакцины и технологии;
- 5) финансирование здравоохранения;
- 6) управление и руководство [2, С. 128].

18 мая 2014 года Российская Федерация и ВОЗ подписали стратегию странового сотрудничества, в рамках которой были определены четыре стратегических приоритета сотрудничества:

- а) укрепление потенциала для глобального и регионального сотрудничества в области здравоохранения между Российской Федерацией и ВОЗ;
- б) создание комплексной среды профилактики и охраны здоровья населения на основе подхода, учитывающего все этапы жизненного цикла;
- в) улучшение безопасности в области здравоохранения за счет наращивания потенциала;
- г) совершенствование деятельности системы здравоохранения [2, С. 112].

Охране здоровья российским государством уделяется большое внимание. В 2006 году начал реализовываться Национальный проект «Здоровье» – программа по повышению качества медицинской помощи. Далее в числе майских указов Президента России 2012 года был подписан Указ «О совершенствовании государственной политики в сфере здравоохранения», целью принятия которого явилось дальнейшее совершенствование государственной политики в сфере здравоохранения, направленной на сохранение и укрепление здоровья граждан Российской Федерации, увеличение продолжительности их жизни¹. Результатом государственных мер, направленных на обеспечение права граждан на здоровье, явилось увеличение рождаемости в 2013 году, впервые с начала девяностых годов. В 2014 году рождаемость превысила уровень смертности и составила 13,3 на 1000 населения².

Комплексный подход к охране здоровья выражается в реализации значительного числа программ, финансируемых из бюджетов всех уровней. Ключевое место в системе программ занимает Государственная программа Российской Федера-

ции «Развитие здравоохранения», на реализацию которой выделено более 33 трлн рублей. Государственная программа включает подпрограммы «Профилактика заболеваний и формирование здорового образа жизни. Развитие первичной медико-санитарной помощи»; «Совершенствование оказания специализированной, включая оказание высокотехнологичной медицинской помощи, скорой, в том числе скорой специализированной медицинской помощи, медицинской эвакуации»; «Развитие и внедрение инновационных методов диагностики и лечения»; «Охрана здоровья матери и ребенка»; «Развитие медицинской реабилитации и санаторно-курортного лечения, в том числе детям»; «Оказание паллиативной помощи, в том числе детям»; «Кадровое обеспечение системы здравоохранения»; «Развитие международных отношений в сфере охраны здоровья»; «Экспертиза и контрольно-надзорные функции в сфере охраны здоровья»; «Медико-санитарное обеспечение отдельных категорий граждан»; «Управление реализацией Программы» – всего 11 подпрограмм [3, С. 24]. Второй этап Госпрограммы включает период с 2016 по 2020 годы.

Если с точки зрения международно-правового и внутригосударственного нормативного обеспечения дела обстоят неплохо, то с точки зрения практической реализации существуют серьезные проблемы.

Первым элементом, формирующим систему здравоохранения государства по оценке ВОЗ, как уже отмечалось выше, являются службы здравоохранения. За период с 2014 по 2018 гг. в Российской Федерации предполагается ликвидировать 41 медицинскую организацию, реорганизовать в качестве филиалов 911 медицинских организаций. В результате к концу 2018 года численность больничных организаций сократится на 11,2%, амбулаторно-поликлинических организаций на 7,2 % (по сравнению с данными на 1 января 2014 года)³. Анализ реструктуризации медицинских учреждений, осуществляющейся в последние годы, показывает, что это приводит к ограничению доступности медицинской помощи гражданам. В первую очередь, это касается жителей районов, отдаленных от регио-

нальных центров и городов. Так, в Республике Башкортостан с 2005 года число фельдшерско-акушерских пунктов (ФАП) уменьшилось с 2262 до 2080, участковых больниц – с 84 до 45⁴. Предполагалось, что сокращение фельдшеров и закрытие некоторого числа ФАП компенсируют домовые хозяйства, ответственные за обучение населения методам оказания первой помощи, само- и взаимопомощи, созданные в соответствии с приказом Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации от 15 мая 2012 г. № 543н «Об утверждении Положения об организации оказания первичной медико-санитарной помощи взрослому населению». Однако сегодня ни у кого не вызывает сомнения, что эта мера никоим образом не восполняет полноценное медицинское обеспечение.

В большинстве стран мира право на охрану здоровья признается в качестве конституционной цели. Оно включает в себя обеспечение равного доступа к медицинскому обслуживанию без какой-либо дискриминации [4, Р. 147-153]. Признание этого факта нашим государством и обществом объясняет обращения наших граждан к Уполномоченному по правам человека в Российской Федерации с многочисленными жалобами на недоступность медицинской помощи по месту жительства, большие очереди к медицинским специалистам и на госпитализацию⁵.

Необходимость совершенствования данного направления работы очевидна. Подтверждением этого служит совещание, прошедшее в Алматы (Казахстан) 20–21 июня 2017 года, посвященное началу работы Консультативной группы ВОЗ по первичной медико-санитарной помощи. Работа Группы будет сосредоточена на следующих трех направлениях, закрепленных в Европейской рамочной основе для действий по организации интегрированного предоставления услуг здравоохранения, которая была одобрена государствами-членами Европейского региона ВОЗ:

- разработка инновационных моделей интеграции первичной медико-санитарной помо-

щи с услугами общественного здравоохранения;

- улучшение координации между первичной медико-санитарной помощью и другими звеньями системы здравоохранения, включая больницы и специализированные службы;
- интеграция первичной медико-санитарной помощи и служб социальной поддержки, в частности, в условиях увеличения потребностей растущего числа пожилых людей⁶.

Серьезные нарекания вызывает укомплектованность кадров в медицине. Только в Москве в рамках проведенной оптимизации здравоохранения было уволено около 10 тыс. медицинских работников, из которых 6 тыс. – врачи⁷. В целом в ходе реформ медицинской отрасли произошло сокращение почти 90 тысяч медицинских работников, что привело к дефициту кадров [5, С. 119]. Нехватка медицинского персонала, перегруженность, психологическое напряжение приводят к вопиющим случаям. Стали регулярными сюжеты новостных лент об оставлении в ходе операции в теле человека тампонов, металлических зажимов и других сопутствующих операции предметов⁸. По мнению Уполномоченного по правам человека, в Российской Федерации дефицит медицинских работников, особенно в отдаленной местности, может привести к большим проблемам⁹.

Важным направлением должно стать медицинское обеспечение лиц пожилого возраста. Здоровье пожилых людей с конца 70-х годов XX века стало объектом пристального внимания ООН. По инициативе Генеральной Ассамблеи ООН в 1982 году была проведена Всемирная ассамблея по проблемам старения и принят Международный план действий, который содержал 14 принципов и 62 рекомендации. Он стал программой деятельности государств на протяжении 20 лет¹⁰.

В 2002 году был принят Мадридский международный план действий, ознаменовавший переход от стареющего общества к обществу для всех возрастов. Этот концепт вызван тенденцией увеличе-

¹О совершенствовании государственной политики в сфере здравоохранения: указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 г. № 598 // Российская газета. 2012. № 5775.

²Доклад о состоянии здоровья населения и организации здравоохранения по итогам деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации за 2014 год. URL: <https://www.rosminzdrav.ru/ru> (дата обращения: 14.07.2017).

³Доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2015 год. URL: <http://ombudsmanrf.org/www/upload/files/docs/appeals/d2015w.pdf> (дата обращения: 14.07.2017).

⁴Доклад о соблюдении прав и свобод человека и гражданина в Республике Башкортостан в 2015 го-ду. URL: http://upch.bashkortostan.ru/upload/docs/results/Godovoi_doklad_Upolnomochennogo_po_pravam_cheloveka_v_RB_2015.pdf (дата обращения: 14.07.2017).

⁵Доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2016 год. URL: http://ombudsmanrf.org/www/upload/files/docs/appeals/doc_2016_medium.pdf (дата обращения: 14.07.2017).

⁶Всемирная организация здравоохранения. URL: <http://www.who.int/ru/> (дата обращения: 14.07.2017).

⁷Доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2015 год. URL: <http://ombudsmanrf.org/www/upload/files/docs/appeals/d2015w.pdf> (дата обращения: 14.07.2017).

⁸В Башкирии мужчина 17 лет жил с зажимом в животе и умер из-за него. URL: <https://mkset.ru/news/society/07-07-2017/v-bashkirii-muzhchina-17-let-zhil-s-zazhimom-v-zhivote-i-umer-iz-za-nego>; Женщина отсудила у роддома № 3 Уфы полмиллиона рублей за забытый в животе зажим. URL: <https://news.mail.ru/society/27343243/?frommail=1> (дата обращения: 14.07.2017).

⁹Доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2016 год. URL: http://ombudsmanrf.org/www/upload/files/docs/appeals/doc_2016_medium.pdf (дата обращения: 14.07.2017).

¹⁰Сидоренко А. Европа ищет ответы на вызовы старения. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2013/0541/print.php> (дата обращения: 14.07.2017).

¹¹Док. ООН /A/CONF.197/9. URL: <https://www.un.org> (дата обращения: 14.07.2017).

ния доли пожилых людей в общей численности населения планеты. По прогнозу ООН число людей в возрасте старше 60 лет к 2050 году достигнет почти 2 млрд человек⁷. Понимание необходимости всеобъемлющего решения проблемы выражается в том, что, начиная с 2012 года, в структурах ООН зарождается идея о необходимости создания комплексного международно-правового документа (конвенции), посвященного защите прав пожилых людей [3, С. 14].

Стратегия действий в интересах граждан старшего поколения в Российской Федерации до 2025 года, принятая 5 февраля 2016 года, содержит направление, связанное с совершенствованием системы охраны здоровья граждан старшего поколения. Оно включает, в том числе, создание последовательной и преемственной системы, сочетающей медицинские услуги для людей всех возрастов, – от профилактики до паллиативной медицинской помощи; обеспечение доступности медицинской помощи, в том числе гериатрической, для граждан старшего поколения во всех медицинских организациях; контроль обеспечения лекарственными препаратами граждан стар-

шего поколения¹.

Обсуждение и заключения

Краткое изложение мирового процесса реализации права человека на здоровье позволяет сделать вывод, что обеспечение здоровья отдельных людей и общества в целом неразрывно связано с решением политических, социально-экономических, экологических, образовательных и иных проблем, в совокупности определяющих благополучие человека. В действительности вся государственная деятельность прямо или косвенно способствует «физическому, психическому и социальному благополучию» некоторых граждан (как сказано в определении Всемирной организации здравоохранения) [6, Р. 247-252].

Как отметил лауреат Нобелевской премии академик Жорес Алферов, основная научная проблема современности – это проблема здоровья. Здоровье в начале XXI века является не только целью, но и одним из важнейших элементов, формирующих систему устойчивого развития современного государства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Habersack M., Luschin G. WHO-definition of Health must be Enforced by National Law: A debate // BMC Medical Ethics. 2013. 14 (1), 24.
2. Абашидзе А.Х., Маличенко В.С., Белоусова А.А., Семенова Н.С. Международно-правовые основы права на здоровье: учебное пособие. М.: РУДН, 2016.
3. Абашидзе А.Х., Нигматуллин Р.В., Каримов Р.Р., Романов А.А. Обеспечение права на здоровье в Республике Башкортостан в соответствии с международными обязательствами Российской Федерации: аналитический обзор. Уфа, 2016.
4. Girer M. The Right to Health Protection is Recognized as a Constitutional Objective [Le droit à la protection de la santé dans l'alinéa 11 du Préambule de 1946: les impacts en termes de solidarité] // Médecine et Droit. 2016 (141).
5. Хасанов Ф.З. Проблемы реформирования и оптимизации здравоохранения в сельской местности // Актуальные проблемы государства и общества в области обеспечения прав и свобод человека и гражданина: материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 68-й годовщине со дня принятия Всеобщей декларации прав человека, г. Уфа, 8 декабря 2016 года : в 5 ч. Ч. I / под общ. ред. Р.В. Нигматуллина. Уфа: Уфимский ЮИ МВД России, 2017.
6. Lemieux P. Public Health and the Regulatory State // Society. 2014, 51 (3).

REFERENCES

1. Habersack M., Luschin G. WHO-definition of health must be enforced by national law: A debate // BMC Medical Ethics. 2013. 14 (1), 24.
2. Abashidze A.H., Malichenko V.S., Belousova A.A., Semenova N.S. Mezhdunarodno-pravovye osnovy prava na zdorov'e: uchebnoe posobie. M.: RUDN, 2016.
3. Abashidze A.H., Nigmatullin R.V., Karimov R.R., Romanov A.A. Obespechenie prava na zdorov'e v Respublike

¹Стратегия действий в интересах граждан старшего поколения в Российской Федерации до 2025 года от 5 февраля 2016 г. URL: <http://pensionreform.ru/files/107379/%D0%A1%D1%82%D1%80%D0%B0%D1%82%D0%B5%D0%B3%D0%B8%D1%8F> (дата обращения: 14.07.2017).

Bashkortostan v sootvetstvii s mezhdunarodnymi objazatel'stvami Rossijskoj Federacii: analiticheskij obzor. Ufa, 2016.

4. Girer M. The right to health protection is recognized as a constitutional objective [Le droit à la protection de la santé dans l'alinéa 11 du Préambule de 1946: les impacts en termes de solidarité] // Médecine et Droit. 2016 (141).
5. Hasanov F.Z. Problemy reformirovaniya i optimizacii zdravoohraneniya v sel'skoj mestnosti // Aktual'nye problemy gosudarstva i obshhestva v oblasti obespecheniya prav i svobod cheloveka i grazhdanina: materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, posvjashhennoj 68-j godovshhine so dnja prinjatija Vseobshhej deklaracii prav cheloveka, g. Ufa, 8 dekabrya 2016 goda : v 5 ch. Ch. I / pod obshh. red. R.V. Nigmatullina. Ufa: Ufimskij JuI MVD Rossii, 2017.
6. Lemieux P. Public Health and the Regulatory State // Society. 2014, 51 (3).



Об авторах: Нигматуллин Ришат Вахидович, доктор юридических наук, профессор, заместитель начальника Уфимского юридического института по научной работе
e-mail: nigm2004@mail.ru

Сулейманова Римма Рифхатовна, кандидат философских наук, доцент Башкирского государственного университета.

© Нигматуллин Р.В., 2017

© Сулейманова Р.Р., 2017

Статья получена: 18.09.2017. Статья принята к публикации: 19.09.2017.

Статья опубликована онлайн: 20.09.2017.

About the author: Nigmatullin Rishat V., Doctor of Law, Professor, Deputy Head of Ufa Law Institute for Scientific Research.

e-mail: nigm2004@mail.ru

Suleymanova Rimma R., Candidate of Philosophy, Associate Professor of Bashkir State University.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The author have read and approved the final manuscript.

УДК 340.1



Ю.П. Колесникова

ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ И ИНТЕРПОЛЯЦИЯ ПРАВА

PUBLIC OPINION AND INTERPOLATION OF LAW

Введение: в статье осуществляется рассмотрение института общественного мнения в качестве средства социального регулирования, вступающего во взаимодействие с правовыми регуляторами. Основная цель исследования заключается в анализе общественного мнения как фактора интерполяции права, т.е. его подмены и искажения. В исследовании осуществляется рассмотрение основных положений, характеризующих теоретико-правовую категорию «интерполяция права» с позиции ее соотношения с институтом общественного мнения. Избранная тема актуализируется в условиях наличной потребности в гармонизации и балансировании процессов укрепления демократических институтов и сдерживания неконтролируемого влияния общественного мнения на действие государственного права.

Материалы и методы: в основу исследования положены описательный, аналитический методы, методы формализации и обобщения, методы индуктивных и дедуктивных умозаключений, технико-юридический и формально-юридический методы.

Результаты исследования: автор выдвигает подтверждение на основе обобщенных данных гипотезы, постулирующей дихотомию природы влияния на правовые процессы общественного мнения: с одной стороны, способствующего развитию демократических и правовых институтов, с другой – провоцирующего явление интерполяции права.

Обсуждение и заключения: в качестве ключевых выводов автор обобщает существующие в современной науке перспективные пути установления конструктивного взаимодействия органов государственной власти и общественных институтов.

Ключевые слова: социальное регулирование, интерполяция права, общественное мнение, общественный резонанс, народная правотворческая инициатива.

Для цитирования: Колесникова Ю.П. Общественное мнение и интерполяция права // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2017. Т. 7, № 3. С. 16 - 21.

Introduction: the paper is a review of the institute of public opinion as a means of social regulation, interacting with the legal regulators. The main objective of the research is the analysis of public opinion as a factor of the interpolation of law, that is its manipulation and distortion. The study is examining the main provisions describing the theoretical and legal category of “interpolation of law” from the viewpoint of its ratio with the institute of public opinion. The chosen theme is currently central in terms of cash needs in the harmonization and balancing of the processes of strengthening democratic institutions and curb the uncontrolled influence of public opinion on the state law.

Materials and Method: the basis of this research is descriptive, analytical methods, methods of formalization and generalization, methods of inductive and deductive reasoning, technical-legal and formal legal methods.

Results: the result of the study was the confirmation based on aggregated data hypothesis, postulating a dichotomy of the nature of the influence of public opinion on legal processes: on the one hand facilitates the development of democratic and legal institutions, on the other – provoking interpolation-legal processes.

Discussion and Conclusions: as key findings provides a synthesis of the existing in modern science the most promising ways of establishing constructive interaction of public authorities and public institutions.

Key words: social regulation, interpolation of law, public opinion, public outcry, the people's legislative initiative.

For citation: Kolesnikova Y.P. Public Opinion and Interpolation of Law // Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. 2017; 3(29):16-21.

Введение

Потребность любой сложной системы в качественном механизме упорядочения обусловлена ее природой и выступает обязательным условием ее целостности. Данный тезис в равной степени применим как к конкретным и объективируемым, так и к абстрактным системам. Функционирование и тех и других подчинено определенным законам, отклонения от которых неизбежно приводят к качественным и количественным изменениям.

Одной из самых сложных систем, законы существования которой были и остаются неисчерпаемым предметом осмысления и исследования, является человеческое общество. Этой системе имманентно присуще одновременное стремление к хаосу и к порядку, что выступает и причиной, и следствием бесконечной антагонистической борьбы. При этом стремление политики и права свести к нулю количество бесконтрольных сфер жизнедеятельности общества изначально несостоятельно по причине многослойности материи и динамики изменений.

Факт наличия общественного отношения всегда предполагает наличие регулятора. Зарождение нового общественного отношения при отсутствии моментального реагирования законодателя обеспечивает необходимость использования различных регуляторов. Вместе с тем даже наличность официального источника регулирования не обеспечивает мгновенного отмирания иных социальных средств упорядочения.

Влияние права на общество, хотя и представляет собой сложную категорию, все-таки факт неоспоримый и очевидный. С помощью права государственная власть может приводить в действие и останавливать значимые социальные процессы, стимулировать и сдерживать различные сферы, упреждать и провоцировать те или иные изменения.

Вместе с тем внимание современной науки и практики так или иначе обращается к возможностям влияния самого общества на право и, прежде всего, на механизмы его реализации. В данном случае речь идет не о метафизических конструкциях потенциальной роли демократического общества в укреплении законности и построении институтов правового государства, а о реальных механизмах взаимодействия (в формах и содействия, и противодействия) общественных и государственно-правовых институтов.

К числу явлений, способных оказать воздействие на право, можно отнести общественное мнение. Воздействие общественного мнения на

правотворческую и правореализационную деятельности осуществляется в рамках различных моделей и форм: от системных, поощряемых и финансируемых органами государственной власти, до хаотичных и деструктивных.

Общее признание роли институтов гражданского общества и необходимости стимулирования гражданской активности, однако не может исключить того факта, что общественное мнение далеко не всегда способствует гармоничному развитию и совершенствованию социально-правовой сферы. Так или иначе, общественное мнение имеет оценочный характер. Факт нагромождения правовых институтов оценочными категориями и суждениями всегда отмечался специалистами как деструктивный. Позитивное право не терпит оценочной вариативности, оно должно быть понятным и однозначным, обеспечивающим возможность реализации единообразной правоприменительной практики. Разнородные оценки отдельных социальных групп, личностей, средств массовой коммуникации зачастую не лучшим образом влияют на правоприменителя, способствуя явлению интерполяции права, понятие и сущность которого будут рассмотрены далее.

В качестве рабочей гипотезы исследования выдвигается тезис: общественное мнение в условиях различных обстоятельств может выступать как фактором интерполяции права, так и средством противодействия данному явлению.

Обзор литературы

Категория «интерполяция права» является новой в теоретико-правовой науке. Комплексное ее освещение представлено в монографическом исследовании Р.Б. Головкина и Р.С. Багирова [1]. Применительно к соотношению интерполяции права с общественным мнением наибольший интерес представляет часть данного исследования, в которой осуществляется рассмотрение роли слухов в правовом регулировании. Авторы с теоретической позиции подробно осуществляют рассмотрение сущности слухов, дают понятия и приводят классификацию слухов, имеющих правовое значение, отмечают их влияние на особо важные общественные отношения, оценивают их регулятивный потенциал.

В своем исследовании, посвященном феноменологическому анализу интерполяции в праве, А.С. Тимощук и Е.А. Тимощук затрагивают темы манипуляции сознанием аудитории средствами массовой информации, зарождения юридических домислов в комму-

¹ Статистика и аналитика // Официальный сайт МВД. URL: <https://mvd.ru> (дата обращения: 14.06.2017).

никативно-деятельностной среде, указывают на непосредственную обусловленность интерполяции права возможностями группового правосознания [2].

Помимо непосредственного освещения соотношения интерполяции права с элементами общественного мнения, в современной юридической литературе существуют исследования, направленные на выявление проблем взаимодействия общества и государственно-правовых институтов.

Тем не менее, на наш взгляд, остались неосвещенными вопросы деструктивности инертных и пассивных разновидностей проявления общественного мнения, регулятивного потенциала общественного резонанса. Кроме того, важной задачей исследования в рамках данной статьи явилось рассмотрение общественного мнения не только в качестве фактора, определяющего негативную интерполяцию права, но и в качестве средства противодействия последней.

Материалы и методы

Объектом исследования выступил феномен интерполяции права во взаимодействии с явлением общественного мнения. В ходе исследования были проанализированы анонсы нормативных правовых актов в средствах массовой информации, материалы блогосферы, справочных правовых систем. Материалы исследовались на предмет наличия интерполяционно-правовых факторов – факторов подмены и искажения права. Основные результаты исследования получены путем индуктивных и дедуктивных умозаключений. Техничко-юридическое направление исследования реализовывалось путем раскрытия понятия интерполяции права, а также в выявлении специфических нормативных связей данного понятия с объективной действительностью.

Результаты исследования

В теоретической науке интерполяция права – «умышленное или неосторожное искажение, подмена изначальных смыслов формируемых и изданных юридических норм, а также возникновение незапланированных законодателем правовых последствий в процессе реализации и действия права в целом» [3].

Теоретическая категория «интерполяция права» демонстрирует как вовлеченность права в социальную среду, так и уязвимость посредством воздействия социальных институтов, в том числе и посредством общественного мнения. Искажение сути правовой нормы в процессе правоприменительной деятельности под влиянием и давлением общественности – явление достаточно распространенное. В особенности данный тезис

применим к резонансным практикам правореализационной деятельности.

Общественный резонанс, как следствие обострения активности общественности, оказывает полярное влияние как на правотворческую, так и на правоприменительную деятельность. С одной стороны, пристальное внимание общественности обязывает должностных лиц более ответственно подходить к совершению юридически значимых действий. С другой стороны, указанные обстоятельства создают психологическую напряженность в деятельности, что может привести к стремлению скорейшего принятия решения. В такой ситуации создаются условия для правоприменительных ошибок, неоправданных усмотрений.

Общественное мнение характеризуется принадлежностью к определенной группе. Даже в самом немногочисленном обществе небольшого государства невозможно формирование единого мнения относительно значимых правовых вопросов. Понятие «общественное мнение» весьма условно. Корректнее говорить, например, о мнении большинства или о мнениях отдельных групп, в основном имеющих собственные интересы, которые могут явно или латентно не согласовываться с интересами других групп. Данное обстоятельство обращает внимание к проблеме лоббизма собственных интересов под видом посылы общественности наиболее активными социальными группами.

Наряду с указанным выше, одной из проблем учета общественного мнения в правовом направлении деятельности государства являются манипуляции правом и спекуляции правовой информацией. Гипертрофированные формы использования права часто применяются лицами, склонными к девиантному поведению. Правовые манипуляции и спекуляции также неизменно сопровождают деятельность многих средств массовой информации. В числе методов таких манипуляций общественностью можно назвать вырывание нужной информации из контекста, несоответствие заголовков и содержаний, открытую дезинформацию. Зачастую анонсируя правовой акт, средства массовой информации прибегают к воспроизведению оценочной и прогностической информации, выдаваемой за объективное содержание и смысл закона.

Еще одной важной характеристикой общественного мнения выступает его инертность. Наличие у отдельного человека мнения по тому или иному значимому правовому вопросу практически никогда не означает его готовность не только к конструктивным действиям, но и к открытому и обоснованному его высказыванию. Также зачастую аргументация существу-

ющей позиции ограничивается несодержательным «я так считаю». Кроме того, общественному мнению присущи такие характеристики, как импульсивность и зависимость от эмоциональной составляющей.

Однако, несмотря на перечисленные выше проблемы, демократическое общество предполагает вовлечение общества в правовую жизнь государства посредством различных приемов. Поэтому одной из задач науки и практики является формирование и внедрение конструктивных путей учета общественного мнения в правотворческой и правореализационной деятельности. Конструктивные пути учета мнения общественности позволяют сформировать и укрепить механизмы, сдерживающие и противодействующие многим негативным явлениям, в том числе и выше обозначенному явлению – интерполяции права. Как уже отмечалось, грамотно организованная гражданская активность может выступить хорошим элементом контроля над деятельностью правоприменителя, обязывая его действовать, не выходя за рамки закона, сужая границы произвольного усмотрения. Кроме того, обоснованное общественное мнение, лежащее в основе грамотных механизмов, может оказывать принципиальное воздействие на законотворческую деятельность государства, сдерживая увеличение числа интерполяционных (потенциально нереализуемых или нелегитимных) законов.

Большое влияние на взаимодействие данных институтов оказывает деятельность Общественной палаты Российской Федерации. В соответствии с нормативно-правовыми предписаниями, Общественная палата в России обеспечивает согласование деятельности элементов системы общества и элементов государственной власти. Например, к числу правомочий данной структуры законом отнесено право осуществления общественной экспертизы нормативных правовых актов. Несмотря на рекомендательный характер решений, выносимых палатой по итогам проведения экспертизы, очевидно, что само явление независимой оценки правового продукта способствует транспарентности законодательного процесса, а следовательно, и его совершенствованию.

Федеральный закон «Об Общественной палате Российской Федерации» (далее – закон об Общественной палате) приводит перечень проектов нормативных правовых актов и затрагиваемых ими вопросов, по которым Общественная палата вправе проводить общественную экспертизу. Также законом регламентированы права рабочей экспертной группы, создаваемой для данного направления деятельности.

Однако, по мнению ряда исследователей, в

настоящий момент процедура общественной экспертизы правовых актов не получила достаточной законодательной регламентации. Регулятивные положения, содержащиеся в законе об Общественной палате, оставляют открытыми многие вопросы как теоретического, так и практического характера. Две статьи в составе указанного закона содержат общие положения, не способные в полной мере регламентировать сложную и ответственную процедуру общественной экспертизы правовых актов. В частности, специалисты отмечают целесообразность совершенствования терминологического аппарата [3], отсутствие закрепления в законе базовых принципов, целей и задач экспертиз, субъектного состава [4] и т.д.

Наряду с предложениями по совершенствованию общественной экспертизы правовых актов, современная наука предлагает множество путей развития института взаимодействия государства и общества в правовом направлении. Так, А.Н. Миронов обращает внимание на проблемы регламентации процедуры обращений граждан в виде предложения. В числе основных проблем реализации данного права граждан автором отмечается некорректность законодательного закрепления определенных направлений предложений, а именно отсутствие закрепления в числе таких направлений проектной нормотворческой деятельности граждан. Также указанный автор к проблемам в данной сфере относит следующее: неопределенность полномочий органов исполнительной власти на принятие нормативных правовых актов, и, как следствие, неопределенность адресата предложения граждан; отсутствие регламентации сопроводительных документов к обращению, определяющих целесообразность преобразований, содержащихся в проекте; несостоятельность заявленных законодателем сроков рассмотрения обращений граждан применительно к предложению; отсутствие законодательной регламентации разработки нормативных правовых актов на основе предложения физических и юридических лиц [5].

А.В. Лукашева предлагает создать в составе Государственной Думы Российской Федерации отдельный орган, который будет специализироваться на рассмотрении конструктивных обращений граждан, содержащих конкретные предложения по совершенствованию правовых норм [6].

С.А. Авакьян выступает за закрепление народной правотворческой инициативы не только на местном или региональном, но и на федеральном уровне. В своем исследовании указанный автор разрабатывает механизм реализации данного института, при этом делая акцент на его равенстве

в системе правотворческой инициативы в целом [7]. Очевидно, отсутствие каких-либо привилегий для гражданской правотворческой инициативы будет способствовать реализации общеправового принципа справедливости, а также более высокому и конкурентоспособному уровню подготовки нормативных правовых актов.

На наш взгляд, на сегодняшний день назрела необходимость принятия комплексного законодательного акта, регламентирующего деятельность в области осуществления экспертизы нормативных правовых актов, в том числе и общественной. Данная необходимость обусловлена наличием большого числа видов экспертизы при отсутствии должной регламентации их осуществления и взаимного существования.

Обсуждение и заключения

Таким образом, влияние общественного мнения на правовые институты имеет полярный характер и может как способствовать укреплению

законности и правопорядка, так и оказывать обратный эффект. Нередко общественное мнение выступает инструментом давления на сроки и результаты правотворческой и правореализационной деятельности. В данном случае мнение общественности является фактором негативной интерполяции права, т.е. его подмены и искажения. Однако общественное мнение может выступать не только фактором, способствующим интерполяции права, но и средством противодействия искажений и подмены права. Конструктивный общественный контроль, не превращающийся в диктат толпы, очевидно, может способствовать укреплению законности во всех сферах жизнедеятельности. Это означает целесообразность обращения внимания законодателя к существующим в юридической науке предложениям по совершенствованию института взаимодействия государства и общества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Головкин Р.Б., Багиров Р.С. Интерполяция права: монография / Р.Б. Головкин, Р.С. Багиров; Федеральная служба исполнения наказаний. Владим. юрид. ин-т Федер. службы исполн. наказаний. Владимир: ВЮИ ФСИН России, 2015. С. 26.
2. Тимошук Е.А., Тимошук А.С. Феноменологический анализ интерполяции в праве // Вестн. Владим. юрид. ин-та. 2016. № 3. С. 194-198.
3. Борисов А.М. Институт общественной экспертизы в оценках российской научной общественности // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2010. № 3 (15). URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/institut-obshchestvennoy-ekspertizy-v-otsenках-rossiyskoy-nauchnoy-obshchestvennosti> (доступ получен: ноябрь 2016).
4. Богородицкий А.А. Общественная экспертиза в законодательном процессе // Известия Пензенского государственного педагогического университета. № 24. 2011. С. 103-108;
5. Миронов А.Н. Предложение как вид обращения и способ совершенствования правовой системы // Пениitenciарная система и общество: опыт взаимодействия: материалы Междунар. науч.-практ. конф. Пермь, 15-16 мая 2014 г. / Федер. служба исполн. наказаний; Пермский ин-т Федер. службы исполн. наказаний. – Пермь: ПИ ФСИН России, 2014.
6. Лукашева А.В. Общественное мнение и законотворчество. Демократия и права человека // Гражданин и право. 2011. № 11.
7. Авакьян С.А. Общественный фактор в законотворчестве // Конституционное и муниципальное право. 2006. № 3.

REFERENCES

1. Golovkin R.B., Bagirov R.S. Interpolyatsiya prava: monografiya / R.B. Golovkin, R.S. Bagirov ; Federal'naya sluzhba ispolneniya nakazanii. Vladim. yurid. in-t Feder. sluzhby ispoln. nakazanii. – Vladimir: VYuI FSIN Rossii, 2015. P. 26.
2. Timoshchuk E.A., Timoshchuk A.S. Fenomenologicheskii analiz interpolyatsii v prave // Vestn. Vladim. yurid. in-ta. 2016. No 3. P. 194-198.
3. Borisov A.M. Institut obshchestvennoi ekspertizy v otsenках rossiiskoi nauchnoi obshchestvennosti // Uchenye zapiski. Elektronnyi nauchnyi zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta. 2010. No 3 (15). Rezhim dostupa: <http://cyberleninka.ru/article/n/institut-obshchestvennoy-ekspertizy-v-otsenках-rossiyskoy-nauchnoy-obshchestvennosti> (dostup poluchen: noyabr' 2016).
4. Bogoroditskij A.A. Obshchestvennaya ekspertiza v zakonodatel'nom protsesse // Izvestiya Penzenskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. № 24. 2011. S. 103-108. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/institut-obshchestvennoy-ekspertizy-v-otsenках-rossiyskoy-nauchnoy-obshchestvennosti> (dostup

poluchen: noyabr' 2016).

5. Mironov A.N. Predlozhenie kak vid obrashcheniya i sposob sovershenstvovaniya pravovoi sistemy // Penitentsiarnaya sistema i obshchestvo: opyt vzaimodeistviya: materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. Perm', 15-16 maya 2014 g. / Feder. sluzhba ispoln. nakazanii ; Permskii. in-t Feder. sluzhby ispoln. nakazanii. – Perm': PI FSIN Rossii, 2014.
6. Lukasheva A.V. Obshchestvennoe mnenie i zakonotvorchestvo. Demokratiya i prava cheloveka // Grazhdanin i pravo. 2011. No 11.
7. Avak'yan S.A. Obshchestvennyi faktor v zakonotvorchestve // Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo. 2006. No 3.

Об авторах: Колесникова Юлия Павловна, адъюнкт Владимирского юридического института ФСИН России

e-mail: kjuliank@mail.ru

© Колесникова Ю.П., 2017

Статья получена: 18.04.2017. Статья принята к публикации: 30.04.2017.

Статья опубликована онлайн: 20.09.2017.

About the author: Kolesnikova Yuliya P., Post Graduate Student of Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service

e-mail: kjuliank@mail.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The author have read and approved the final manuscript.

ИЗДАНИЯ КАЗАНСКОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА МВД РОССИИ



Проблемы национальной безопасности : вопросы теории и практики. Пятые юридические чтения : материалы всероссийской научно-практической конференции Казанского юридического института МВД России 3 июня 2017 года. – Казань : КЮИ МВД России, 2017. – 252 с.

В сборник включены тезисы выступлений профессорско-преподавательского состава на ежегодной научно-практической конференции КЮИ МВД России.

Для научно-педагогических работников, аспирантов и соискателей, студентов, курсантов и слушателей образовательных организаций системы МВД России, практических работников органов внутренних дел, всех, кто изучает современные проблемы борьбы с преступностью.

УДК 343.3

DOI: 10.24420/KUI.2017.3(29).7370.

В.В. Казаченко



ЭВОЛЮЦИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ ИСПОЛНЕНИИ
НАКАЗАНИЙ В ВИДЕ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ В РОССИИ
В XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

DEVELOPMENT OF THE LEGISLATION ON EXECUTION
OF PUNISHMENTS IN THE FORM OF IMPRISONMENT IN RUSSIA
IN THE XIXTH – THE BEGINNING OF THE XXTH CENTURIES

Введение: для современного уголовно-исполнительного законодательства актуальным представляется изучение исторического опыта развития законодательства, регламентировавшего исполнение наказаний в пенитенциарных учреждениях. Цель исследования заключается в комплексном анализе правового регулирования исполнения наказаний в местах лишения свободы Российской империи и выработке предложений по совершенствованию действующего законодательства.

Материалы и методы: методологической основой исследования стал диалектический метод познания, позволивший рассмотреть возникновение и изменение нормативных правовых актов, регламентирующих деятельность пенитенциарной системы Российской империи. В статье применяются сравнительно-исторический метод, позволивший рассмотреть правовое регулирование исполнения наказаний в виде лишения свободы в различные периоды развития пенитенциарной системы Российской империи; формально-юридический метод, представивший возможность толковать нормативные правовые акты, регламентирующие деятельность пенитенциарных учреждений и др.

Результаты исследования: в статье проводится анализ правового регулирования исполнения наказаний в местах лишения свободы Российской империи. Особое внимание уделено изменениям условий содержания осужденных в процессе эволюции законодательства. Прослеживаются тенденции внедрения усовершенствований в деятельности пенитенциарной системы в процессе развития пенитенциарного законодательства в дореволюционный период. Наряду с общероссийским законодательством рассматриваются нормативные правовые акты, издаваемые на региональном (местном) уровне.

Обсуждение и заключения: на основе анализа имперского законодательства автором вносятся предложения по совершенствованию современного уголовно-исполнительного законодательства.

Ключевые слова: законодательство, наказания, лишение свободы, пенитенциарные учреждения, Российская империя.

Для цитирования: Казаченко В.В. Эволюция законодательства об исполнении наказаний в виде лишения свободы в России в XIX – начале XX вв. // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2017. Т. 7, № 3. С. 22 - 28. DOI: 10.24420/KUI.2017.3(29).7370.

Introduction: for the modern development of the criminal-executive legislation, it is important to study the historical experience of development of the legislation on the enforcement of sentences of deprivation of liberty. Therefore, the aim of the study is a comprehensive analysis of legal regulation of execution of punishment in imprisonment places in the Russian Empire and the elaboration of proposals to improve existing legislation.

Materials and Methods: Methodological basis of research was the dialectic method of cognition, which allowed us to consider the emergence and change of normative legal acts, regulating activity of the penitentiary system of the Russian Empire. The paper uses the comparative historical method, which allowed considering the legal regulation of execution of punishment of deprivation of freedom in various periods of development of the penitentiary system of the Russian Empire; the formal-legal method, presenting the ability to interpret regulatory and legal acts regulating the activities of penitentiary institutions etc.

Results: the paper shows the legal regulation of execution of punishment in prison of the Russian Empire. Special attention is paid to changes in the conditions of detention in the evolution of the legislation. Trends improvements in the prison system in the process of development of prison legislation in the pre-revolutionary period. Together with the national legislation deals with the normative legal acts issued by the regional (local)

level.

Discussion and Conclusions: based on the analysis of imperial legislation by the author makes offers on perfection of the modern criminal-executive legislation.

Key words: legislation, punishments, imprisonment, penitentiary institutions, the Russian Empire.

For citation: Kazachonok V.V. Development of the Legislation on Execution of Punishments in the Form of Imprisonment in Russia in the XIXth – the beginning of the XXth centuries. Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. 2017. V. 7, № 3. P. 22-28. DOI: 10.24420/KUI.2017.3(29).7370.

Введение

В реализации политики российского государства в отношении осужденных, содержащихся в местах лишения свободы, используется как зарубежный опыт, так и собственный, поскольку за всю историю существования отечественной пенитенциарной системы она накопила богатейший опыт, имеющий и отрицательные, и положительные стороны.

Обзор литературы

Историческое развитие пенитенциарной системы достаточно долгое время является пристальным объектом для изучения учеными-правоведами. Развитию законодательства об исполнении наказаний в местах лишения свободы в различные периоды Российской империи посвящены научные труды С.Л. Гайдука [1], М.И. Ключникова [2], Л.Ф. Пертли [3], С.А. Соколова [4], Ю.Ф. Соцкого [5], И.В. Упорова [6], А.М. Фумм [7] и др. Эти исследования внесли ощутимый вклад в развитие историко-правовых направлений, освещающих эволюцию уголовно-исполнительного законодательства в дореволюционный период. Тем не менее за рамками исследований осталось правовое регулирование деятельности пенитенциарных учреждений на местном уровне. Поэтому в статье проводится комплексный анализ пенитенциарного законодательства Российской империи как на общероссийском, так и региональном уровне (например Казанской губернии). В работе используются материалы фондов Национального архива Республики Татарстан.

Объектом исследования стали общественные отношения, складывающиеся в процессе развития законодательства об исполнении наказаний в виде лишения свободы в Российской империи в период его зарождения до существенных изменений в уголовно-правовой политике и пенитенциарной системе в связи с революционными преобразованиями.

К XIX в. тюремное заключение нашло широкое применение, однако нормы, регламентирующие порядок и условия исполнения наказаний, связанных с лишением свободы, отсутствовали. Данное положение негативно отражалось на деятельности мест лишения свободы, особенно неблагоприятно оно сказывалось на заключенных.

Тюремные преобразования в Российской империи на-

чались с Указа Александра I (1821 г.), предписывающего в губерниях строительство тюремных замков по особым планам. В Указе отмечалась необходимость раздельного содержания арестантов разных категорий, привлечения заключенных к труду, нравственно-религиозного воздействия на личность осужденного¹. Таким образом, цель наказания, заключающаяся в исправлении преступника, предложенная еще Екатериной II, получила свое отражение в правовых актах Александра I. Однако отсутствие законодательства, регламентировавшего исполнение наказания в виде лишения свободы, а также существующее еще в тот период крепостное право, превращает тюрьму в орудие произвола.

Тем не менее предпринимается комплекс мероприятий по улучшению условий отбывания наказаний в местах лишения свободы. Создается Общество попечительное о тюрьмах, основная цель которого заключалась в нравственном исправлении и улучшении состояния лиц, содержащихся в местах заключения [8].

Актом, регулировавшим порядок и условия исполнения наказания в тюремных учреждениях, становится Инструкция смотрителю губернского тюремного замка от 20 мая 1831 г.², в которой определялись основные положения содержания заключенных в тюрьмах. Она стала первым правовым актом, регулирующим режим содержания заключенных в пенитенциарных учреждениях. Инструкция устанавливала круглосуточный прием прибывающих арестантов и вводила для них обязательное медицинское освидетельствование, регламентировала вопросы вещевого обеспечения, организации внутреннего тюремного распорядка, обеспечения раздельного содержания некоторых категорий заключенных, правового положения церкви и ее представителей, порядка совершения религиозных обрядов и др.

В Инструкции предусматривалась возможность осуществления телесных наказаний силами самих арестантов. Однако в целях обеспечения безопасности лиц, предназначенных для осуществления телесных наказаний, они должны были содержаться изолированно от основной массы арестантов.

Инструкция характеризуется дальнейшей гуманизацией тюремного заключения. Она предписывала

¹Полное Собрание Законов Российской Империи (далее – ПСЗ). Собр. 1. Т. 27. № 2072.

²Инструкция смотрителю губернского тюремного замка // Сборник узаконений и распоряжений по тюремной части / сост. Т.М. Лопато. Пермь, 1903. С. 57.

раздельное содержание заключенных женщин и мужчин, взрослых и несовершеннолетних. Согласно ст. 205 Инструкции, смотритель должен был обходиться с заключенными «кротко и человеколюбиво», стараться приобрести их доверие, располагая ими при трудах разговорами, заботясь об их нуждах, при этом точно и твердо исполнять свои обязанности. А при назначении наказания он должен применять разумность и справедливость.

Однако одновременно в соответствии с сословным строем российского общества инструкция запрещала размещать в одних камерах чиновников и разночинцев с «чернью». Действие Инструкции распространялось на территории всей Российской империи.

На основании общероссийского законодательства издавались и региональные правовые акты. Так, 16 августа 1837 г. Казанское губернское правление принимает «Уложение о постоянной повинности в г. Казани и об арестантской роте гражданского ведомства», согласно которому в ведение роты поступали только мужчины: преступники с небольшими сроками заключения (как правило, до двух лет), бродяги, крепостные, отправленные «на исправление» по воле помещиков, приговоренные к высылке в Сибирь [9].

Наиболее распространенными правовыми актами управления являлись циркуляры — ведомственные правовые акты, являвшиеся директивными распоряжениями, содержащими определенные предписания подчиняющимся органам. В свою очередь Губернские тюремные комитеты издавали циркуляры по разъяснению и уточнению норм, регламентирующих деятельность пенитенциарной системы по исполнению наказаний, а также для урегулирования организационных вопросов непосредственно в деятельности пенитенциарных учреждений.

В период упрочнения абсолютизма происходит существенное развитие права. Издается много законов, проводится работа по систематизации законодательства. Первым правовым актом, в котором были систематизированы нормы, регламентирующие исполнение наказаний в виде лишения свободы, становится «Свод учреждений и уставов о содержащихся под стражей и о ссыльных». Закон принимается в 1832 г. Государственным Советом, а в 1842 г. в него вносятся дополнения.

Юрисдикция этого закона распространялась на лиц, относящихся к разным сословиям, причем для некоторых из них предусматривались определенные привилегии и льготы. Бытовые условия, питание дворян, чиновников и купцов первой и второй гильдий, обращение с ними отличались от условий содержания других арестантов. Особенность Свода заключалась в том, что его положения указывали на преимущество ссылки, поскольку количество статей о ссыльных в нем было в четыре раза

больше количества статей о содержащихся под стражей. Посредством ссылки государство видело возможность решения внутренних проблем [10].

В систему мест заключения по закону входили губернские и уездные тюремные замки, смиренные и рабочие дома, тюрьмы, содержащие заключенных каторжан, исправительные арестантские роты. В этих учреждениях господствовал суровый режим, продолжали широко применяться телесные наказания.

Приведенные выше правовые акты, регулировавшие исполнение наказаний в виде лишения свободы, имели свое действие на территории всей империи и, соответственно, в пенитенциарных органах и учреждениях губерний. Проблемой всех субъектов российского государства в начале XIX в. являлось то, что подавляющая часть действующего нормативного материала была неизвестна государственным органам и чиновникам, мало того, некоторые из них вообще были недействующими. Многие законы не публиковались, а размножались путем переписывания.

С середины XIX в. данное положение стало меняться, поскольку государство было заинтересовано в квалифицированных кадрах тюремной системы, а для этого необходимо было своевременное обеспечение их действующим законодательством. Примером тому является высылка Казанскому губернатору для Тюремного отделения Полного издания свода законов и продолжения к нему в количестве 90 книг¹.

15 августа 1845 г. Николаем I было подписано Уложение о наказаниях уголовных и исправительных¹, согласно ст. 2 которого за совершение преступлений и проступков виновные подвергались наказаниям «уголовным и исправительным». Государство по-прежнему преследовало разные цели в применении наказания, выражающиеся в устрашении преступника, исключении его из жизни общества. Наряду с этим, государство все более стремилось к перевоспитанию осужденных.

Переход России на новый путь развития в ходе проведения буржуазных реформ 1860–1870-х гг. сопровождался существенными изменениями правовой системы в целом и уголовного права в частности. Уже 17 апреля 1863 г. был подписан указ «О некоторых изменениях в существующей ныне системе наказаний уголовных и исправительных»², который отменил телесные наказания, закрепив основным видом наказания лишение свободы.

5 декабря 1866 г. принимается закон «Об исправительных приютах», который впервые осуществил правовое регулирование исполнения наказания несовершеннолетних осужденных. К учреждению приютов призывались не только государственные, но и общественные организации,

а также частные лица, земства и духовенство, при этом находиться они должны были в ведении МВД. Исправительные заведения в законе назывались «богоугодными и общепользовными» и предназначались для совершивших преступления детей [11]. Наиболее активно откликнулись на этот призыв частные лица, при этом деятельность открывающихся заведений была организована по-разному, так как у частных учредителей имелись разные взгляды и подходы к делу [12]. Недостатком закона 1866 г. являлось отсутствие в нем системы воспитания, а также мер поощрений и дисциплинарных взысканий.

В целях устройства и содержания воспитательно-исправительных ремесленных приютов законодательством предусматривается создание специальных обществ. Так, 23 января 1873 г. министром внутренних дел утверждается Казанское общество земледельческих колоний и ремесленных приютов¹.

Существенным элементом проводившихся преобразований стала тюремная реформа, завершившаяся в 1879 г. В ходе нее было создано Главное тюремное управление (далее — ГТУ) Российской империи, задача которого состояла в упорядочивании пенитенциарной системы, приведении в порядок тюремных учреждений, обеспечении сносных условий содержания заключенных и исполнения наказания. 11 декабря 1879 г. принимается закон «Об основных положениях, имеющих служить руководством при преобразовании тюремной части и пересмотре Уложения о наказаниях»², возложивший на ГТУ разработку программы строительства и реконструкции тюремных зданий, а также указывающий на необходимость введения одиночной системы содержания заключенных в тюрьмах.

Созданные в 1890 г. губернские тюремные инспекции становятся контролирующими органами над местными пенитенциарными учреждениями, издавая ведомственные правовые акты, имевшие свое действие на определенной территории. К примеру, в связи с имевшимся случаем невнесения в местное Казначейство всего арестантского заработка за целый год и самовольного его расходования на тюремные хозяйственные нужды, не имеющие ничего общего с заработком, циркуляром Казанской губернской тюремной инспекцией от 29 декабря 1907 г. № 6607 в Казанской губернии

устанавливался порядок денежной отчетности по арестантским заработкам, за нарушение которого начальники мест заключения несли ответственность³.

Кроме этого, тюремные инспекции были своего рода регуляторами в деятельности пенитенциарных учреждений на местном уровне, разъяснявшими положения основных правовых актов об исполнении наказания в виде лишения свободы. Так, 7 ноября 1907 г. Казанской губернской тюремной инспекцией давалось разъяснение по исчислению сроков содержания заключенных в соответствии с Уголовным уложением 1903 г. с приведением примера⁴.

В процессе развития уголовно-исполнительной системы важную роль в деятельности мест заключения имели циркуляры, правила и др. правовые акты управления ГТУ. К примеру, с введением системы дактилоскопии в Российской империи с 1 января 1907 г. ГТУ направило во все губернии и области Правила о производстве и регистрации дактилоскопических снимков. При этом министр юстиции признал возможным отменить в актах особых присутствий и комиссий по освидетельствованию ссыльных, а также в статейных списках описание частей правого уха, носа, лба и челюстей (отношение ГТУ от 30 декабря 1906 г. № 32)⁵.

В связи с часто встречающимися трудностями при разрешении вопросов о приеме и освобождении лиц, доставляемых для содержания под стражей из-за отсутствия в действующих распоряжениях по тюремной части точных указаний, в целях предупреждения незаконного содержания под стражей заключенного ГТУ разработало Правила об условиях и порядке приема и освобождения арестантов⁶.

В целях побуждения осужденных к самоисправлению посредством возможного сокращения срока наказания при хорошем поведении во время содержания в пенитенциарном учреждении 22 июня 1909 г. принимается закон «Об условно досрочном освобождении». Его действие распространялось на заключенных, содержащихся в тюрьмах и в исправительных арестантских отделениях, если отбытый ими срок составлял не менее 3/4 от срока наказания по приговору суда, при этом они должны были находиться в пенитенциарном учреждении не менее шести месяцев без учета срока пребывания под стражей. Помимо этого, их поведение в пенитенциарном учреждении должно было давать

¹Циркуляр ГТУ от 26 октября 1891 № 14973 // Национальный архив Республики Татарстан (далее — НА РТ). Ф. 2. Оп. 12. Д. 11. Л. 209.

²Высшие и центральные государственные учреждения России. 1801-1917 гг. Т. 1: Высшие государственные учреждения. СПб.: Наука, 1998. С. 36.

¹НА РТ. Ф. 638. Оп. 1. Д. 4. Л. 1.

²ПСЗ-2. Т. 54. № 60268.

³НА РТ. Ф. 2. Оп. 12. Д. 161. Л. 18.

⁴НА РТ. Ф. 2. Оп. 12. Д. 161. Л. 15-16.

⁵НА РТ. Ф. 2. Оп. 12. Д. 1631. Л. 45-46.

⁶Распоряжение ГТУ от 21 декабря 1906 г. № 29 // НА РТ. Ф. 2. Оп. 12. Д. 1631. Л. 30-38.

основание предполагать, что после освобождения их образ жизни будет добропорядочным. В законе указывались категории осужденных, к которым не применялось условно-досрочное освобождение: это были заключенные, осужденные за конокрадство, и те, которые после отбытия наказания в виде срочного лишения свободы подлежали по закону водворению в Якутскую область ссыла на поселение [1].

Значительным актом в истории тюремной системы периода самодержавия становится Общая тюремная инструкция, подписанная 28 декабря 1915 г. министром юстиции. Инструкция предписывала всем чинам тюремной стражи обходиться с арестантами человеколюбиво, спокойно и справедливо. В то же время в ней акцентировалось требование строгого соблюдения установленного порядка арестантами, при этом ни при каких условиях не должны были допускаться насильственные действия к ним. Служебная деятельность должна нести с добросовестным отношением к своим служебным обязанностям, порядочным поведением и образом жизни [13]. Кроме этого, в 1915 г. выпускается новое издание «Памятки тюремного надзирателя», служившее практическим пособием для чинов тюремной стражи при исполнении ими обязанностей своей службы.

Позже, в 1917 г., Инструкция подверглась переработке в связи с несоответствием устанавливаемых инструкцией правил новым задачам тюремного дела революционной России. Для этого по губерниям был разослан циркуляр ГТУ от 27 апреля 1917 г. № 34 с требованием о предоставлении предложений по изменению Инструкции, с учетом местных условий и нового правопорядка.

Результаты исследования

Таким образом, деятельность мест заключения до рассматриваемого периода не имела общероссийского правового регулирования, поэтому порядок и условия содержания заключенных в тюрьмах определялись местной тюремной администрацией. И только в XIX в. были приняты нормативные правовые акты, регламентирующие на общегосударственном уровне порядок исполнения наказаний в виде лише-

ния свободы.

В целом исполнение наказаний в виде лишения свободы осуществлялось согласно законодательству, отражавшему общие тенденции развития Российского государства. На его основе в регионах издавались нормативные акты, детализирующие отдельные вопросы деятельности пенитенциарных учреждений, не урегулированные общероссийскими законами. В целях более эффективной реализации пенитенциарной политики государства на территории губерний издавались отдельные циркуляры по разъяснению и уточнению норм, регламентировавших деятельность мест заключения.

В настоящее время одним из средств воздействия на осужденных является возможность их условно-досрочного освобождения, предоставляющегося при выполнении определенных условий, включающих отбытие определенного срока наказания в зависимости от совершенного преступления, возмещение (полностью или частично) вреда, причиненного преступлением, и решение суда о том, что осужденный для своего исправления не нуждается в дальнейшем отбывании наказания. При этом условно-досрочное освобождение может применяться ко всем без исключения осужденным, лишенным свободы, тогда как в Российской империи условно-досрочному освобождению подлежали не все категории осужденных, и в этом ограничении, на наш взгляд, есть целесообразность.

Обсуждение и заключения

Мы считаем, что осужденные, являющиеся злостными нарушителями, не вставшие на путь исправления, не должны представляться к условно-досрочному освобождению. Поэтому предлагаем статью 79 Уголовного кодекса Российской Федерации дополнить частью 1.1. следующего содержания: «1.1. Осужденные, содержащиеся в строгих условиях отбывания наказания в исправительных колониях, воспитательных колониях или на строгом режиме в тюрьмах, признанные злостными нарушителями установленного порядка отбывания наказания, не подлежат условно-досрочному освобождению».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гайдук С.Л. Тюремная политика и тюремное законодательство пореформенной России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1987. 22 с.
2. Ключников М.И. Развитие законодательства о наказании в России во второй половине XIX – начале XX вв.: учеб. пособие / М.И. Ключников; Федер. служба исполнения наказаний, Владим. юрид. ин-т Федер. службы исполнения наказаний. Владимир: ВЮИ ФСИН России, 2010. 26 с.
3. Пертли Л.Ф. Правовое регулирование условий содержания заключенных в Российской империи (1879 г. – февраль 1917 г.): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2011. 22 с.
4. Соколов С.А. Правовое регулирование исполнения уголовного наказания в тюрьмах : учеб. пособие; Владим. юрид. ин-т, каф. уголов.-исполн. права. 2-е изд., испр. Владимир, 2009. 76 с.

5. Соцкий Ю.Ф. Правовое регулирование исполнения уголовного наказания в виде лишения свободы в дореволюционной России: дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 1998. 176 с.
6. Фумм А.М. Правовое регулирование исполнения уголовного наказания в виде лишения свободы в Российской империи, конец XVIII - 70-е года XIX века: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. 27 с.
7. Упоров И.В. Первое законодательное закрепление тюремного заключения как наказания в российском праве // Российская академия наук. Институт государства и права. Государство и право. М.: Наука, 1998. № 9. С. 86-90.
8. Полищук Н.И. Попечение о лицах, отбывающих наказание: СПб.: Изд-во Юрид. ин-та (Санкт-Петербург), 2011. 240 с.
9. Топоров А.А. Охранять, созидать и жить (к 170-летию ИК-2). Казань: Издательский дом «Титул-Казань», 2006. С. 11.
10. Лисин А.Г., Петренко Н.И., Яковлева Е.И. Тюремная система Российского государства в XVII – начале XX в.: учеб. пособие. М.: Акад. МВД России, 1996. С. 27.
11. Ашин А.А. Правила об исправительных приютах 1866 г. и их назначение в становлении исправительных заведений для несовершеннолетних // Пенитенциарная система: история и современность: посвящается 130-летию Уголовно-исполнительной системы России. Иваново: ИПК «ПресСто», 2008. С. 248.
12. Беляева Л.И. Становление и развитие исправительных заведений для несовершеннолетних правонарушителей в России. М., 1995. С. 10.
13. Детков М.Г. Реформы системы исполнения уголовных наказаний и их исполнение на различных этапах его функционирования // История уголовно-исполнительной системы России (к 130-летию образования УИС): сб. научных статей. М., 2009. С. 43.

REFERENCES

1. Gajduk S.L. Tjurenaja politika i tjurennoe zakonodatel'stvo poreformennoj Rossii: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. M., 1987. 22 p.
2. Kljuchnikov M.I. Razvitie zakonodatel'stva o nakazanii v Rossii vo vtoroj polovine XIX – nachale XX vv.: ucheb. posobie / M.I. Kljuchnikov; Feder. sluzhba ispolnenija nakazanii, Vladim. jurid. in-t Feder. sluzhby ispolnenija nakazanii. Vladimir: VJuI FSIN Rossii, 2010. 26 p.
3. Pertli L.F. Pravovoe regulirovanie uslovij soderzhanija zakljuchennyh v Rossijskoj imperii (1879 g. – fevral' 1917 g.): avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. Vladimir, 2011. 22 p.
4. Sokolov S.A. Pravovoe regulirovanie ispolnenija ugovnogo nakazanija v tjur'mah : ucheb. posobie; Vladim. jurid. in-t, kaf. ugovn.-ispoln. prava. 2-e izd., ispr. Vladimir, 2009. 76 p.
5. Sockij Yu.F. Pravovoe regulirovanie ispolnenija ugovnogo nakazanija v vide lishenija svobody v dorevoljucionnoj Rossii: dis. ... kand. jur. nauk. Rjazan', 1998. 176 p.
6. Fumm A.M. Pravovoe regulirovanie ispolnenija ugovnogo nakazanija v vide lishenija svobody v Rossijskoj imperii, konec XVIII - 70-e goda XIX veka: avtoref. dis. ... kand. jur. nauk. M., 2004. 27 p.
7. Uporov I.V. Pervoe zakonodatel'noe zakreplenie tjurennoego zakljuchenija kak nakazanija v rossijskom prav // Rossijskaja akademija nauk. Institut gosudarstva i prava. Gosudarstvo i pravo. M.: Nauka, 1998. № 9. P. 86-90.
8. Polishhuk N.I. Popechenie o licah, otbyvajushhih nakazanie: SPb.: Izd-vo Jurid. in-ta (Sankt-Peterburg), 2011. 240 p.
9. Toporov A.A. Ohranjat', sozidat' i zhit' (k 170-letiju IK-2). Kazan': Izdatel'skij dom «Titul-Kazan'», 2006. P. 11.
10. Lisin A.G., Petrenko N.I., Yakovleva Ye.I. Tjurenaja sistema Rossijskogo gosudarstva v XVII – nachale XX v.: ucheb. posobie. M.: Akad. MVD Rossii, 1996. P. 27.
11. Ashin A.A. Pravila ob ispravitel'nyh prijutah 1866 g. i ih naznachenie v stanovlenii ispravitel'nyh zavedenij dlja nesovershennoletnih // Penitencijarnaja sistema: istorija i sovremennost': posvjashhaetsja 130-letiju Uголовно-исполнител'noj sistemy Rossii. - Ivanovo: IPK «PresSto», 2008. P. 248.
12. Beljaeva L.I. Stanovlenie i razvitie ispravitel'nyh zavedenij dlja nesovershennoletnih pravonarushitelej v Rossii. M., 1995. P. 10.
13. Detkov M.G. Reformy sistemy ispolnenija ugovnyh nakazanii i ih ispolnenie na razlichnyh etapah ego funkcionirovanija // Istorija ugovno-ispolnitel'noj sistemy Rossii (k 130-letiju obrazovanija UIS): sb. nauchnyh statej. M., 2009. P. 43.

Об авторе: Казаченок Виктория Владимировна, кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры административного права, административной деятельности и управления органами внутренних дел Казанского юридического института МВД России

e-mail: kazachenokv@mail.ru

©Казаченок В.В., 2017

Статья получена: 06.06.2017. Статья принята к публикации: 19.09.2017.

Статья опубликована онлайн: 20.09.2017.

About the author: Kazachenok Victoriya V., Candidate of Jurisprudence, Senior Lecturer in Administrative Law of Kazan Law Institute of MIA of Russia, Administrative Activities and Management of the Internal Affairs Bodies

e-mail: kazachenokv@mail.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The author have read and approved the final manuscript.

ИЗДАНИЯ КАЗАНСКОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА МВД РОССИИ



Направления совершенствования деятельности дежурных частей органов внутренних дел России: материалы всероссийского круглого стола. – Казань: КЮИ МВД России, 2017. – 60 с.

В сборнике представлены материалы выступлений участников всероссийского круглого стола, организованного и проведенного 14 апреля 2017 года Казанским юридическим институтом МВД России.

Для преподавателей, курсантов, слушателей, адъюнктов образовательных организаций системы МВД России, а также практических работников органов внутренних дел.

УДК 343.6

Л.С. Андрейченко

ОТДЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ РЕАЛИЗАЦИИ СУДЕБНОЙ РЕФОРМЫ 1864 ГОДА

CERTAIN ISSUES OF IMPLEMENTATION OF THE JUDICIAL REFORM OF 1864



Введение: в статье исследуются отдельные аспекты становления и развития судебной системы России в период судебной реформы 1864 г. Цель работы: показать, что именно судебная реформа в череде иных реформ рассматриваемого периода имела наибольшее значение для становления российского правового общества второй половины XIX в., так как способствовала формированию общих стандартов судопроизводства, которые стали основой для дальнейшего развития судебной системы России.

Материалы и методы: методологией исследования являются описательный, научно-аналитический, историко-правовой, теоретико-юридический методы, анализ и синтез в рамках исторического анализа.

Результаты исследования: автор статьи подчеркивает, что реформа 1864 г. позволила создать более прогрессивную для XIX века судебную систему и необходимые условия для внедрения законности в систему государственного управления Российской империи. Благодаря ей были утверждены основополагающие принципы современного правосудия, а именно: осуществление правосудия специально уполномоченным органом – судом; гласность судебного процесса, равенство всех перед законом и судом; гуманизм; законность; уважение к личности; право на судебную защиту и др.

Обсуждение и заключения: автор указывает, что борьба между либеральными и консервативными лагерями породила ряд перипетий: несовершенство механизма комплектования судебных кадров; особый порядок предания суду должностных лиц; отсутствие должной гарантии независимости суда от государственной администрации.

Ключевые слова: правосознание, судебная реформа, принципы, судебная система, судопроизводство, судостроительство.

Для цитирования: Андрейченко Л.С. Отдельные вопросы реализации судебной реформы 1864 года // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2017. Т. 7, № 3. С. 29 - 36.

Introduction: the paper examines some aspects of the formation and development of judicial system of Russia in a period of Great judicial reform of 1864 the thesis that judicial reform in a series of other reforms of the period under review had the greatest impact on the development of Russian legal society of the second half of the XIX century as contributed to the formation of common standards of justice, which became the basis for the further development of the Russian judicial system.

Materials and Methods: methodological basis of the paper is descriptive, scientific-analytical, historical-legal, theoretical-legal methods, analysis and synthesis within the limits of historical analysis.

Results: the relevance and justification of the criminalization of acts is emphasized. This justifies the redundancy of Art. 110.1 of the Criminal Code of the Russian Federation, due to the objective possibility of establishing responsibility for declining and assisting suicide in Art. 110 of the Criminal Code. Analyzed ways to bring to suicide, declination to commit suicide and facilitate the commission of suicide. The list of common characteristics for these acts is supplemented. The categories of new crimes are being revised. Due to this the fundamental principles of the modern justice were established, namely, by administration of justice by designated authority, court; publicity of juridical process, equality of all before the law and court, legacy, respect for the individual, right to judicial protection etc.

Discussion and Conclusions: the author made proposals for the regulation and differentiation of criminal responsibility of bringing to suicide and facilitating its commission. A new version of Article 110 of the Criminal Code is being developed among other conclusions.

Key words: criminalization of acts, changes in the Criminal Code of the Russian Federation, bringing to

suicide, inducing suicide, facilitating suicide, crimes against life, adolescent rights.

For citation: Andreichenko L.S. Certain Issues of Implementation of the Judicial Reform of 1864 // Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. 2017. V. 7, № 3. P. 29 - 36.

Введение

Особая роль в череде знаменательных для России второй половины XIX века политико-правовых событий отводится судебной реформе 1864 г., которая должна была путем обеспечения справедливого правосудия повысить доверие не только к судебной ветви власти, но и к государству, всем его правовым институтам обеспечения охраны социально-значимых интересов жизни общества, обеспечения равенства граждан перед законом и укрепления политического порядка.

В связи с этим исследование эволюции деятельности судебных органов в указанный период позволяет с новой точки зрения проанализировать содержание исторического процесса становления судебной системы, развитие основных ее правовых институтов, процессуального права.

Обзор литературы

Основные этапы истории, становления и развития судебной системы России изучались такими учеными, как Г.А. Джаншиев, И.И. Исаев, А.Ф. Кони, А.С. Кобликов, И.Н. Куksин, П.Е. Казанский, О.Е. Кутафин, В.М. Лебедев, В.Ф. Одоевский, Н.Д. Сергеевский, Е.Е. Тонков, Р. Уортман и др. Однако до сегодняшнего времени некоторые вопросы становления и развития судебной системы все еще не нашли своего разрешения. На наш взгляд, многие современные проблемы в деятельности судебных органов и в законодательстве, их регулирующем, во многом предопределены историческим наследием государства.

А.Я. Вышинский, Т.В. Казеева, Н.Г. Корнишина, А.Г. Кузьмин, Н.В. Логачева, В.М. Марасанова характеризуют процесс формирования и становления судебной системы каждого государства, в том числе и России, как длительный, но в то же время неизбежный [1; 2, с. 522; 3, с. 73; 4, с. 65; 5, с. 58; 6, с. 26]. Зачастую он сопровождается различными катаклизмами политического, экономического, социального и культурного характера. «При этом функции судебной власти чаще всего в значительной мере оказываются заполитизированными. В этих условиях применение судебных актов как мер государственного принуждения, – утверждает А.Г. Кузьмин, – приводит к тому, что судебная власть воспринимается в качестве репрессивного элемента государственного механизма, направленного преимущественно на поддержание правопорядка» [4, с. 63].

Материалы и методы

Методологией исследования является описательный метод, благодаря которому удалось детально отразить историческую трансформацию судебной системы России, передать опыт ученых, ранее изучавших развитие и становление судебной системы, анализ и синтез в рамках исторического анализа, с помощью которых автор подвел итоги судебной реформы.

Результаты исследования

За весь период своего исторического развития судебная система России неоднократно подвергалась глубокой трансформации, так как каждый исторический период вносил свою лепту в деятельность соответствующих институций. Однако наиболее важным в этом плане представляется обращение к историческому опыту проведения судебной реформы 1864 г., которая привнесла революционные изменения в систему судостроительства и судопроизводства. Основной ее идеей стала идея единства судебной власти и целостности механизмов правосудия, которая нашла свое воплощение в Судебных статутах 1864 г. [7, с. 260]. «Судебная реформа, – писал А. Кони, – призвана была нанести удар худшему из видов произвола, произволу судебному, прикрываемому маской формальной справедливости. Она имела своим последствием оживление в обществе умственных интересов и научных трудов. Со старой судебной практикой науке было нечего делать» [8, с. 3]. Результатом этой реформы стало воплощение международных стандартов и принципов осуществления правосудия: гласности, состязательности, равенства сторон в судебном процессе и др. [9, с. 67].

Безусловно, для проведения масштабных преобразований в сфере судопроизводства XIX века существовали определенные предпосылки. Если говорить о причинах проведения судебной реформы, то они очевидным образом просматриваются в следующем: в 1861 году в России пало крепостное право, которое содержало два взаимоисключающих понятия – «крепостное» и «право». Это была особая система правоотношений, регулировавшая жизнь русского народа, в которой многие крестьяне являлись не субъектами, а, скорее, объектами правоотношений. После отмены крепостного права десятки миллионов людей стали новыми субъектами права. И если раньше их правоотношения регулирова-

лись помещиками, то теперь приходилось искать новые механизмы регулирования. Потребовалась совершенно новая правовая система, необходимо было вводить иные институты права и регуляторы правоотношений [10, с. 244; 11, с. 133; 12].

Это было основной причиной судебной реформы. Она была логическим следствием ликвидации старой системы права – крепостного права. Вторая не менее важная причина заключалась в том, что реформа должна была обеспечить наметившийся курс на модернизацию или же обновление России, которым срочно нужно было преодолевать социально-экономическую, культурную, техническую и технологическую отсталость от ушедших вперед западных стран. Игнорирование этой ситуации могло бы привести к катастрофе внутри государства. Страна могла не выдержать исторического соревнования народов. Значит, нужна была социально-экономическая, технологическая и техническая модернизация, а успех ее во многом был невозможен без правового сопровождения. Нужно было создать такую правовую базу, которая позволила бы быстро нарастить экономический потенциал в стране, развить предприимчивость народа, обеспечить его правовую защиту. То есть потребность в модернизации страны – важнейшая причина судебной реформы 1864 года. Третья причина заключалась в том, что дореформенный суд не мог обеспечить реализацию стоящих перед Россией задач. По сути дела, инквизиционное судопроизводство порождало массу злоупотреблений, явления коррупции в судах. Все это и обусловило развитие и создание новой правовой системы.

В этих условиях, с нашей точки зрения, обозначились три основных подхода: консервативный, либерально-демократический и радикальный.

Представителем консервативного направления был министр юстиции России граф В.Н. Панин, считавший невозможным какие-либо изменения. По мнению графа Д.Н. Блудова, представлявшего либерально-демократическое направление, улучшить судопроизводство и судостроительство можно было бы и без существенных изменений, исправляя лишь его недостатки путем синтеза «исторических начал» российского законодательства и элементов западноевропейского. Д. Оболенский, являвшийся представителем наиболее радикального течения, полагал, что менять необходимо «все и вся».

Позиция В.Н. Панина не нашла должного понимания в обществе, поэтому основная борьба развернулась между концепциями реформирования судостроительства и судопроизводства Д.Н. Блудова и Д.А. Оболенского. Несмотря на то что противоборство этих двух направлений отчетливо просле-

живалось на протяжении всей судебной реформы, все же преимущество осталось на стороне радикального направления, что, по нашему мнению, в большей мере было обусловлено политической обстановкой XIX века.

С нашей точки зрения, такая «борьба» в исторической ретроспективе должна рассматриваться положительно, так как впоследствии именно она позволила не только выработать наиболее рациональные пути организационно-правового преобразования системы правосудия, но и в очередной раз подчеркнуть их неотвратимость. Однако для создания новой модели суда был необходим образец, которого дореформенное правосудие не имело. Проводить же эксперименты, создавая свои неизвестные мировой юстиции образы и формы, не имело смысла, так как это означало бы в очередной раз вступить в противоречие с потребностями времени.

Так, реформаторами судебной власти была проведена большая работа, направленная на создание наиболее оптимальной формы правосудия согласно изменениям социально-политической сферы российского общества. Ее результатом стало утверждение в ноябре 1864 г. Александром II Судебных уставов (Учреждение судебных установлений; Устав уголовного судопроизводства; Устав гражданского судопроизводства; Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями).

Именно с издания обозначенных документов началась реформа 1864 г., позволившая создать модель правосудия, отвечающую требованиям цивилизованного общества. Основные положения этой реформы были сведены к следующему: создавались новые судебные учреждения: коронный и мировой суды. Коронный суд имел две инстанции: окружной суд (в пределах губернии, что составляло округ) и судебная палата, объединявшая несколько судебных округов. Окружной суд был коллегиальным и имел в своем составе, кроме профессиональных судей, 12 присяжных заседателей, выбранных из представителей разных сословий. Присяжные заседатели во время рассмотрения уголовных дел должны были вынести вердикт подсудимому. Введение суда присяжных можно рассматривать как определенный фактор формирования гражданского общества, но одновременно это имело и сугубо утилитарное значение для суда, который должен был осуществлять правосудие. Судья и члены суда, согласно закону, определяли меру наказания. Решения с участием присяжных считались окончательными и могли быть обжалованы только в кассационном порядке. При отсутствии присяжных решения могли быть обжалованы в судебной палате. В качестве суда первой инстанции судебная

палата разбирала дела о государственных и должностных преступлениях, которые рассматривались с участием сословных представителей. С целью рассмотрения мелких уголовных дел и мелких исков на сумму не более 500 рублей были созданы мировые суды с упрощенным судопроизводством. Мировые судьи избирались волостными земскими собраниями (в Москве, Петербурге, Одессе – городскими думами) сроком на три года. Апелляционной инстанцией для мировых судов был съезд судей, который имел право повторно рассмотреть дело с вынесением решения полиции¹.

Ряд авторов указывают на то, что в рассматриваемый период судебный процесс стал состязательным, на место канцелярской тайны пришла гласность, заочное рассмотрение дел было заменено публичным разбирательством с участием сторон и их адвокатов. Был утвержден принцип осуществления правосудия только судом, отменена система формальных доказательств, институт оставления под подозрением. Впервые в истории российского права был утвержден гражданский процессуальный кодекс, вводивший принцип диспозитивности. Все подданные империи были уравнены перед судом [13, с. 119; 14, с. 52; 15; 16, с. 254].

В связи с этим наш современник Р. Уортман отметил, что реформа 1864 г. создала прогрессивную для XIX века судебную систему и необходимые условия для внедрения законности в систему управления Российской империи [17, с. 464].

Кроме того, судебная реформа 1864 г. способствовала гуманизации социальных отношений. Важную роль в этом играла гласность судопроизводства, вследствие чего изменилось отношение общества к административному произволу. Открытые публичные судебные заседания вызвали огромный интерес у всех слоев населения. В залах суда собирали представителей от дворян, купцов, крестьян. Для многих людей это становилось нормой. Среди современников, отмечающих необычайную атмосферу внимания и сострадания нового суда, был сенатор В.Ф. Одоевский, который происходящее в зале описывал так: «...публики пропасть, и много крестьян и слушают с большим вниманием. Заседания длятся до 7 часов. Настоящая юридическая обедня» [18].

Неудивительно, что в попытках реорганизовать систему судопроизводства, несмотря на присутствующие недостатки, все же происходит переход к более совершенным формам судопроизводства [19, с. 92]. А само правосудие из орудия в руках правящей элиты превращается в вид професси-

ональной деятельности. Последнее неизбежно повлекло за собой установление единообразных начал осуществления судопроизводства с последующим созданием соответствующей законодательной основы. Так как русское государство строилось изначально на принципах доминирования обязанностей, где даже права монарха и господствующих классов вытекали из обязанностей и были их продолжением [20, с. 29], наиболее весомым достижением судебной реформы 1864 г. стало провозглашение новых принципов судопроизводства: равенство всех перед законом, состязательность сторон, независимость суда и его бессословность, публичность и гласность.

Большое значение для независимости суда и упрочения принципа законности в уголовных и гражданских процессах имели создание адвокатуры и реорганизация прокуратуры. Адвокатура, созданная судебной реформой, сразу заявила о себе смело и решительно [21, с. 81]. По этому поводу А. Кони отметил важность совершенствования системы правосудия, утверждая, что реформа «внесла новые начала в народную жизнь. Она пробудила в обществе силы, не находившие себе дотоле достаточного применения, она послужила нравственной школой народу и с систематическою настойчивостью стала вызывать в обществе стремление к истинному правосудию и уважение к человеческому достоинству...» [22]. Следует отметить основные принципы, на которых строилась русская адвокатура: совмещение судебного представительства и правозаступничества; свобода профессии с точки зрения ее независимости от органов государственной власти; самостоятельное определение гонорара по соглашению с клиентом; корпоративность [22, с. 83].

Как утверждает А.Г. Галкин, новый суд должен был служить гарантией защиты личности от произвола властей. Например, никто не мог подлежать судебному преследованию за преступление или проступок, не будучи привлеченным к ответственности в порядке, установленном законом. Запрещалось содержание под стражей иначе как в случаях, определенных законом, или в помещениях, не установленных законом. Важным новшеством явилось и то, что суду запрещалось останавливать решение дела под предлогом неполноты, неясности или противоречия законов. Нарушители этого запрета подлежали ответственности за противозаконное бездействие власти. Важнейшей гарантией законности и защиты личности от произвола судебных властей являлась обязанность судов решать дела по точному смыслу закона, а в случае

неполноты, неясности или противоречия законов основывать решения на общем смысле законов. В целом судебная реформа, проводившаяся наряду с крестьянской, земельной, военной, земской, городской и другими, оказалась самой последовательной и прогрессивной. Она опиралась не только на существовавший исторический опыт России, но и учитывала законодательный опыт других европейских государств. В результате была создана российская модель процессуального права [8].

Результаты исследования

Таким образом, Судебные уставы 1864 г. в корне изменили судопростройство, процессуальное и материальное право Российской империи. Судебные органы были отделены от административных и законодательных, учрежден суд присяжных, впервые был введен институт адвокатуры, в корне изменились прокуратура и следствие. Также были провозглашены принципы состязательности, гласности, устности, права на защиту и обжалование приговора, равенства граждан. Эти положения судебных статутах надо было реализовывать на практике, всецело воплотив их в деятельность нового суда.

Кроме того, судебная реформа 1864 г. существенно повлияла и на разрушение устойчивого положения дворянства. Провозгласив равенство перед судом и законом, возможность представителям всех сословий быть присяжными заседателями, иметь равные гражданские и имущественные права, которые гарантировались нормами Устава гражданского судопроизводства, реформа создала важные правовые предпосылки для превращения сословного общества в гражданское. Хотя формально оставалось деление подданных Российской империи на сословия, дворянство в результате реформ потеряло важнейшие привилегии: исключительное право собственности на землю, право судить крестьян и управлять ими и т.п. Несмотря на это, ряд привилегий за дворянством все же был сохранен (титованье, геральдика), но уже невозможно было остановить наметившийся переход к обновленному общественному строю.

Эту реформу нельзя воспринимать как простое обновление правил судопроизводства. Она вобрала в себя все тенденции новой эпохи, которая несла демократические ценности – всеобщность, уважение к человеческому достоинству, равенство всех перед законом. Реформа суда содействовала изменению общественного сознания, перерастанию его из патриархального в гражданское, в частности – повышению уровня уважения к закону [19, с. 91]. Подобный социально-правовой феномен позволил наглядно проиллюстрировать пример воз-

можного сотрудничества общества и государства в условиях жесткого административного управления. При демократизации систем судопроизводства и судопроизводства общественное правосознание проявилось в активных действиях населения по обсуждению законодательных актов [23, с. 27].

В обозначенный период была осуществлена попытка поиска наиболее оптимальных форм организации деятельности органов правосудия, который завершился повсеместным образованием судебных учреждений. Неизменными оставались лишь намеченные основателем и сложившиеся на тот момент их основные задачи и функции, регулярный характер, профессионализм. И все же некоторые ученые, среди которых Г. Филонов и В. Черных, отмечают, что судебная реформа не была лишена ряда недостатков при ее реализации: «Хотя и был провозглашен принцип равенства всех перед законом, тем не менее имели место многочисленные отступления от него, в частности, особый порядок придания суду должностных лиц, отсутствие должной гарантии независимости суда от государственной администрации» [24, с. 43]. Кроме того, скопированная с западных образцов европейская система судопроизводства хорошо работала в западном обществе. В России, как было отмечено авторами, она зачастую давала серьезные сбои.

Однако следует признать, что в борьбе за отстаивание собственных интересов, которые зачастую сводились к поиску политических преступников, государство забывало об основополагающих принципах Судебных уставов. Несмотря на активную борьбу судебной власти с преступностью, она оказалась неспособной гарантировать достойную защиту. Это мешало доказывать, что только суд на основании достаточной доказательственной базы может признать лицо виновным. Все это способствовало нарушению важнейшего постулата, провозглашенного Александром II, что «основное назначение Судебных уставов – возвысить судебную власть, дать ей надлежащую самостоятельность и вообще утвердить то уважение к закону, без которого невозможно общественное благосостояние» [8].

Обсуждение и заключения

Судебная система российского общества в период реформы стала более прогрессивной, так как способствовала созданию категории независимо мыслящих людей, появлению замечательных адвокатов, ораторов, присяжных поверенных, прививала чувство законности, уважения к правопорядку. Однако недостаточная зрелость общества не соответствовала ее характеру и масштабам. Консервативные элементы в нем настойчиво доказывали необходимость возвращения к дореформенным порядкам. Яркий

¹Проекты преобразования судебной системы России и подготовка судебной реформы. URL: <http://scicenter.online/istoriya-gosudarstva/proektyi-preobrazovaniya-sudebnoy-sistemyi-100712.html> (дата обращения: 12.06.2017).

представитель консервативной критики судебной реформы В. Фукс который в своем труде «Суд и полиция» указывал, что новые судебные органы не справляются со своей задачей, используя богатый фактический материал, приводил в первую очередь отрицательные стороны судебной жизни, примеры невежества судей и следователей, случаи произвола, необоснованные вердикты присяжных заседателей. При этом, не задаваясь вопросом о типичности данных явлений, он делал вывод о непригодности Судебных уставов [25].

Подводя итог нашего исследования, мы пришли к выводу, что для России важнейшим событием в истории правосудия стало проведение судебной реформы 1864 г., в реализации которой

можно целенаправленно выделить три основных подхода: 1) консервативный; 2) либерально-демократический и 3) радикальный. Хотя реформа 1864 г. и породила множество проблем и поводов для размышлений, но все же способствовала формированию общих стандартов, которые стали основой для дальнейшего развития судебной системы России. Кроме этого, она заложила основополагающие принципы современного правосудия, а именно: осуществление правосудия специально уполномоченным органом, гласность судебного процесса, равенство всех перед законом и судом, гуманизм, законность, уважение к личности, право на судебную защиту и др.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вышинский А.Я. Теория судебных доказательств в советском праве. Изд. 3-е доп. М.: Юрид. лит., 1950. С. 21. URL: <http://scilib.narod.ru/Other/Vyshinsky/v.htm> (дата обращения: 14.05.2016).
2. Казеева Т.В. Становление правосознания пореформенного общества как историографическая проблема // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2011. С. 520–524.
3. Корнишина Н.Г. Судебная система Российской империи накануне проведения реформы 1864 года (к 150-летию принятия судебных уставов) // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2014. № 1 (29). С. 69–76.
4. Кузьмин А.Г. Этапы конституционализации российской судебной системы // Вестник ЮУрГУ. 2015. Т.15. № 1. С. 63–71.
5. Логачева Н.В. Некоторые меры по контрреформированию судебной защиты и суда присяжных в ходе реализации судебной реформы 1864 года, их последствия // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2016. № 2 (38). С. 55–62.
6. Марасанова В.М. Кадры председателей и членов окружных судов Ярославской губернии во второй половине XIX века // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. 2015. № 1. С. 25–29.
7. Коваленко Т.С. Исторический путь зарождения, становления и развития судебной власти в России // Вестник КГУ. № 5. 2016. С. 259–263.
8. Галкин А.Г. К вопросу об особенностях разработки судебной реформы 1864 года // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2010. № 4. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-ob-osobennostyah-razrabotki-sudebnoy-reformy-1864-goda> (дата обращения: 12.06.2017).
9. Коротких М. Г. Самодержавие и судебная реформа 1864 года в России / Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1989. 185 с.
10. Мархгейм М.В., Тонков Е.Е. Судебная реформа в России: преемственность и модернизация // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. 2014. № 16 (187). С. 241–252.
11. Рябухина А.А. К вопросу о предпосылках и значении судебной реформы 1864 г. // Инновационная наука. 2017. № 2. С. 132–134.
12. Страхов С.Е. Историография общих, региональных и специальных историко-правовых исследований судебной реформы 1864 года в России // Современные исследования социальных проблем. 2014. № 5 (37). URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/istoriografiya-obshchih-regionalnyh-i-spetsialnyh-istoriko-pravovyh-issledovaniy-sudebnoy-reformy-1864-goda-v-rossii-2> (дата обращения: 10.07.2017).
13. Абдарашитов В.М. Влияние основных правовых идей судебной реформы 1864 г. на формирование и развитие принципа презумпции невиновности // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5: Юриспруденция. 2015. С. 117–121.
14. Брушковская Е.Г. К вопросу о правовом регулировании института постановления приговора мировым судьей по законодательным актам судебной реформы 1864 года // Право и современные государства. 2016. № 5. С. 50–54.
15. Герасимова Н.Р., Кораева А.С. Влияние судебной реформы 1864 года на формирование правовой культуры в дореволюционной России // Мир науки и образования. 2015. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/vliyanie-sudebnoy-reformy-1864-goda-na-formirovanie-pravovoy-kultury-v-dorevolutsionnoy-rossii> (дата обращения: 12.06.2017).

16. Панюшкин В.А., Шабанов П.Н. Независимость рожденная реформой // Судебная власть и уголовный процесс. 2014. № 3. С. 252–257.
17. Уортман Р.С. Властители и судьи: Развитие правового сознания в имперской России. М., 2004. 520 с.
18. Одоевский В.Ф. Текущая хроника и особые происшествия. Дневник // Литературное наследие. 1935. № 22/24. URL: http://knigolubu.ru/russian_classic/odoevskiy_vf/dnevnik_v_f_odoevskogo_1859-1869_gg.10807 (дата обращения: 12.06.2017).
19. Попова А.Д. Судебная реформа 1864 года и развитие гражданского общества во второй половине XIX века // Общественные науки и современность. 2002. № 3. С. 89–100.
20. Грачев Н.И. Судебная реформа 1864 года в контексте великих реформ: опыт историософской ревизии // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5: Юриспруденция. 2015. № 1 (26). С. 25–33.
21. Чингузов О.М. Судебная реформа 1864 г.: ее плюсы и минусы // Царскосельские чтения. 2012. № 16. С. 78–86.
22. А.Ф. Кони и Судебная реформа 1864 г. URL: <http://scienceoflaw.ru/books/item/f00/s00/z00000006/st006.shtml> (дата обращения: 12.06.2017).
23. Осадчук Е.И. История зарождения и развития адвокатуры в царской России // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2013 № 4 (54). С. 81–85.
24. Филонов Г.А., Черных В.С. Судебная реформа Александра II // Территория науки. 2015. № 4. С. 26–43.
25. Рассказов В.Л. Органы сыскальной полиции Российской империи в трудах отечественных исследователей // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2015. № 107 (03). С. 1–15.

REFERENCES

1. Vyshinskij A.Ja. Teorija sudebnyh dokazatel'stv v sovetskom prave. Izd. 3-e dop. M.: Jurid. lit., 1950. S. 21. URL: <http://scilib.narod.ru/Other/Vyshinsky/v.htm> (data obrashhenija: 14.05.2016).
2. Kazeeva T.V. Stanovlenie pravosoznaniya poreformennogo obshhestva kak istoriograficheskaja problema // Izvestija Samarskogo nauchnogo centra Rossijskoj akademii nauk. 2011. S. 520–524.
3. Kornishina N.G. Sudebnaja sistema Rossijskoj imperii nakanune provedenija reformy 1864 goda (k 150-letiju prinjatija sudebnyh ustavov) // Izvestija vysshih uchebnyh zavedenij. Povolzhskij region. Gumanitarnye nauki. 2014. № 1 (29). S. 69–76.
4. Kuz'min A.G. Jetapy konstitucionalizacii rossijskoj sudebnoj sistemy // Vestnik JuUrGU. 2015. T.15. № 1. S. 63–71.
5. Logacheva N.V. Nekotorye mery po kontreformirovaniju sudebnoj zashhity i suda prisjazhnyh v hode realizacii sudebnoj reformy 1864 goda, ih posledstvija // Izvestija vysshih uchebnyh zavedenij. Povolzhskij region. Gumanitarnye nauki. 2016. № 2 (38). S. 55–62.
6. Marasanova V.M. Kadry predsedatelej i chlenov okružnyh sudov Jaroslav-skoj gubernii vo vtoroj polovine XIX veka // Vestnik KGU im. N.A. Nekrasova. 2015. № 1. S. 25–29.
7. Kovalenko T.S. Istoricheskij put' zarozhdenija, stanovlenija i razvitija su-debnoj vlasti v Rossii // Vestnik KGU. № 5. 2016. S. 259–263.
8. Galkin A.G. K voprosu ob osobennostjah razrabotki sudebnoj reformy 1864 goda // Vestnik Majkopskogo gosudarstvennogo tehnologicheskogo universiteta. 2010. № 4. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-ob-osobennostyah-razrabotki-sudebnoy-reformy-1864-goda> (data obrashhenija: 12.06.2017).
9. Korotkih M. G. Samoderzhavie i sudebnaja reforma 1864 goda v Rossii / Voronezh: Izd-vo Voronezhskogo un-ta, 1989. 185 s.
10. Marhgejm M.V., Tonkov E.E. Sudebnaja reforma v Rossii: preemstvennost' i modernizacija // Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Filosofija. Sociologija. Pravo. 2014. № 16 (187). S. 241–252.
11. Rjabuhina A.A. K voprosu o predposylkah i znachenii sudebnoj reformy 1864 g. // Innovacionnaja nauka. 2017. № 2. S. 132–134.
12. Strahov S.E. Istoriografija obshchih, regional'nyh i special'nyh istoriko-pravovyh issledovanij sudebnoj reformy 1864 goda v Rossii // Sovremennye issledovaniya social'nyh problem. 2014. № 5 (37). URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/istoriografiya-obshchih-regionalnyh-i-spetsialnyh-istoriko-pravovyh-issledovaniy-sudebnoy-reformy-1864-goda-v-rossii-2> (data obrashhenija: 10.07.2017).
13. Abdarashitov V.M. Vlijanie osnovnyh pravovyh idej sudebnoj reformy 1864 g. na formirovanie i razvitie principa prezumpcii nevinovnosti // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija 5:

Jurisprudencija. 2015. S. 117–121.

14. Brushkovskaja E.G. K voprosu o pravovom regulirovanii instituta postanovlenija prigovora mirovym sud'ej po zakonodatel'nym aktam sudebnoj reformy 1864 goda // Pravo i sovremennye gosudarstva. 2016. № 5. S. 50–54.

15. Gerasimova N.R., Koraeva A.S. Vlijanie sudebnoj reformy 1864 goda na formirovanie pravovoy kul'tury v dorevoljucionnoj Rossii // Mir nauki i obrazovaniya. 2015. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/vliyanie-sudebnoj-reformy-1864-goda-na-formirovanie-pravovoy-kultury-v-dorevoljutsionnoj-rossii> (data obrashheniya: 12.06.2017).

16. Panjushkin V.A., Shabanov P.N. Nezavisimost' rozhdenaja reformoj // Sudebnaja vlast' i ugolovnyj process. 2014. № 3. S. 252–257.

17. Uortman R.S. Vlastiteli i sud'i: Razvitie pravovogo soznaniya v imperskoj Rossii. M., 2004. 520 s.

18. Odoevskij V.F. Tekushhaja hronika i osobyie proisshествiya. Dnevnik // Literaturnoe nasledie. 1935. № 22/24. URL: http://knigolubu.ru/russian_classic/odoevskiy_vf/dnevnik_v_f_odoevskogo_1859-1869_gg.10807 (data obrashheniya: 12.06.2017).

19. Popova A.D. Sudebnaja reforma 1864 goda i razvitie grazhdanskogo obshhestva vo vtoroj polovine XIX veka // Obshhestvennye nauki i sovremennost'. 2002. № 3. S. 89–100.

20. Grachev N.I. Sudebnaja reforma 1864 goda v kontekste velikih reform: opyt istoriosofskoj revizii // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 5: Jurisprudencija. 2015. № 1 (26). S. 25–33.

21. Chinguzov O.M. Sudebnaja reforma 1864 g.: ee pljusy i minusy // Carskosel'skie chtenija. 2012. № 16. S. 78–86.

22. A.F. Koni i Sudebnaja reforma 1864 g. URL: <http://scienceoflaw.ru/books/item/f00/s00/z0000006/st006.shtml> (data obrashheniya: 12.06.2017).

23. Osadchuk E.I. Istorija zarozhdenija i razvitiya advokatury v carskoj Rossii // Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i social'nye nauki. 2013 № 4 (54). S. 81–83.

24. Filonov G.A., Chernyh V.S. Sudebnaja reforma Aleksandra II // Territorija nauki. 2015. № 4. С. 26–43.

25. Rasskazov V.L. Organy sysknoj policii Rossijskoj imperii v trudah otechestvennyh issledovatelej // Politematicheskij setevoj jelektronnyj nauchnyj zhurnal Kubanskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta. 2015. № 107 (03). С. 1–15.

Об авторе: Андрейченко Людмила Станиславовна, старший научный сотрудник группы организации научной работы, соискатель кафедры правоохранительной и судебной деятельности Луганской академии внутренних дел имени Э.А. Дидоренко.
e-mail: naukalavd@mail.ru

©Андрейченко, Л.С., 2017

Адрес: 91001, г. Луганск, ул. Пушкина 1

Статья получена: 18.07.2017. Статья принята к публикации: 19.09.2017.

Статья опубликована онлайн: 20.09.2017.

About the author: Andreichenko Lyudmila S., Seniour Research Worker of the Group of organization of scientific work, aspirant of the Department of Law Inforcement and Judicial Activity, Lugansk Academy of Ministry of Internal Affairs Named After Y.A. Didorenko.

Adress: 91001, Pushkina 1, Lugansk.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The author have read and approved the final manuscript.

УДК 343.6

DOI: 10.24420/KUI.2017.3(29).7371.

А.Ю. Епихин

ИЗМЕНЕНИЕ КВАЛИФИКАЦИИ ПОСЛЕ ВЫНЕСЕНИЯ ПРИГОВОРА

CHANGE OF SUBSUMPTION AFTER CONVICTION



Введение: в статье представлен анализ норм действующего уголовно-процессуального законодательства, регулирующих возможность изменения квалификации при проверке приговора вышестоящими судебными инстанциями. Ставится целью выявить имеющиеся и возможные противоречия правового регулирования квалификации при судебном контроле законности, обоснованности и справедливости приговора, вынесенного судом первой инстанции. Актуальность темы исследования обусловлена наличием неоднозначного отношения судебной практики к изменению квалификации после вынесения приговора, а также недостаточным правовым регулированием оснований к изменению приговора в действующем УПК РФ. Особое внимание обращено на актуальность исследований проблем применения уголовного и уголовно-процессуального права при судебном рассмотрении уголовного дела, а также в постсудебных стадиях.

Материалы и методы: в ходе исследования проводилось обобщение материалов опубликованной судебной практики, а также применялся метод сравнительного анализа правовых норм, регулирующих возможность изменения квалификации после вынесения судом приговора.

Результаты исследования: показаны особенности изменения квалификации в апелляционном, кассационном производстве и других постсудебных стадиях по уголовному делу, а также выявлены противоречия и недостаточность правового регулирования оснований для изменения приговора в апелляционной и кассационной инстанциях уголовного судопроизводства.

Обсуждение и заключения: изменение квалификации является гарантией обеспечения прав и законных интересов личности в сфере уголовного судопроизводства. Исправление ошибки, допущенной судом первой инстанции, направлено на достижение цели уголовного судопроизводства и его назначения, указанного в ст. 6 УПК РФ.

Ключевые слова: уголовное дело; судебная ошибка; квалификация преступления; обвинение; судебные стадии; изменение обвинения и квалификации; апелляционное производство; кассационное производство; новые и вновь открывшиеся обстоятельства; международное сотрудничество.

Для цитирования: Епихин А.Ю. Изменение квалификации после вынесения приговора // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2017. Т. 7, № 3. С. 37 - 42. DOI:10.24420/KUI.2017.3(29).7371.

Introduction: the paper is devoted to the analysis of standards of the existing criminal procedure legislation regulating use of norms of the Criminal code of Russia in the course of criminal proceeding after removal of the first instance of a sentence by court.

Materials and Methods: the integration of materials of published judiciary practice, as well as a method of comparative analysis of legal rules governing the ability to change qualification after the court verdict were applied.

Results: the features of change of qualification in appeal and cassation manufacture and other postcoding stages in a criminal case are shown. The contradictions and insufficiency of the legal regulation of grounds for changing the verdict in the appellate and cassation criminal proceedings were revealed.

Discussion and Conclusions: the change of qualification is a guarantee of the rights and legitimate interests of individuals in criminal proceedings. The correction of mistakes made by the court of first instance, aimed at achieving the goals of criminal justice and its purpose, specified in Article 6 of the Code of criminal procedure.

Key words: criminal case; miscarriage of justice; qualification of a crime; charge; judicial stages; change of charge and qualification; appeal production; cassation production; new and newly discovered facts; international cooperation.

For citation: Epihin A.Y. Change of Subsumption After Conviction // Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. 2017. V.7, № 3. P.37-42. DOI: 10.24420/KUI.2017.3(29).7371.

Введение

Возможность изменения обвинения и квалификации после рассмотрения уголовного дела по существу судом первой инстанции является одной из гарантий вынесения законного, обоснованного и справедливого приговора (ст. 297 УПК РФ). Кроме того, исправление допущенной судебной ошибки напрямую связано с назначением уголовного судопроизводства (ст. 6 УПК РФ), обеспечением прав и законных интересов личности.

Применение норм уголовного закона в процессуальных действиях по уголовному делу влечет одновременное как применение норм Уголовного кодекса (далее – УК), так и Уголовно-процессуального кодекса (далее – УПК). В связи с этим особую актуальность приобретают межотраслевые исследования, направленные на согласование, а также устранение возможных противоречий между уголовно-правовыми и уголовно-процессуальными нормами, о чем нами уже говорилось ранее [1, 2, 3].

Обобщение судебной практики: результаты исследования

После вынесения судом первой инстанции приговора процесс возможного изменения квалификации может быть продолжен при наличии к тому установленных оснований, изложенных в ст. 389.15 УПК РФ. Вместе с тем изменчивость уголовно-правовой оценки может иметь место и на начальных судебных стадиях.

Так, например, в стадии назначения дела к судебному разбирательству на основании ч. 1 ст. 227 УПК по поступившему уголовному делу судья принимает одно из следующих решений: 1) о направлении уголовного дела по подсудности; 2) о назначении предварительного слушания; 3) о назначении судебного заседания. Обратим внимание, что в указанной статье ничего не говорится о квалификации и возможности изменения обвинения, так как эти вопросы могут быть решены только с участием сторон на предварительном слушании при условии возвращения уголовного дела прокурору (п. 2 ч. 2 ст. 229 УПК) или в судебном заседании (ст. 237 УПК РФ).

В судебном следствии влияние на изменение квалификации может оказывать государственный обвинитель (ст. 246 УПК РФ). Опубликованная судебная практика свидетельствует о наличии ошибок применения положений ст. 246 УПК РФ. Так, например, по факту совершения преступления в отношении потерпевшего Г. органами следствия

действия осужденного квалифицированы по п. «в» ч. 4 ст. 162 УК РФ. Государственный обвинитель, выступая в прениях, по данному эпизоду предложил квалифицировать действия осужденного по ч. 3 ст. 111 УК РФ, поскольку обвинение по п. «в» ч. 4 ст. 162 УК РФ не нашло подтверждения. Однако суд первой инстанции, не согласившись с мнением прокурора, действия Н. по факту совершения преступления в отношении Г. квалифицировал в соответствии с предъявленным обвинением по п. «в» ч. 4 ст. 162 УК РФ как разбой, совершенный группой лиц по предварительному сговору, с причинением тяжкого вреда здоровью потерпевшего. Такой пример подтверждает право суда на вынесение собственного процессуального решения по делу вне зависимости от мнения сторон, что является одной из гарантий независимости судебной власти.

Вместе с тем, по мнению Президиума Верховного Суда РФ, в силу ст. 246 и 254 УПК РФ полный или частичный отказ государственного обвинителя от обвинения в ходе судебного разбирательства, а также изменение обвинения в сторону смягчения предопределяет принятие судом соответствующего решения. Исходя из изложенного, Президиум Верховного Суда РФ в своем постановлении № 79-П14 переквалифицировал действия осужденного Н. по факту совершения преступления в отношении Г. с п. «в» ч. 4 ст. 162 УК РФ на п. «а» ч. 3 ст. 111 УК РФ (в ред. Федерального закона от 7 марта 2011 г. № 26-ФЗ). При этом Президиум отметил, что такое изменение обвинения не нарушает права осужденного на защиту, поскольку при указанном изменении квалификации преступления объем нового обвинения уменьшается, составляет лишь часть ранее вмененного преступления, а санкция п. «а» ч. 3 ст. 111 УК РФ не устанавливает более сурового наказания¹. Предоставление подсудимому и его защитнику разумного времени для подготовки к защите от поддержанного государственным обвинителем измененного обвинения указано также и в другом постановлении (п. 17 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30.06.2015 № 29 «О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве»²).

В п. 29 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 05.03.2004 № 1 «О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» отмечено, что «государственный обвинитель в соответствии с требованиями закона должен изложить суду мотивы полного или частич-

ного отказа от обвинения, равно как и изменения обвинения в сторону смягчения со ссылкой на предусмотренные законом основания»¹, которые отражаются в протоколе судебного заседания. Кроме того, правомочие прокурора по изменению обвинения в сторону его смягчения было предметом рассмотрения Конституционного Суда РФ, который в своем постановлении от 08.12.2003 № 18-П признал положения, изложенные в частях 7 и 8 ст. 246 УПК, не противоречащими нормам Конституции Российской Федерации².

Не вступившее в законную силу решение суда первой инстанции согласно ч. 1 ст. 389.2 УПК РФ может быть обжаловано сторонами в апелляционном порядке (ст. 389.4 УПК). Особенность квалификации в стадии апелляционного производства заключена в том, что квалификация содеянного, данная судом первой инстанции, может быть изменена путем вынесения нового решения без возвращения уголовного дела прокурору или в нижестоящий суд для пересмотра дела. Такие широкие полномочия суда апелляционной инстанции вызваны необходимостью сокращения судебных сроков рассмотрения дела и непосредственного решения вопроса виновности (невиновности) в апелляционном заседании.

Квалификация деяния в апелляционной инстанции осуществляется/заключается в на основе имевшихся ранее доказательств, полученных судом первой инстанции, а также новых доказательств, полученных апелляционным судом самостоятельно. Так, согласно ст. 389.23, 389.24, 389.26 УПК РФ, апелляционный суд вправе вынести по делу новое судебное решение, в том числе в сторону ухудшения положения осужденного или оправданного.

В п. 19 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30.06.2015 № 29 внимание судов обращено на запрет отмены оправдательного приговора по смыслу ч. 2 ст. 389.24 УПК РФ по мотивам нарушения права обвиняемого на защиту. Такая отмена по указанным мотивам возможна только в случае обжалования основания оправдания и только по жалобе оправданного, его защитника, законного представителя и (или) представителя (ч. 3 ст. 389.26 УПК РФ)³. Как показывает анализ судебной практики, апелляционные суды крайне редко принимают решения, ухудшающие положение осужденного судом первой инстанции [4].

Такое положение, не исключаем, может быть связано с недостаточным правовым регулированием в УПК оснований изменения приговора. Так, по мнению Н.В. Чекмачевой, «при применении ч. 1 ст. 389.22 и ст. 389.23 УПК РФ возникают явные проблемы, поскольку, какое именно нарушение, допущенное судом первой инстанции, может быть устранено судом апелляционной инстанции, а какое неустранимо и влечет возвращение дела для рассмотрения судом первой инстанции, в уголовно-процессуальном законе не конкретизировано» [5]. Нами поддерживается тезис об уточнении оснований изменения приговора судом апелляционной инстанции. Это позволит не только привести к единообразию правоприменительную практику, но и снизить количество судебных ошибок.

Исправление судебной ошибки в части квалификации общественно опасного деяния или деяния, запрещенного уголовным законом либо в связи с иными обстоятельствами, в суде кассационной и надзорной инстанции ранее было возможно до истечения определенного срока. Федеральный закон от 31.12.2014 № 518-ФЗ «О внесении изменений в статьи 401.2 и 412.2 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации»² исключил срочность (т.е. в один год) для кассационного и надзорного порядков уголовного судопроизводства [6]. Основным аргументом авторов этого проекта закона является то, что ограничение права на обжалование определенных решений соответствующим лицом не может способствовать укреплению режима законности, исправлению допущенных ошибок³. Принятие данных изменений в определенной мере может быть связано с рядом научных критических публикаций [7, 8, 9]. Вместе с тем в виде исключения сроки кассационного производства установлены в ст. 401.6 УПК для решения вопроса о пересмотре вступивших в законную силу судебных решений, влекущих ухудшение положения осужденного, оправданного или лица, в отношении которого дело было прекращено (не позднее одного года), а также в ст. 401.9 УПК указаны сроки рассмотрения кассационных жалоб или представления (не позднее 1 месяца, если дело не было истребовано, или не более 2 месяцев при истребовании материалов уголовного дела).

¹Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2015) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 25.11.2015) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2016. № 3. Март (начало); Бюллетень Верховного Суда РФ. 2016. № 4. Апрель (окончание).

²О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.06.2015 № 29 // Российская газета. 2015. № 150.

¹О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 05.03.2004 № 1 (ред. от 30.06.2015) // Российская газета. 2004. № 60.

²По делу о проверке конституционности положений статей 125, 219, 227, 229, 236, 237, 239, 246, 254, 271, 378, 405 и 408, а также глав 35 и 39 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросами судов общей юрисдикции и жалобами граждан: постановление Конституционного Суда РФ от 08.12.2003 № 18-П // Собрание законодательства РФ. 2003. № 51. Ст. 5026.

Возобновление производства по делу ввиду появления новых или вновь открывшихся обстоятельств может быть обусловлено возникновением событий, связанных в том числе и с необходимостью изменения квалификации содеянного. Уголовно-процессуальный закон раскрывает содержание этих обстоятельств: новыми признаются те из них, которые не были известны суду на момент вынесения судебного решения, исключаящие преступность и наказуемость деяния или подтверждающие наступление в период рассмотрения уголовного дела судом или после вынесения судебного решения новых общественно опасных последствий инкриминируемого обвиняемому деяния, являющихся основанием для предъявления ему обвинения в совершении более тяжкого преступления (п. 2 ч. 2 ст. 413 УПК), а вновь открывшиеся обстоятельства – это те, которые существовали на момент вступления приговора или иного судебного решения в законную силу, но не были известны суду (п. 1 ч. 2 ст. 413 УПК). При возобновлении производства по уголовному делу возможна новая квалификация деяния, установленного приговором суда, вступившим в законную силу. Так, например, среди перечисленных обстоятельств в УПК указаны «заведомая ложность показаний потерпевшего или свидетеля, заключения эксперта <...>, повлекшие за собой постановление незаконного, необоснованного или несправедливого приговора...», а соответственно, и неправильную квалификацию деяния. При этом на основании нового пункта 2.1 ч. 4 ст. 413 УПК к новым обстоятельствам закон относит «наступление в период рассмотрения уголовного дела судом или после вынесения судебного решения новых общественно опасных последствий инкриминируемого обвиняемому деяния, являющихся основанием для предъявления ему обвинения в совершении более тяжкого преступления».

Квалификация содеянного при реализации международного сотрудничества российских и иностранных правоохранительных органов учитывается в содержании запроса о производстве процессуальных действий, который включает не

только сведения о фактических обстоятельствах совершенного преступления, но и его квалификации (п. 6 ст. 454, п. 3 ч. 4 ст. 460 УПК). При этом на квалификацию деяния могут оказывать влияние не только доказательства, собранные по делу на территории Российской Федерации, но и полученные на территории иностранного государства «его должностными лицами в ходе исполнения ими поручения об оказании правовой помощи по уголовным делам или направленные в Российскую Федерацию в приложении к поручению об осуществлении уголовного преследования...» (ст. 455 УПК РФ). Квалификация содеянного учитывается при решении вопроса об отказе в выдаче лица иностранному государству.

При экстрадиции лица, в отношении которого на территории Российской Федерации ведется уголовное преследование, также могут возникать проблемы квалификации преступления. Так, например, Верховный Суд РФ отмечает, что если в ходе расследования были установлены или изменены квалифицирующие признаки преступления, в связи с совершением которого лицо было выдано Российской Федерации, то дополнительное согласие запрашиваемого государства необходимо получить, если указанные признаки свидетельствуют о совершении лицом до его выдачи другого преступления, например убийства, сопряженного с разбоем, вымогательством (п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ), при условии, что ранее лицо было выдано Российской Федерации в связи с совершением деяния, предусмотренного ч. 1 ст. 105 УК РФ. Указанное согласие также требуется, если вследствие изменения квалификации деяния, в связи с совершением которого лицо было выдано, ухудшается положение такого лица (п. 29)¹.

Обсуждение и заключения

Таким образом, процесс уголовно-правовой оценки деяния имеет свое продолжение и после вынесения приговора судом первой инстанции. При этом как собственно квалификация, так и возможность ее изменения находятся в сфере пристального внимания вышестоящих судебных инстанций, порождая правовые последствия.

¹О внесении изменений в статьи 401.2 и 412.2 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации: Федеральный закон от 31.12.2014 № 518-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения 05.05.2017).

²К проекту Федерального закона «О внесении изменений в статьи 401.2, 401.6 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»: пояснительная записка // Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс» (дата обращения 11.01.2015).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Епихин А.Ю., Бурганов Б.Р. Межотраслевые проблемы реализации института преюдиции в современном российском уголовном судопроизводстве // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2016. Т. 158. № 2. С. 596 – 604.
2. Епихин А.Ю. Межотраслевые проблемы квалификации незаконного понуждения к даче показаний (ст. 302 УК РФ) // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2015. № 4 (34). С. 86 – 90.
3. Епихин А.Ю. Межотраслевые проблемы квалификации состава преступления заведомо ложных показаний, заключения эксперта, специалиста или неправильного перевода // Политические, экономические и социокультурные аспекты регионального управления на европейском Севере: материалы Итоговой (тринадцатой) Всероссийской научно-практической конференции. Сыктывкар, 2014. С. 89 – 96.
4. Смирнов Д.В. Ухудшение положения осужденного в суде апелляционной инстанции // Законность. 2015. № 2. С. 37 – 38.
5. Чекмаева Н.В. О возможных путях разрешения некоторых проблем, возникающих при применении главы 45.1 УПК РФ // Уголовное судопроизводство. 2014. № 1. С. 10 – 13; она же // ЭЖ-Юрист. 2014. № 3. С. 1, 6.
6. Епихин А.Ю. Отмена сроков обжалования вступившего в законную силу приговора // Актуальные проблемы юридической науки и правоприменительной практики: сборник материалов V Международной научно-практической конференции, посвященной Дню юриста. Чебоксары, 2015. С. 427 – 432.
7. Потапов В.Д. Широкая свобода обжалования в судах апелляционной, кассационной и надзорной инстанций в редакции Федерального закона от 29 декабря 2010 года № 433-ФЗ // Российский следователь. 2011. № 5. С. 4 – 6.
8. Потапов В.Д. Кассационное и надзорное производство: общее и особенное в контексте законодательных новелл от 29 декабря 2010 г. // Уголовное право. 2011. № 2. С. 99 – 102.
9. Смирнов А.В. Реформа порядка пересмотра судебных решений по уголовным делам: надзор // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». 2011. (дата обращения: 05.05.2017).

REFERENCES

1. Epihin A.Ju., Burganov B.R. Mezhotraslevye problemy realizacii instituta prejudicii v sovremennom rossijskom ugolovnom sudoproizvodstve // Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Serija: Gumanitarnye nauki. 2016. T. 158. № 2. S. 596 – 604.
2. Epihin A.Ju. Mezhotraslevye problemy kvalifikacii nezakonnogo ponuzhdenija k dache pokazanij (st. 302 UK RF) // Juridicheskaja nauka i pravooxranitel'naja praktika. 2015. № 4 (34). S. 86 – 90.
3. Epihin A.Ju. Mezhotraslevye problemy kvalifikacii sostava prestuplenija zavedomo lozhnyh pokazanij, zakljuchenija jeksperta, specialista ili nepravil'nogo perevoda // Politicheskie, jekonomicheskie i sociokul'turnye aspekty regional'nogo upravlenija na evropejskom Severe: materialy Itogovoj (trinadcatoj) Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii. Syktyvkar, 2014. S. 89 – 96.
4. Smirnov D.V. Uхудshenie polozhenija osuzhdenного v sude apelljacionnoj instancii // Zakonnost'. 2015. № 2. S. 37 – 38.
5. Chekmaeva N.V. O vozmozhnyh putjah razreshenija nekotoryh problem, vznikajushhih pri primenenii glavy 45.1 UPK RF // Ugolovnoe sudoproizvodstvo. 2014. № 1. S. 10 – 13; ona zhe // JeZh-Jurist. 2014. № 3. S. 1, 6.
6. Epihin A.Ju. Otmena srokov obzhalovaniya vstupivshego v zakonnuju silu prigovora // Aktual'nye problemy juridicheskoy nauki i pravoprimenitel'noj praktiki: sbornik materialov V Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, posvjashhennoj Dnju jurista. Cheboksary, 2015. S. 427 – 432.
7. Potapov V.D. Shirokaja svoboda obzhalovaniya v sudah apelljacionnoj, kassacionnoj i nadzornoj instancij v redakcii Federal'nogo zakona ot 29 dekabrya 2010 goda № 433-FZ // Rossijskij sledovatel'. 2011. № 5. S. 4 – 6.
8. Potapov V.D. Kassacionnoe i nadzornoe proizvodstvo: obshhee i osobennoe v kontekste zakonodatel'nyh novell ot 29 dekabrya 2010 g. // Ugolovnoe pravo. 2011. № 2. S. 99 – 102.
9. Smirnov A.V. Reforma porjadka peresmotra sudebnyh reshenij po ugolovnym delam: nadzor // Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Konsul'tantPljus». 2011. (data obrashhenija: 05.05.2017).

¹О практике рассмотрения судами вопросов, связанных с выдачей лиц для уголовного преследования или исполнения приговора, а также передачей лиц для отбывания наказания: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 14.06.2012 № 11 (ред. от 03.03.2015) // Российская газета. 2012. № 141.

Об авторе: Епихин Александр Юрьевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики Казанского (Приволжского) федерального университета.

©Епихин А.Ю., 2017

About author: Yepihin Alexandr Y., Doctor of Jurisprudence, Professor, Professor of Department of Criminal Procedure and Criminalistics of Kazan Federal University.

email: doc@epihin.ru

Статья получена: 18.09.2017. Статья принята к публикации: 19.09.2017.

Статья опубликована онлайн: 20.09.2017.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The author have read and approved the final manuscript.

ИЗДАНИЯ КАЗАНСКОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА МВД РОССИИ



Файзуллина Э.Ф.

Русский язык в деловой документации. Культура речи : практикум. – Казань : КЮИ МВД России, 2017. – 70 с.

Цель данного издания – повышение уровня практического владения современным русским литературным языком у специалистов юридического профиля, укрепление и расширение знаний по русскому языку, обучение их практическому применению для построения юридических и иных текстов в соответствии с коммуникативными задачами.

Практикум адресован курсантам и слушателям образовательных организаций системы МВД России, а также всем интересующимся вопросами культуры речи.

М.А. Яворский

ДЕРАДИКАЛИЗАЦИЯ ЗАКЛЮЧЕННЫХ В ТЮРЬМАХ СТРАН СКАНДИНАВИИ¹

DERADICALIZATION OF PRISONERS IN THE PRISONS OF NORDIC COUNTRIES



Введение: в современных условиях особую актуальность приобретают разработка и внедрение программных мероприятий, направленных на противодействие распространению радикальных идеологий среди осужденных к лишению свободы. Многие методологические, организационные и правовые аспекты противодействия экстремизации мест лишения свободы в России и за рубежом остаются малоизученными и требуют углубленного рассмотрения. Статья посвящена анализу особенностей пенитенциарной профилактики насильственных форм экстремизма и радикализации заключенных на основе систематизации практического опыта стран Скандинавии.

Материалы и методы: впервые проведен анализ мер по дерадикализации заключенных в Скандинавских странах на основе использования комплекса научных методов: анализа и сравнения в качестве основных, а также системно-структурного и конкретно-социологического методов в контексте изучения состояния общественных отношений и эффективности правоприменительной деятельности в сфере дерадикализации заключенных.

Результаты исследования: на примере стран Скандинавии (Швеции, Дании, Норвегии, Финляндии и Исландии) автор раскрыл содержание работы с заключенными, исповедующими радикальные взгляды, лицами, осужденными за преступления экстремистского характера, а также рассмотрел вопросы пенитенциарной профилактики насильственных форм экстремизма и радикализации заключенных. Анализ дерадикализационных стратегий стран Скандинавии свидетельствует о том, что комплексные общегосударственные, национальные программы дерадикализации заключенных в этих странах отсутствуют. Несмотря на положительную практику воздействия на заключенных, принимаемые правительствами указанных стран меры не носят всеобъемлющего характера и направлены на работу с некоторыми группами заключенных или отдельными лицами.

Обсуждение и заключения: на основе проведенного анализа автор приходит к выводу о возможности использования положительного опыта данных стран в разработке и принятии дерадикализационных мер применительно к отечественной уголовно-исполнительной системе. Основные положения и выводы статьи могут быть использованы в научной и научно-образовательной деятельности при рассмотрении концептуальных вопросов противодействия экстремизму.

Ключевые слова: пенитенциарные системы, противодействие экстремизму, программы дерадикализации заключенных.

Для цитирования: Яворский М.А. Дерадикализация заключенных в тюрьмах Скандинавских стран // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2017. Т. 7. № 3 (29). С. 43 - 50.

Introduction: in modern conditions, the development and implementation of measures aimed at counteracting the spread of radical ideologies among prisoners acquire special urgency. Many methodological, organizational and legal aspects of countering the extremism of places of deprivation of liberty both in Russia and abroad remain poorly understood and require further study. The present paper is devoted to the analysis of the peculiarities of penitentiary prevention of violent extremism and radicalization of prisoners on the basis of studying the practical experience of the Scandinavian countries.

Materials and Methods: analysis and comparison as the main methods, system and sociological methods in the context of studying the state of public relations and the effectiveness of law enforcement activities in the sphere of the de-radicalization of prisoners.

¹Автор придерживается мнения, что термины «Скандинавия» и «Скандинавские страны» следует рассматривать в совокупности в рамках одного понятия, объединяющего в себе историко-культурную, географическую область, расположившуюся на севере Европы. К странам Скандинавии относятся объединенные языком, историей, культурой, религией, экономикой и образом жизни Швеция, Дания, Норвегия, Финляндия и Исландия.

Results: the author on the example of the Scandinavian countries (Sweden, Denmark, Norway, Finland and Iceland) revealed the content and peculiarities of working with prisoners professing radical views, prisoners of extremism, penitentiary prevention of violent extremism and radicalization of prisoners. An analysis of the Scandinavian countries' de-radicalization strategies suggests that there are no comprehensive national, national programs for the deradicalization of prisoners in these countries. Despite the positive practice of influencing prisoners, the measures taken by the governments of these countries are not comprehensive, aimed at working with individual groups of prisoners or individual prisoners.

Discussion and Conclusions: on the basis of the analysis the author comes to the conclusion that it is possible to use the positive experience of these countries in the development and adoption of measures for de-radicalization with regard to domestic penitentiary institutions. The main provisions and conclusions of the article can be used in scientific and educational activities when considering the conceptual issues of countering extremism.

Key words: penitentiary systems, counteraction to extremism, programs for the de-radicalization of prisoners.

For citation: Yavorskii M.A. Deradicalization of Prisoners in the Prisons of Nordic Countries // Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. 2017. V. 7, № 3. P. 43 - 50.

Введение

В настоящее время мировое сообщество крайне озабочено ростом проявлений насильственного экстремизма и его крайней формы – терроризма. В связи с этим уделяется большое внимание вопросам противодействия распространению радикальных идеологий и их профилактике в пенитенциарной сфере [1, 2]. Несмотря на то, что сегодня в научной среде указанная проблематика получила широкое распространение [3, 4, 5, 6, 7], исследований, посвященных изучению процессов радикализации и дерадикализации тюремного населения в пенитенциарных учреждениях Скандинавских стран, явно недостаточно.

Европейские страны, в том числе государства одного из самых благополучных в сфере безопасности граждан историко-географических регионов мира – Скандинавии, в последние годы активно разрабатывают и внедряют пакеты мер по «дерадикализации» заключенных – той части общества, которая наиболее подвержена влиянию экстремистских идей. Учитывая определенную общность истории развития и органическую связь между собой, единство государственно-правовых корней, системы права и законодательства Скандинавских стран, представляется целесообразным рассмотреть меры по дерадикализации тюремного населения, реализуемые в Швеции, Дании, Норвегии, Финляндии и Исландии. Кроме всего прочего, эти страны объединяют схожие характеристики пенитенциарных систем: устройство и ведомственная принадлежность тюрем, численность (за исключением Исландии) и состав заключенных, общие подходы к пенитенциарному воздействию на них и т.д.

Обзор пенитенциарной практики в Скандинавских странах

Швеция. Исполнение наказаний в виде лишения свободы в Швеции находится в компетенции Службы тюрем и пробации (Swedish Prison and Probation Service – SPPS) под управлением Мини-

стерства юстиции. Общее количество заключенных, содержащихся в 79 пенитенциарных учреждениях страны (включая лиц, содержащихся под стражей), по данным 2016 г.¹ составляло 5245 чел.

Места лишения свободы в зависимости от уровня режима распределены на три класса тюремных заведений: первого, второго, и самые свободные – третьего класса. Это позволяет оградить обычных преступников от осужденных экстремистов. Кроме того, большинство заключенных содержатся в одиночных жилых камерах, что также снижает риск распространения экстремистской идеологии.

В местах лишения свободы Швеции выделяют два основных направления работы по выявлению лиц, склонных к радикализму. Первое связано с теми, кто изначально, еще до попадания в тюрьму, являлся носителем радикальных идей. Второе – работа с заключенными, которые находятся в зоне риска, могут попасть под влияние исламистов. Ключевым аспектом в деятельности по установлению потенциально опасных заключенных является сбор информации обо всех осужденных, вновь поступивших в тюремные учреждения (анализ уголовного прошлого, судебных приговоров, обмен информацией с другими правоохранительными органами и др.). Помимо установления степени радикализации заключенных широко используются специальные воспитательные программы. В основу программы дерадикализации положена так называемая «система динамической безопасности», заключающаяся в постоянном и непрерывном наблюдении персоналом тюрем за поведением «клиентов»-заключенных. Неотъемлемой составляющей такой работы является тщательный контроль за любыми контактами заключенных с внешним миром: письмами, телефонными переговорами, встречами с посетителями и т.д.

Персонал тюрем страны проходит обучение на предмет распознавания признаков возможной радикализации заключенных.

В августе 2015 г. правительство Швеции опубликовало отчет о мерах по противодействию проявлениям насильственного экстремизма и разработке превентивных инициатив и методов борьбы с ними [8]. Отчет содержит рекомендации, направленные на предотвращение экстремизма в учреждениях шведской Службы тюрем и пробации. В качестве основных методов работы в этой сфере следует выделить: активизацию разведывательной деятельности в тюрьмах страны; содержание заключенных относительно небольшими группами; сознательную стратегию размещения заключенных и сотрудников [9], которые ежедневно с ними работают.

Кроме того, в процесс дерадикализации в Швеции вовлечены общественные организации. Так, по инициативе неправительственного фонда по работе с молодежью Fryshuset действует Центр информации по деструктивным субкультурам (Centre for Information on Destructive Subcultures (CIDES)), целью которого является разработка и распространение эффективных подходов по борьбе с формированием деструктивных субкультур, включая экстремистские группы и преступные группировки. Центр активно сотрудничает с представителями Национального совета здравоохранения, полицией, учебными заведениями Швеции и пенитенциарными учреждениями [10].

Дания. Департамент тюрем и пробации Королевства (Department of Prison and Probation in Denmark) находится под юрисдикцией Министерства юстиции. В подчинении Департамента находится 57 исправительных учреждений, общее количество заключенных в которых, по данным 2016 г., составляло чуть более 3400 чел.

В январе 2009 г. правительством Дании был принят план «Общее и безопасное будущее. План действий по предотвращению экстремистских взглядов и радикализации молодежи» (A common and safe future. Action plan to prevent extremist views and radicalization among young people) [11]. План имеет две основные цели: своевременное выявление конкретных угроз, связанных с экстремизмом; поддержание и дальнейшее развитие демократического общества. В Плате обозначены семь основных направлений, среди которых есть проведение дерадикализационных мероприятий в пенитенциарных учреждениях. Ключевые положения Плана отражают компромисс между потребностями тюремных учреждений в безопасности, контроле над заключенными и пониманием необходимости в ресоциализации тюремного населения, сочетают принципы привлечения большего количества тю-

ремных имамов с «усиленным надзором за религиозными услугами в тюрьмах» [12].

В мае 2011 г. пенитенциарное ведомство запустило проект по дерадикализации в тюрьмах. Программа под условным названием «Обратная дорога» (Deradicalisation – Back in track) направлена на дерадикализацию заключенных, которые приняли ультраправые, крайне левые или религиозно мотивированные экстремистские идеологии [13]. В рамках проекта в 2012 г. Министерство по социальным вопросам и интеграции Дании осуществляет сотрудничество с пенитенциарной службой в разработке и тестировании «института наставничества». Схема наставничества специально ориентирована на заключенных и лиц, содержащихся под стражей, которые обвиняются или уже осуждены за преступления на почве ненависти, мотивированные этнической принадлежностью, политическим убеждением и т.д. [14].

Кроме того, в сотрудничестве с Датской службой безопасности и разведки (Politiet's Efterretningstjeneste) проводится специализированное обучение персонала тюрем [15]. В 2013 г. спецслужба выпустила руководство для сотрудников тюрем с рекомендациями по выявлению экстремистов среди заключенных.

В 2015 г. Копенгагенская целевая группа по антирадикализации (Copenhagen Anti-Radicalization Task Force) представила план действий, в котором подчеркивается важность более тесного диалога с религиозными общинами, предлагается укрепить «демократическое образование» молодежи. Планом также предусмотрено развитие сотрудничества в борьбе с экстремизмом с полицейскими подразделениями и тюрьмами [16].

Норвегия. В Королевстве Норвегия государственным органом, ответственным за исполнение наказаний, в том числе связанных с лишением свободы, является Норвежская исправительная служба (Norwegian Correctional Service), управляемая Министерством юстиции и общественной безопасности Норвегии. В 2016 г. общее количество заключенных в норвежских тюрьмах составляло примерно 3900 чел.

В тюрьмах Королевства общими мерами по предотвращению радикализации являются:

обеспечение доступа религиозных организаций к заключенным в строгом соответствии с норвежскими законами, положениями и руководящими указаниями пенитенциарного ведомства в сочетании с уважением и соблюдением прав и свобод заключенных;

¹Здесь и далее статистика по странам представлена по данным «World Prison Brief (WPB)» онлайн-базы данных, обеспечивающей свободный доступ к информации о тюремных системах по всему миру. URL: <http://www.prisonstudies.org/country> (дата обращения: 21.02.2017).

обмен оперативно значимой информацией между норвежской исправительной службой, полицией, органами прокуратуры и спецслужбами;

применение гибкой (прогрессивной) системы распределения заключенных, исходя из степени их персонального риска.

Кроме того, Норвежской исправительной службой разработана информационно-методическая система, объединяющая в себе учебно-методические материалы, информацию и накопленные знания о насильственном экстремизме в целом, в том числе о процессах радикализации заключенных. Система, например, позволяет вовремя выявлять нежелательные связи между отдельными лицами и группами заключенных в тюрьмах.

8 декабря 2011 г. правительством Норвегии был утвержден программный документ – План действий по предотвращению радикализации и насильственного экстремизма (Action Plan Against Radicalisation and Violent Extremism), предусматривающий директивы для норвежских исправительных учреждений [17].

Несмотря на явные различия в организации просветительской работы религиозных объединений в датских и норвежских пенитенциарных учреждениях, число священнослужителей (евангелических лютеранских капелланов и имамов), работающих в тюрьмах, значительно выросло за последние десятилетия. И в Дании, и в Норвегии, где сегодня остро осознают проблему радикализации ислама, программы реабилитации заключенных основаны на широком использовании потенциала института тюремного пастырского служения (капелланства). Так, тюремные капелланы считаются неотъемлемой частью Норвежской церкви (рукоположены ею). Однако деятельность священнослужителей всех конфессий в тюрьмах Норвегии, в отличие от пенитенциарных учреждений Дании, реализуется без официальной государственной поддержки и финансирования, то есть на добровольной основе.

Финляндия. Пенитенциарная система страны представлена Агентством уголовных санкций (Criminal Sanctions Agency), которое находится в подчинении Министерства юстиции и включает в себя 26 исправительных учреждений. Численность тюремного населения (включая задержанных и арестованных), по данным 2016 г., составила 3102 чел.

Финские пенитенциарные учреждения встревожены растущим числом сторонников радикального ислама среди осужденных страны. В последние годы количество радикально настроенных исламистов среди заключенных, отбывающих наказание в финских тюрьмах, значительно увеличилось [18]. В нескольких учреждениях закрытого типа были

выявлены сторонники радикальных течений, придерживающиеся крайне правых и левых взглядов. Кроме того, увеличение в течение последних лет числа иностранных заключенных в исправительных учреждениях Финляндии способствовало росту религиозно мотивированного насилия в тюремной среде.

В связи с этим тюремной службой Финляндии инициируются соответствующие исследования, направленные на совершенствование мер по профилактике радикализации заключенных. Активизированы контакты с религиозными организациями в вопросах религиозной практики в тюрьмах, проводится активная разъяснительная работа среди верующих заключенных. Тюремные власти страны, учитывая рост численности заключенных, исповедующих ислам, наладили сотрудничество с местными имамами.

В августе 2016 года в финской тюрьме города Вантаа (фин. Vantaa), где содержится около 250 заключенных, был запущен пилотный проект Агентства Южной Финляндии по уголовным наказаниям по выявлению насильственного экстремизма и радикализации (Etelä-Suomen rikosseuraamusalueen projekti väkivaltaisen ekstremismin ja radikalisoitumisen tunnistamiseksi) [19]. Проект предполагает тесное сотрудничество правоохранительных ведомств (таможенных органов, полиции, пограничной и иммиграционной служб) в целях выявления среди заключенных лиц, подвергающихся риску радикализации, а также принятия мер по изоляции радикалов. Большое внимание уделяется изучению внешних контактов заключенных. Предполагается, что и после освобождения за бывшими осужденными будет продолжено наблюдение [20]. Также в финских тюрьмах внедряются обучающие программы для заключенных, рассчитанные на помощь с их адаптацией в обществе после окончания срока лишения свободы.

Исландия. Тюремная система страны находится в ведении Администрации тюрем и probation (Prison and Probation Administration - PPA), представлена 5 исправительными учреждениями, которые осуществляют свою деятельность под контролем Министерства юстиции. По данным официальной статистики, в 2016 г. в тюрьмах страны содержалось менее 130 чел. (включая задержанных и арестованных). По официальным данным, правоохранительные органы не сталкивались с проблемой распространения радикальных идей в тюрьмах. Пенитенциарный опыт Исландии представляет определенный интерес лишь в части организации трудоустройства, образования и досуга заключенных, а также процесса исполнения

уголовных наказаний в отношении «сложных» и психически больных заключенных, доля которых в структуре тюремного населения страны существенно возросла в последние годы.

Обсуждение и заключения

Принимаемые меры по дерадикализации тюремного населения в странах Скандинавии преследуют две основные цели: сокращение числа активных членов радикальных групп среди осужденных и помощь в отказе от радикальной идеологии.

Эффективная организация трудовой занятости и профессиональной подготовки заключенных значительным образом способствует снижению риска радикализации пенитенциарных учреждений Скандинавских стран. Труд используется и как средство исправления осужденных, исповедующих радикальные взгляды. Уровень занятости заключенных в этих странах является одним из самых высоких в мире (в Швеции – 84,2 %, Дании – 96,8 %, Норвегии – 89,8 %, Финляндии – 97,5 %, Исландии – 87,9 %).

На высоком уровне организована консультативная, психиатрическая, социально-психологическая и реабилитационная помощь заключенным.

В настоящее время Скандинавские страны обладают определенным потенциалом в поддержке программ дерадикализации членов ультраправых экстремистских групп, реализуют проекты под общим названием Exit Projects, ориентированные на оказание помощи желающим вернуться к нормальной жизни в создании новых социальных связей. К работе с радикалами привлечены все государственные органы и социальные службы, психологи.

В связи с тем, что в странах Скандинавии, как и в целом в Европе, в последние годы наблюдается значительное увеличение количества заключенных-мусульман [21, 22], важная

роль в процессе дерадикализации отводится религиозным организациям.

Швеция, Финляндия, Норвегия и Дания состоят в созданной в 2008 г. при содействии Института стратегического диалога (Institute for Strategic Dialogue) межгосударственной сети по планированию политики противодействия радикализации и поляризации (Policy Planners' Network on Countering Radicalisation and Polarisation – PPN), членами которой также являются Великобритания, Франция, Германия, Нидерланды, Бельгия, Испания и Канада. Сеть призвана содействовать сотрудничеству в целях обмена знаниями и опытом в области предупреждения насильственного экстремизма, в том числе и в пенитенциарных учреждениях государств-участников [23].

В 2015 г. правительства Швеции, Дании, Норвегии и Финляндии образовали аналогичную сеть «северных стран», которая также призвана содействовать преду-преждению радикализации.

Анализ дерадикализационных стратегий стран Скандинавии показывает, что, принимаемые правительствами меры не имеют комплексного характера. Программы дерадикализации этих стран, по нашему мнению, можно условно отнести (по классификации И.В. Пашенко) к «целевым» и (или) «прагматическим», т.е. направленным на работу с некоторыми группами заключенных или отдельными лицами и призванным изменить их взгляды и поведение [24]. Это позволяет констатировать, что комплексные общегосударственные, национальные программы дерадикализации в Скандинавских странах отсутствуют, что вовсе не исключает возможности использования их положительного опыта в разработке и принятии дерадикализационных мер применительно к отечественной уголовно-исполнительной системе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Dean Ch. Addressing Violent Extremism in Prisons and Probation: Principles for Effective Programs and Interventions // Policy Brief. Global Center on Cooperative Security, 2016. September.
2. Preventing the radicalisation of children by fighting the root causes // Council of Europe: Parliamentary Assembly. 2016. April 1. Doc. 14010. URL: <http://www.refworld.org/docid/58373dae4.html> (дата обращения: 21.02.2017).
3. Handbook on the Management of Violent Extremist Prisoners and the Prevention of Radicalization to Violence in Prisons. 2016. October 23. URL: http://www.unodc.org/pdf/criminal_justice/Handbook_on_VEPs.pdf (дата обращения: 21.02.2017).
4. Neumann P.R. Prisons and terrorism radicalisation and de-radicalisation in 15 countries. London, England: ICSR, King's College London; Noricks, D. M. E, 2010.
5. Hannah G., Clutterbuck L., Rubin J. Radicalization or Rehabilitation: Understanding the challenge of extremist and radicalized prisoners. Santa Monica, CA: RAND, 2008.
6. Brandon J. Unlocking Al-Qaeda: Islamist Extremism in British Prisons. London: Quilliam Foundation, 2009.
7. Сысоев А.М. Подходы к пенитенциарной дерадикализации осужденных за проявления религиозного экстремизма в странах Ближнего Востока и Азии // Преступление. Наказание. Исправление. Вологда: Изд-во Волог. ин-та права и экон. ФСИН России, 2014. № 1 (25). С. 83 – 86.

8. Actions to Make Society More Resilient to Violent Extremism // Government Communication 2014/15:144. URL: <http://actions-to-make-society-more-resilient-to-violent-extremism-2014-15-144.pdf> (дата обращения: 01.03.2017).
9. The criminal justice response to radicalization // High-level ministerial conference. Executive summary. Brussels, 2015. October 19. URL: http://ec.europa.eu/justice/events/response-radicalisation-2015/files/radicalisation_conference_report.pdf (дата обращения: 01.03.2017).
10. Organisation for Security and Co-operation in Europe - OSCE (2014). Preventing Terrorism and Countering Violent Extremism and Radicalization that Lead to Terrorism: A Community-Policing Approach. Vienna: OSCE. URL: <http://www.osce.org/atu/111438?download=true> (дата обращения: 01.03.2017).
11. A common and safe future: proposal for an action plan to prevent extremist views and radicalization among young people. Lambert, R., & LastGithens-Mazer, J., 2010.
12. Furseth I, van der Aa Kühle Lene Maria. Prison Chaplaincy from a Scandinavian Perspective // Archives de sciences sociales des religions. 2011. En ligne 153. Janvier-mars, mis en ligne le 15 juin 2011. URL: <http://assr.revues.org/22784>; DOI: 10.4000/assr.22784 (дата обращения: 03.03.2017).
13. Back on track, preventing radicalization among prison inmates. URL: <http://www.cep-probation.org/back-on-track> (дата обращения: 03.03.2017).
14. Ministry of Refugee, Immigration and Integration Affairs of Denmark: The challenge of extremism // Examples of deradicalisation and disengagement programmes in the EU. Copenhagen, 2010. October. URL: www.youthpolicy.org/library/wp-content/uploads/library/2010_Challenge_Extremisme_Deradicalisation_EU_Eng.pdf (дата обращения: 03.03.2017).
15. Brett Julian. Recent Danish Counter-radicalization Initiatives: A Case Study on the Danish Security and Intelligence Service's Dialogue Forum // Policy Brief. 2012. April. URL: http://www.globalcenter.org/wp-content/uploads/2012/06/brett_policybrief_121.pdf (дата обращения: 07.03.2017).
16. Denmark: Extremism & Counter-Extremism // Counter Extremist Project. URL: https://www.counterextremism.com/sites/default/files/country_pdf/DK-04222016.pdf (дата обращения: 11.03.2017).
17. Action plan against Radicalisation and Violent Extremism // Institute for Strategic Dialogue. URL: <https://www.counterextremism.org/resources/details/id/679>.
18. Finland: Dozens of hardcore Muslim prisoners preaching jihad in Finnish prisons // Tundra Tabloids.com. URL: <http://tundratabloids.com/2017/01/finland-dozens-of-hardcore-muslim-prisoners-preaching-jihad-in-finnish-prisons> (дата обращения: 11.04.2017).
19. Suomen vankiloissa kymmeniä ääriajattelua kannattavia islamisteja: osa juhli Euroopan terrori-iskuja // Yle.fi. URL: <http://yle.fi/uutiset/3-9420829> (дата обращения: 23.03.2017).
20. Rise of Radical Islamism Puzzles Prison Authorities in Finland // Edit Sputnik, 2017. Jan 27. URL: <https://sputniknews.com/europe/201701271050074729-finland-radical-islam-prison> (дата обращения: 01.04.2017).
21. Rankin G., Cowen, K. Muslims in Europe: Integration and Counter-Extremism Efforts. 2012.
22. Bezunartea P., Lopez Jose M., Tedesco L. Muslims in Spain and Islamic Religious Radicalism // MICROCON Policy Working Pape, 2009. May 8.
23. The Policy Planners Network on Countering Radicalisation and Polarisation (PPN) // Institute for Strategic Dialogue. URL: <https://www.counterextremism.org/about-us/ppn> (дата обращения: 28.03.2017).
24. Пашченко И.В. Современные практики дерадикализации осужденных за проявление религиозного экстремизма: мировой опыт // Отечественная юриспруденция. 2016. № 12 (14). С. 26 – 33.

REFERENCES

1. Dean Ch. Addressing Violent Extremism in Prisons and Probation: Principles for Effective Programs and Interventions, Policy Brief, Global Center on Cooperative Security, 2016. September.
2. Preventing the radicalization of children by fighting the root causes, Council of Europe: Parliamentary Assembly. 2016, April 1, Doc. 14010, URL: <http://www.refworld.org/docid/58373dae4.html> (accessed 21.02.2017).
3. Handbook on the Management of Violent Extremist Prisoners and the Prevention of Radicalization to Violence in Prisons, 2016, October 23, URL: http://www.unodc.org/pdf/criminal_justice/Handbook_on_VEPs.pdf (accessed: 21.02.2017).
4. Neumann P.R. Prisons and terrorism radicalisation and de-radicalisation in 15 countries, London, England: ICSR, King's College London; Noricks, D. M. E, 2010.
5. Hannah G., Clutterbuck L., Rubin J. Radicalization or Rehabilitation: Understanding the challenge of extremist

and radicalized prisoners, Santa Monica, CA: RAND, 2008.

6. Brandon J. Unlocking Al-Qaeda: Islamist Extremism in British Prisons. London: Quilliam Foundation, 2009.
7. Sysoev A.M. Podhody k penitenciarnej deradikalizacii osuzhdennyh za proyavleniya religioznogo ehkstremizma v stranah Blizhnego Vostoka i Azii (Some approaches to the penitentiary de-radicalization of prisoners of extremism in the countries of the Near East and Asia), Prestuplenie. Nakazanie. Ispravlenie, Vologda: Izd-vo Volog. in-ta prava i ehkon. FSIN Rossii, 2014, No. 1 (25), pp. 83 – 86. (In Russian).
8. Actions to Make Society More Resilient to Violent Extremism, Government Communication 2014/15:144, URL: <http://actions-to-make-society-more-resilient-to-violent-extremism-2014-15-144.pdf> (accessed 01.03.2017).
9. The criminal justice response to radicalization, High-level ministerial conference. Executive summary, Brussels, 2015, October 19, URL: http://ec.europa.eu/justice/events/response-radicalisation-2015/files/radicalisation_conference_report.pdf (accessed 01.03.2017).
10. Organisation for Security and Co-operation in Europe - OSCE (2014). Preventing Terrorism and Countering Violent Extremism and Radicalization that Lead to Terrorism: A Community-Policing Approach, Vienna: OSCE, URL: <http://www.osce.org/atu/111438?download=true> (дата обращения: 01.03.2017).
11. A common and safe future: proposal for an action plan to prevent extremist views and radicalization among young people, Lambert, R., & LastGithens-Mazer, J., 2010.
12. Furseth I, van der Aa Kühle Lene Maria. Prison Chaplaincy from a Scandinavian Perspective, Archives de sciences sociales des religion, 2011, En ligne 153, Janvier-mars, mis en ligne le 15 juin 2011, URL: <http://assr.revues.org/22784>; DOI: 10.4000/assr.22784 (accessed 03.03.2017).
13. Back on track, preventing radicalization among prison inmates, URL: <http://www.cep-probation.org/back-on-track> (дата обращения: 03.03.2017).
14. Ministry of Refugee, Immigration and Integration Affairs of Denmark: The challenge of extremism, Examples of deradicalisation and disengagement programmes in the EU, Copenhagen, 2010, October, URL: www.youthpolicy.org/library/wp-content/uploads/library/2010_Challenge_Extremisme_Deradicalisation_EU_Eng.pdf (accessed 03.03.2017).
15. Brett Julian. Recent Danish Counter-radicalization Initiatives: A Case Study on the Danish Security and Intelligence Service's Dialogue Forum, Policy Brief, 2012, April, URL: http://www.globalcenter.org/wp-content/uploads/2012/06/brett_policybrief_121.pdf (accessed 07.03.2017).
16. Denmark: Extremism & Counter-Extremism, Counter Extremist Project, URL: https://www.counterextremism.com/sites/default/files/country_pdf/DK-04222016.pdf (accessed 11.03.2017).
17. Action plan against Radicalisation and Violent Extremism, Institute for Strategic Dialogue, URL: <https://www.counterextremism.org/resources/details/id/679>.
18. Finland: Dozens of hardcore Muslim prisoners preaching jihad in Finnish prisons, Tundra Tabloids.com, URL: <http://tundratabloids.com/2017/01/finland-dozens-of-hardcore-muslim-prisoners-preaching-jihad-in-finnish-prisons> (accessed 11.04.2017).
19. Suomen vankiloissa kymmeniä ääriajattelua kannattavia islamisteja: osa juhli Euroopan terrori-iskuja // Yle.fi. URL: <http://yle.fi/uutiset/3-9420829> (accessed: 23.03.2017).
20. Rise of Radical Islamism Puzzles Prison Authorities in Finland, Edit Sputnik, 2017, Jan 27, URL: <https://sputniknews.com/europe/201701271050074729-finland-radical-islam-prison> (accessed 01.04.2017).
21. Rankin G., Cowen, K. Muslims in Europe: Integration and Counter-Extremism Efforts, 2012.
22. Bezunartea P., Lopez Jose M., Tedesco L. Muslims in Spain and Islamic Religious Radicalism, MICROCON Policy Working Pape, 2009. May 8.
23. The Policy Planners Network on Countering Radicalisation and Polarisation (PPN), Institute for Strategic Dialogue, URL: <https://www.counterextremism.org/about-us/ppn> (accessed 28.03.2017).
24. Pashchenko I.V. Sovremennye praktiki deradikalizacii osuzhdennyh za proyavlenie religioznogo ehkstremizma: mirovoj opyt (The modern practices of the deradicalization of prisoners of extremism: world experience), Otechestvennaya yurisprudenciya, 2016, No. 12 (14), pp. 26 – 33. (In Russian).

Об авторе: Яворский Максим Александрович, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры организации борьбы с экономическими преступлениями Самарского государственного экономического университета.

e-mail: yavorm@mail.ru

©Яворский, М.А., 2017

About the author: PhD of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Organization of Combating Economic Crimes of Samara State University of Economics.

e-mail: yavorm@mail.ru

Статья получена: 18.09.2017. Статья принята к публикации: 19.09.2017.

Статья опубликована онлайн: 20.09.2017.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The author have read and approved the final manuscript.

ИЗДАНИЯ КАЗАНСКОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА МВД РОССИИ



По итогам VI Дальневосточного регионального конкурса изданий высших учебных заведений «УНИВЕРСИТЕТСКАЯ КНИГА – 2017», проходившего в Дальневосточном федеральном университете (г. Владивосток),

грамоты в номинации «Лучшее издание по юридическим наукам» удостоено учебное пособие «Информационные технологии в юридической деятельности» (Шевко Н.Р., Казанцев С.Я., Згадзай О.Э.).

НАРУШЕНИЕ ПРАВИЛ ОБОРОТА НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ ИЛИ ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ МЕДИЦИНСКИМИ РАБОТНИКАМИ

VIOLATION OF THE RULES OF TRAFFICKING IN NARCOTIC DRUGS OR PSYCHOTROPIC SUBSTANCES BY HEALTH WORKERS



Введение: в статье рассмотрены актуальные вопросы ответственности медицинских работников за нарушение правил оборота наркотических средств или психотропных веществ, их прекурсоров. Основные цели исследования заключаются в том, чтобы показать, что утрата наркотических средств медицинскими работниками рассматривается как преступление, проанализировать типичные нарушения правил, приводящие к уголовной ответственности.

Материалы и методы: при написании статьи автором были использованы следующие методы: научно-аналитический, сравнительный, описательный.

Результаты исследования: автором разделяется точка зрения, выраженная в научной литературе, в соответствии с которой деяние приобретает характер общественной опасности, если возникает реальная угроза правоохраняемым отношениям – здоровью населения.

Обсуждение и заключения: учитывая действующее законодательство и практику применения ст. 228.2 УК РФ, основываясь на анализе судебной практики и научной литературы, автор приходит к выводу, что одна из задач медицинского работника – не допускать утрату наркотических средств или психотропных веществ, соблюдать правила транспортировки, реализации, уничтожения наркотических средств.

Ключевые слова: нарушение правил оборота наркотических средств или психотропных веществ, их прекурсоров, здоровье населения, причинение вреда здоровью человека, иные тяжкие последствия.

Для цитирования: Новиков В.А. Нарушение правил оборота наркотических средств или психотропных веществ медицинскими работниками // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2017. Т. 7, № 3. С. 51 - 56.

Introduction: the paper considers topical issues of responsibility of medical workers for violating the rules of turnover of narcotic drugs or psychotropic substances and their precursors. Main purpose of the study is to show that the loss of drugs and medical staff is considered as a crime and to analyze the typical violations that lead to criminal liability.

Materials and Methods: when writing the article, the author used the following methods: analytical, comparative, descriptive.

Results: the author shares the point of view expressed in the scientific literature, according to which an act takes on the character of public danger, if there is a real threat to public health.

Conclusions: under applicable laws and the practice of application of criminal Article the author comes to the conclusion that one of the tasks of medical staff is to avoid the loss of narcotic drugs or psychotropic substances to observe rules of transportation, sale, destruction of narcotic drugs.

Key words: breaking the rules of traffic of the narcotic drugs or psychotropic substances and their precursors, public health, harm to the human health, other serious consequences.

For citation: Novikov V.A. Violation of the Rules of Trafficking in Narcotic Drugs or Psychotropic Substances by Health Workers // Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. 2017. V. 7, № 3. P. 51 - 56.

Введение

Вопросы уголовной ответственности за нарушение правил оборота наркотических средств или психотропных веществ в настоящее время не утрачивают своей актуальности.

Лекарственные препараты, содержащие наркотические средства или психотропные вещества, в соответствии с Федеральными законами от 12 апреля 2010 г. № 61-ФЗ «Об обращении лекарственных средств»¹ и от 08 января 1998 г. № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах»², разрешены к применению в Российской Федерации с целью оказания медицинской помощи. Их оборот в учреждениях здравоохранения находится под строгим государственным контролем. За нарушение правил оборота наркотических средств или психотропных веществ, повлекшее их утрату, предусмотрена ответственность по ст. 228.2 УК РФ. Общественная опасность данного преступления состоит в том, что наркотические или психотропные лекарственные средства, попав в сферу нелегального оборота, в дальнейшем незаконно распространяются с целью немедицинского потребления. Поэтому их выход из-под контроля ответственных лиц, бесспорно, создает реальную угрозу для здоровья населения.

Благодаря эффективной деятельности правоохранительных органов и судов, иных контролирующих государственных органов число преступлений, предусмотренных ст. 228.2 УК РФ, удается удерживать на достаточно низком уровне. В Российской Федерации за 2016 г. выявлено всего одиннадцать случаев уголовно наказуемого нарушения правил оборота наркотических средств или психотропных веществ. К примеру, в 2006 г. было зарегистрировано 2664 преступления данного вида. При этом следует учитывать, что по причине высокой латентности не все преступления выявляются и попадают в статистический учет правоохранительных органов.

Материалы и методы

В процессе исследования были использованы эмпирический и теоретический методы, включающие наблюдение, отбор фактов, сравнение, абстрагирование, научно-аналитический подход, с помощью которого удалось объективно подойти

к анализу проблемы, отразить авторскую точку зрения. Благодаря сравнительному анализу нами были описаны различия между административной и уголовной ответственностью. Материалами исследования послужили статьи УК РФ, Постановление Пленума Верховного Суда РФ и примеры судебной практики.

Обзор литературы

В последние годы проблемам совершенствования действующего законодательства и практики применения ст. 228.2 УК РФ были посвящены публикации А.В. Бриллиантова «Квалификация действий по уничтожению наркотических средств», Е.С. Витовской «Об объективной стороне преступления при нарушении правил оборота наркотических средств или психотропных веществ», Д.В. Токманцева «Содержание и нормативная инфраструктура бланкетных признаков объективной стороны состава преступления, предусмотренного ст. 228 УК РФ», А.Е. Шалагина «Преступления против здоровья населения. Понятие, виды, общественная опасность» [2, 3, 4, 5] и других авторов.

Так, например, А.Е. Шалагин, характеризуя общественную опасность данного преступления, справедливо отмечает, что нарушение правил легального оборота наркотических средств или психотропных веществ приводит к увеличению числа наркозависимых лиц, а сопутствующая этим процессам высоколатентная наркопреступность представляет угрозу национальной безопасности [1, с. 37].

В нормативные правовые акты, регулирующие легальный оборот наркосодержащих лекарственных средств, периодически вносятся изменения и дополнения, что, принимая во внимание бланкетный характер ст. 228.2 УК РФ, требует соответствующих разъяснений, адресуемых правоприменительным органам.

На основе анализа действующего уголовного законодательства, изучения научной литературы, посвященной данной проблеме, а также обобщения судебной практики, статистических данных ГИАЦ МВД России и Судебного департамента при Верховном Суде РФ в данной статье предложены некоторые рекомендации по применению ст. 228.2 УК РФ.

Результаты исследования

Несмотря на то, что в научной литературе достаточно подробно и обстоятельно освещены вопросы уголовной ответственности лиц, виновных в нарушении правил работы с указанными лекарственными препаратами, в практической деятельности правоохранительных органов и судов все еще возникают вопросы, связанные с правильной квалификацией данного преступления. В отдельных случаях лица незаконно и необоснованно привлекаются к уголовной ответственности за действия (бездействие), являющиеся дисциплинарными проступками.

Так, уничтожение медицинскими работниками лекарственных препаратов, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, с нарушением установленных правил не образует состава преступления, предусмотренного ст. 228.2 УК РФ. Не подлежит уголовной ответственности медицинская сестра, сделавшая больному инъекцию препарата, содержащего наркотическое средство, и уничтожившая его остатки с нарушением установленных правил, например, путем выливания в раковину. Лаборант, неосторожно рассыпавший на пол перманганат калия (прекурсор) и смывший его в канализацию, а часть этого порошка использовавший для приготовления раствора для полива цветов, должен нести дисциплинарную, а не уголовную ответственность. В указанных случаях опасные вещества не попадают к посторонним лицам и, соответственно, не создают угрозу здоровью населения.

Профессором А.В. Бриллиантовым весьма точно подмечено, что наркотические средства и психотропные вещества прекращают свое существование в результате применения к ним указанных способов уничтожения и не могут быть распространены. Поэтому наличие состава данного преступления он считает правильным соотносить с созданием условий возможного дальнейшего их использования незаконными обладателями. Такой вывод следует из того обстоятельства, что объектом преступления является здоровье населения [5, с. 18-19].

Данная точка зрения, разделяемая многими специалистами в области уголовного права, нашла отражение и в судебной практике. Так, по приговору городского суда О. была признана виновной в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 228 УК РФ. Являясь медицинской сестрой-анестезистом, она по назначению врача с целью обезболивания ввела больному психотропное ве-

щество «Кетамин». Оставшуюся в ампуле часть препарата незаконно уничтожила, вылив в раковину для мытья рук. При этом акт о списании остатков психотропного вещества не составлялся, а в журнале учета наркотических средств и психотропных веществ была сделана запись об израсходовании всего препарата.

Суд кассационной инстанции, проверив материалы уголовного дела, пришел к выводу, что приговор подлежит отмене. По смыслу закона нарушение правил учета либо уничтожения наркотических средств, психотропных веществ образует состав преступления, предусмотренного ст. 228.2 УК РФ, если ввиду утраты появляется возможность их использования незаконными обладателями. В судебном заседании установлено, что остаток психотропного вещества «Кетамин» в результате нарушения правил учета и уничтожения прекратил свое существование, что сделало невозможным его дальнейшее использование другими лицами. Таким образом, в действиях медицинской сестры отсутствует состав преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 228.2 УК РФ³. Ее следовало привлечь к дисциплинарной ответственности.

Диспозиция рассматриваемой уголовно-правовой нормы – бланкетная. Ответственность наступает в случаях, если медицинским работником нарушены предписания, закрепленные в правилах хранения, учета, отпуска, использования или уничтожения лекарственных препаратов, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, что повлекло их утрату.

Так, органами предварительного следствия Е. обвинялась в нарушении правил хранения наркотических средств, что привело к их утрате. Приказом главного врача центральной районной больницы она была назначена на должность старшего фельдшера скорой помощи. В соответствии с должностной инструкцией, на старшего фельдшера возложены обязанности по обеспечению правильного хранения, учета и списания лекарственных препаратов, контролю ведения журнала учета выдачи и приема пеналов с наркотическими средствами и психотропными веществами.

Заступив на очередное дежурство, Е. приняла от сменного фельдшера скорой помощи контейнер с двумя ампулами лекарственного препарата («Морфина гидрохлорид»), являющегося наркотическим средством, который хранила в кармане своего медицинского халата, а не в специально оборудованном помещении. Нарушение правил хранения привело к тому, что контейнер с нарко-

¹Об обращении лекарственных средств: Федеральный закон от 12 апреля 2010 г. № 61-ФЗ // Доступ из справ. прав. системы КонсультантПлюс (дата обращения: 18.04.2017).

²О наркотических средствах и психотропных веществах: Федеральный закон от 08 января 1998 г. № 3-ФЗ // Доступ из справ. прав. системы КонсультантПлюс (дата обращения: 18.04.2017).

³Незаконное приобретение, хранение, перевозка, изготовление, переработка наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, а также незаконные приобретение, хранение, перевозка растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества: Федеральный закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 07 июня 2017 г.) // Доступ из справ. прав. системы КонсультантПлюс (дата обращения: 18.04.2017).

³Кассационное определение судебной коллегии по уголовным делам Московского областного суда. Уголовное дело № 22-8604/2011.

тическим средством был утрачен на территории муниципального учреждения здравоохранения в неустановленном месте. При этом обстоятельства произошедшего указывали на возможность неправомерного завладения наркотическим средством посторонними лицами. Суд пришел к выводу, что Е. нарушила требования ряда нормативных правовых актов, в соответствии с которыми наркотические средства и психотропные вещества должны храниться в изолированных помещениях, специально оборудованных инженерными и техническими средствами охраны, в закрытых и опечатанных сейфах. Действия старшего фельдшера квалифицированы по ч. 1 ст. 228.2 УК РФ¹.

По конструкции объективной стороны состав данного преступления является материальным. Преступление считается оконченным с момента утраты предметов, перечисленных в ч. 1 ст. 228.2 УК РФ. В соответствии с п. 21 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2006 г. № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами»², под утратой наркотических средств, психотропных веществ понимают их фактическое выбытие из законного владения, пользования или распоряжения, если указанные последствия находились в причинной связи с допущенными нарушениями соответствующих правил.

Субъективная сторона преступления характеризуется виной в форме умысла или неосторожности. Умышленное нарушение правил оборота наркотических средств или психотропных веществ имеет более высокую степень общественной опасности по сравнению с аналогичным преступлением, совершенным по легкомыслию или небрежности. Форма вины должна учитываться судом при назначении наказания. Из анализа материалов судебной практики видно, что чаще всего данное преступление совершается неосторожно, по небрежности.

Фельдшер выездной бригады станции скорой помощи Р., в обязанности которого входило соблюдение правил хранения и использования лекарственных препаратов, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, при

погрузке больной в салон автомобиля поставил на землю медицинскую укладку с медикаментами. Прибыв в распоряжение приемного покоя городской больницы, он обнаружил, что забыл укладку на месте погрузки, вернулся в указанное место, но сумки с медикаментами там не нашел. В результате небрежности, допущенной фельдшером скорой помощи, вышли из легального оборота и были утрачены две ампулы с наркотическими средствами («Промедол» и «Морфин»). По приговору суда Р. признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 228.2 УК РФ. С учетом обстоятельств дела ему назначено наказание в виде штрафа в размере 10 тысяч рублей³.

Корыстный мотив предусмотрен в качестве квалифицирующего признака в ч. 2 ст. 228.2 УК РФ и указывает на то, что данное преступление может быть совершено только умышленно. Под корыстными побуждениями понимается желание лица получить материальную выгоду либо избавиться от материальных затрат в результате умышленного нарушения правил, перечисленных в ч. 1 ст. 228 УК РФ.

Субъект преступления – специальный: вменяемое лицо, достигшее возраста уголовной ответственности, в обязанности которого входит соблюдение правил оборота наркотических средств, психотропных веществ и других предметов, перечисленных в ч. 1 ст. 228 УК РФ. Иными словами, субъектами данного преступления из числа медицинских работников могут быть только лица, допущенные к работе с соответствующими лекарственными препаратами. В соответствии с п. 4 Правил допуска к работе с наркотическими средствами и психотропными веществами, а также деятельности, связанной с оборотом прекурсоров наркотических средств и психотропных веществ, утвержденных постановлением Правительства РФ от 06 августа 1998 г. № 892⁴, к работе с наркотическими средствами и психотропными веществами допускаются лица, достигшие восемнадцатилетнего возраста.

В ч. 2 ст. 228 УК РФ предусмотрены три квалифицирующих признака: корыстный мотив и два вида общественно опасных последствий – причинение по неосторожности вреда здоровью человека и иные тяжкие последствия.

В судебной практике под причинением по неосторожности вреда здоровью человека в составе рассматриваемого преступления понимается наступление последствий, связанных, например, с нарушением нормальной деятельности его органов, их физиологических функций, длительным заболеванием, возникновением наркотической зависимости.

Пленум Верховного Суда РФ в постановлении от 15 июня 2006 г. № 14 обращает внимание на то обстоятельство, что не любое, а длительное заболевание может рассматриваться судами в качестве квалифицирующего признака ч. 2 ст. 228 УК РФ. При этом, в соответствии с ч. 1 ст. 111 УК РФ, заболевание наркоманией отнесено к числу последствий, характеризующих тяжкий вред здоровью человека. Поэтому представляется правильным данный признак толковать ограничительно, понимая под причинением вреда здоровью в ч. 2 ст. 228 УК РФ последствия в виде тяжкого вреда. Данная точка зрения ранее выражалась в научной литературе. Так, А.И. Чучаев отмечал, что в ч. 2 ст. 228.2 УК РФ под вредом здоровью человека следует понимать причинение по неосторожности тяжкого вреда [6].

Иные тяжкие последствия – оценочный признак. Они могут состоять в причинении по неосторожности крупного материального ущерба собственнику, длительном нарушении работы предприятия или учреждения и т.п. В.И. Радченко справедливо считает, что данный квалифицирующий признак будет иметь место в случаях поступления в незаконный оборот особо крупного количества наркотического средства.

За нарушение правил оборота наркотических средств или психотропных веществ, а также их прекурсоров предусмотрена не только уголовная, дисциплинарная, но и административная ответственность. Разграничивать виды юридической ответственности необходимо по следующим признакам: общественно опасным последствиям и субъекту правонарушения. Административное правонарушение, предусмотренное ст. 6.16 КоАП РФ [7], имеет формальный состав, и ответственность за данный проступок не зависит от последствий. При наличии последствий в виде утраты предметов, перечисленных в ч. 1 ст. 228 УК РФ, должен решаться вопрос об уголовной ответственности виновных лиц. Следует также учитывать, что субъектом административного правонарушения являются только юридические лица (организации), допустившие нарушения правил оборота наркотических средств, психотропных веществ или их прекурсоров.

Обсуждение и заключения

Таким образом, следует признать, что последствия в виде утраты наркотических средств или психотропных веществ являются одним из криминообразующих признаков состава преступления, предусмотренного ст. 228.2 УК РФ, наличие которого обуславливает общественную опасность рассмотренного деяния. При этом уничтожение наркосодержащих лекарственных средств с нарушением установленных правил не образует состава данного преступления, т.к. они не попадают к посторонним лицам для немедицинского потребления и, соответственно, не создают угрозу для здоровья населения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Шалагин А.Е. Преступления в сфере легального оборота наркотических средств и психотропных веществ (уголовно-правовой и криминологический аспект) // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2014. № 4 (18).
2. Шалагин А.Е. Преступления против здоровья населения. Понятие, виды, общественная опасность // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2011. № 3 (5).
3. Витовская Е.С. Об объективной стороне преступления при нарушении правил оборота наркотических средств или психотропных веществ // Вестник Кузбасского института. 2015. № 1 (22).
4. Токманцев Д.В. Содержание и нормативная инфраструктура бланкетных признаков объективной стороны состава преступления, предусмотренного ст. 228 УК РФ // Вестник Сибирского юридического института ФСКН России. 2013. № 1 (12).
5. Бриллиантов А.В. Квалификация действий по уничтожению наркотических средств // Законность. 2008. № 6.
6. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / отв. ред. А.И. Рарог. М., 2004.
7. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / отв. ред. В.И. Радченко; науч. ред. А.С. Михлин. М., 2008.

¹Приговор Новоспасского районного суда Ульяновской области. Уголовное дело № 1-1051/2011.

²О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами (в ред. от 30.06. 2015 г.): постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 июня 2006 г. № 14 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2006. № 8.

³Приговор Мичуринского городского суда Тамбовской области. Уголовное дело № 1-198/2011.

⁴Об утверждении Правил допуска лиц к работе с наркотическими средствами и психотропными веществами, а также к деятельности, связанной с оборотом прекурсоров наркотических средств и психотропных веществ // Собрание законодательства РФ. 1998. № 33. Ст. 4009. Доступ из справ. прав. системы Гарант (дата обращения: 18.04.2017).

REFERENCES

1. Shalagin A.E. Prestuplenija v sfere legal'nogo oborota narkoticheskikh sredstv i psihotropnyh veshhestv (ugolovno-pravovoj i kriminologicheskij aspekt) //Vestnik Kazanskogo juridicheskogo instituta MVD Rossii. 2014. No. 4 (18).
2. Shalagin A.E. Prestuplenija protiv zdorov'ja naselenija. Ponjatie, vidy, obsh-hestvennaja opasnost' //Vestnik Kazanskogo juridicheskogo instituta MVD Rossii. 2011. No. 3 (5).
3. Vitovskaja E.S. Ob ob#ektivnoj storone prestuplenija pri narushenii pravil oborota narkoticheskikh sredstv ili psihotropnyh veshhestv //Vestnik Kuzbas-skogo instituta. 2015. No. 1 (22).
4. Tokmantcev D.V. Soderzhanie i normativnaja infrastruktura blanketnyh pri-znakov ob#ektivnoj storony sostava prestuplenija, predusmotrennogo st. 228 UK RF //Vestnik Sibirskogo juridicheskogo instituta FSKN Rossii. 2013. No. 1 (12).
5. Brilliantov A.V. Kvalifikacija dejstvij po unichtozheniju narkoticheskikh sredstv //Zakonnost'. 2008. No. 6.
6. Kommentarij k Ugolovnomu kodeksu Rossijskoj Federacii /otv. red. A.I. Rarog. M., 2004.
7. Kommentarij k Ugolovnomu kodeksu Rossijskoj Federacii /otv. red. V.I. Radchenko; nauch. red. A.S. Mihlin. M., 2008.

Об авторе: Новиков Валерий Анатольевич, кандидат юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела уголовно-правовых исследований Российского государственного университета правосудия.

e-mail: nva-2007@mail.ru

©Новиков В.А., 2017

About the author: Novikov Valerij A., Candidate of Juridical Sciences, Assistant Professor, Leading Research Worker of the Department of Criminal and Law Research of Russian State University of Justice.

e-mail: nva-2007@mail.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The author have read and approved the final manuscript.

Ю.П. Якубина

ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЗАДЕРЖАНИЯ ОСУЖДЕННЫХ, УКЛОНЯЮЩИХСЯ ОТ ИСПОЛНЕНИЯ ПРИГОВОРА

LEGISLATIVE REGULATION OF ARREST OF THE CONVICTED AVOIDING EXECUTION OF SENTENCE



Введение: в статье рассматривается актуальная проблема уголовно-процессуального права – нормативное закрепление задержания осужденных, злостно уклоняющихся от исполнения приговора.

Материалы и методы: в ходе анализа применялись следующие методы: логико-юридический, сравнительно-правовой, обобщение законодательной практики.

Результаты и выводы: автор приходит к выводу о необходимости включения в главу 47 «Производство по рассмотрению и разрешению вопросов, связанных с исполнением приговора» раздела 14 «Исполнение приговора» Уголовно-процессуального кодекса РФ отдельной статьи, регламентирующей нормы задержания осужденных, уклоняющихся от исполнения приговора.

Ключевые слова: задержание осужденных; задержание с целью пресечения уклонения от исполнения приговора, обеспечения явки осужденного в судебное заседание.

Для цитирования: Якубина Ю.П. Законодательное регулирование задержания осужденных, уклоняющихся от исполнения приговора // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2017. Т. 7, № 3. С. 57 - 61.

Introduction: the paper deals with the actual problem of the criminal procedural and criminal Executive detention of a person. The generated output norms on the detention of convicted persons, evading from execution of the sentence, it is necessary to register in a separate article and include it in Chapter 47 «the procedure for consideration and resolution of issues related to the execution of the sentence» section 14 «the sentence» code of criminal procedure.

Materials and Methods: legal logic methods, rather legal analysis, investigative and case law analysis.

Results: the author concludes that it is necessary to include as a separate Article, regulating rules of arrest of the convicted eluding execution of sentence part 14 “Execution of sentence” of the Russian Federation Code of Criminal Procedure into Article 47 “Proceedings for consideration and settlement of questions connected with “Execution of sentence”.

Key words: detention of prisoners; detention with a view to preventing evasion of the sentence, securing presence of the convicted person at the hearing.

For citation: Yakubina Y.P. Legislative Regulation of Arrest of the Convicted Avoiding Execution of Sentence // Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. 2017. V.7, № 3. P. 57 - 61.

Введение

В современном российском законодательстве мера государственного принуждения – задержание лица – предусматривается в разных отраслях права, поскольку каждая из них устанавливает возможность применения государственного принуждения к лицам, которые не исполняют надлежащим образом требований соответствующего законодательства.

Неприкосновенность личности как один из принципов уголовного судопроизводства означает, что никто не может быть задержан по подозрению в совершении преступления или заключен под стражу при отсутствии на то законных ос-

нований. Основания задержания подозреваемого предусмотрены ст. 91 Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее – УПК РФ).

Обзор литературы

В теории уголовно-процессуального права задержание осужденного с точки зрения правовой природы, места и назначения исследовано недостаточно.

Ученые справедливо отмечают, что в случаях задержания осужденного, злостно уклоняющегося от отбывания наказания (в виде обязательных работ – ч. 2 ст. 30 Уголовно-исполнительного кодекса РФ (далее – УИК РФ); штрафа – ч. 4 ст. 32 УИК РФ; исправительных работ – ч. 4 ст. 46 УИК РФ;

принудительных работ – ч. 4 ст. 60.2, ч. 2 ст. 60.17 УИК РФ), закон не называет орган, уполномоченный задерживать осужденного, объявленного в розыск за злостное уклонение от отбывания наказания [1]. Лишь в пп. 11, 97 ч. 6 ст. 58 УИК РФ право задержания осужденного, злостно уклоняющегося от отбывания наказания в виде ограничения свободы, делегировано органу внутренних дел. При этом наказуемый может задерживаться органом внутренних дел только после объявления его в розыск соответствующим органом, исполняющим наказания.

Задержание и заключение под стражу осужденного при исполнении приговора – самостоятельные принудительные меры в системе уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного законодательства [2].

В Федеральном законе от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений»¹ об осужденных, задерживаемых за злостное уклонение от отбывания наказания, не упоминается. В постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 20 декабря 2011 г. № 21 «О практике применения судами законодательства об исполнении приговора»² вопросы задержания и заключения под стражу осужденного не разъясняются. В постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 г. № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога» подобные вопросы также не находят отражения.

В соответствии с ч. 4 ст. 46 УИК РФ суд может только продлить срок задержания осужденного до 30 суток. Однако законом не предусмотрены полномочия суда по разрешению вопроса о задержании осужденного [3].

Д.Ю. Гончаров предлагает внести изменения в п. 11 ст. 5 УПК РФ, отмечая, что задержание – мера процессуального принуждения, применяемая органом дознания, дознавателем, следователем на срок не более 48 часов с момента фактического задержания лица в связи с подозрением в совершении преступления, уклонением от отбывания наказания, отменой условного осуждения с назначением наказания, отменой условно-досрочного освобождения с исполнением наказания. По мнению ученого, необходимы изменения и иных процессуальных норм о задержании (например, гл. 12 УПК РФ и др.) [4].

Б. Булатов, В. Николук считают, что задержание осужденного, злостно уклоняющегося от отбыва-

ния наказания, существенно отличается от задержания подозреваемого, обвиняемого (ст. 91, 92 и 108, 109 УПК РФ). Основания и сроки задержания осужденного регламентируются нормами УИК РФ. В уголовно-процессуальную законодательную дефиницию (п. 11 ст. 5 УПК РФ) задержание осужденного не включено [1].

С функциональной точки зрения задержание лица по подозрению в совершении преступления и задержание осужденного, уклоняющегося от отбывания наказания, – принципиально разные меры принуждения. Они отличаются по целому ряду формальных и неформальных признаков. Только совпадение названия указанных мер принуждения вряд ли может служить достаточным объединяющим фактором, позволяющим нормы о задержании осужденного при исполнении приговора поместить в гл. 12 УПК РФ, которая по месту расположения в кодексе и по своему содержанию далека от судебного производства по исполнению приговора [2].

По мнению Д.Ю. Гончарова, необходимо из УИК РФ изъять предписания о возможности продления 48-часового срока задержания до 30 суток: эта мера противоречит Конституции РФ, УИК РФ также не содержит никаких оснований такого продления [4].

Критическую позицию по данному вопросу занимают и другие ученые, которые считают, что задержание, предусмотренное ч. 2 ст. 30; ч. 4 ст. 32; ч. 4 ст. 46; ч. 6 ст. 58; ч. 4 ст. 60.2; ч. 2 ст. 60.17 УИК РФ, и возможность продления судом срока задержания до 30 суток воспринимаются как парадокс и больше похожи на такую меру, как заключение под стражу осужденного [5, 6, 7].

Безусловно, такие меры принуждения, предусмотренные УИК РФ и УПК РФ (пп. 18 и 18.1 ст. 397 УПК РФ), как задержание и заключение под стражу, актуальны, когда возникает необходимость пресечения уклонения от исполнения приговора, обеспечения явки осужденного в судебное заседание при рассмотрении судом вопроса о замене ранее назначенного наказания на более строгое. Применение данных мер государственного принуждения (задержание, заключение под стражу) в стадии исполнения приговора имеет свою специфику по сравнению с порядком задержания и заключения под стражу подозреваемого и обвиняемого по уголовному делу. Ученые справедливо отмечают, что различны не только основания, сроки, но и порядок задержания, ареста осужденных [3].

В п. 5 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 20 декабря 2011 г. № 21 разъяснено, что вопрос о замене неотбытого срока обязательных работ, исправительных работ или ограничения свободы лишением свободы разрешается только в присутствии лица, в отношении которого принимается такое решение.

Судебная практика показывает, что суды обоснованно стали прекращать производство по поступившему представлению о замене исправительных работ, ограничения свободы, штрафа лишением свободы в связи с тем, что уголовно-исполнительной инспекцией или судебным приставом-исполнителем не установлено место нахождения осужденного и не обеспечено его участие в судебном заседании [1].

Роль задержания как меры, обеспечивающей участие осужденного в судебном заседании при рассмотрении представления о замене наказания в связи со злостным уклонением от его отбывания, в принципе должна возрасти. Если буквально исполнять предписания закона в ситуациях, когда возникает необходимость заменить наказание в случае злостного уклонения от его отбывания, то задержание является вынужденной и фактически обязательной мерой обеспечения участия осужденного в судебном заседании [1]. Рассматриваемые меры призваны обеспечить участие осужденного в судебном заседании при рассмотрении вопроса о замене наказания в соответствии с п. 2 ст. 397 УПК РФ.

Действительно, задержание на стадии исполнения приговора осуществляется с целью пресечения уклонения лица от отбывания наказания и обеспечения участия осужденного в судебном заседании, поскольку вопрос об отмене условного осуждения разрешается в присутствии лица, в отношении которого принимается такое решение. Как отмечают ученые, такое положение закона призвано исключить заочное, в отсутствие осужденного, рассмотрение вопросов о замене ему назначенного по приговору наказания лишением свободы. Это, в свою очередь, актуализирует значение задержания осужденных как одной из реальных и действенных мер принуждения, способствующей осуществлению правосудия в стадии исполнения приговора [1].

Следует признать, что предусмотренное УИК РФ задержание осужденного – самостоятельный, наряду с уголовно-процессуальным, вид задержания. По своей правовой природе оно является мерой принуждения уголовно-исполнительного характера, преследует цели пресечь уклонение осужденного от отбывания наказания и обеспечить его участие в судебном заседании при рассмо-

тении вопроса о замене назначенного ранее наказания более строгим, отмене отсрочки отбывания наказания осужденным, больным наркоманией [1, 2, 3]. Также следует признать, что фактически в УПК РФ не создан правовой механизм реализации задержания осужденного на стадии исполнения приговора.

Наличие существенных различий между уголовно-процессуальным задержанием и задержанием осужденного констатировали Л.Н. Башкатов и И.М. Гуткин [5, 7]. В.Н. Григорьев отмечает, что задержание подозреваемого и задержание осужденного в процессе исполнения приговора происходят в разных сферах правоприменительной деятельности [6].

Вместе с тем задержание осужденного служит не только мерой пресечения уклонения его от исполнения приговора, но и средством обеспечения явки в суд. Задержание в большинстве случаев заканчивается представлением материалов в суд для решения вопроса о направлении осужденного в места лишения свободы. Тем самым оно (задержание) связано с судебной деятельностью, осуществляемой при исполнении приговора [2].

Исследуя нормы УИК и УПК о задержании осужденного при исполнении приговора, О.П. Александрова и Л.Ю. Буданова подчеркивают комплексность данного правового института, обосновывают предложения, направленные на совершенствование его законодательного регулирования. Авторы делают вывод, что судом в отношении осужденного по истечении 48 часов не продлевается задержание, а решается вопрос о заключении его под стражу. Они предлагают исключить из УИК РФ право продления судом срока задержания до 30 суток [8].

С конституционно-правовых позиций нормы УИК о задержании осужденного, разрешающие продлить 48-часовой срок задержания до 30 суток и легализующие «судебное задержание», уязвимы. Ученые предлагают предусмотреть в законе задержание осужденного на срок до 48 часов и заключение под стражу осужденного, скрывавшегося в целях уклонения от отбывания наказания, на срок до 30 суток [2, 3].

Результаты исследования

Задержание лица, подозреваемого в совершении преступления, – это мера процессуального принуждения, применяемая на срок не более 48 часов с момента фактического задержания лица. Осуществить уголовно-процессуальное задержание лица по подозрению в совершении преступления, за которое может быть назначено наказание в виде лишения свободы, вправе орган дознания, дознаватель, следователь в порядке, определенном

¹Собрание законодательства РФ. 1998. № 29. Ст. 2759.

²Российская газета. 2011. 30 декабря.

ст. 91 УПК РФ. Продлить 48-часовой срок задержания подозреваемого вправе только суд – на срок не более 72 часов с момента вынесения судебного решения по ходатайству одной из сторон для представления ею дополнительных доказательств обоснованности или необоснованности избрания меры пресечения в виде заключения под стражу.

Объявление розыска осужденных к наказаниям в виде обязательных работ, исправительных работ, ограничения свободы, а также условно осужденных, осужденных с отсрочкой отбывания наказания, уклоняющихся от контроля уголовно-исполнительной инспекции, осуществляется оперативными подразделениями органов и учреждений уголовно-исполнительной системы.

Уголовно-процессуальное и уголовно-исполнительное задержание по своей правовой природе и сущности являются кратковременными мерами государственного принуждения, не превышающими 48-часовой срок и применяемыми без получения судебного решения (за исключением продления срока задержания). Названные виды задержания отличаются, во-первых, по статусу задерживаемых лиц; во-вторых, по целям задержания; в-третьих, по срокам задержания; в-четвертых, по статусу органов и должностных лиц, уполномоченных на задержание; в-пятых, по процессуальному оформлению (процедуре) задержания; в-шестых, по видам государственной деятельности.

Меры по задержанию осужденного и заключение его под стражу являются объективно взаимосвязанными, поскольку они подчинены одной задаче – обеспечить явку осужденного в судебное заседание при рассмотрении судом вопроса о замене назначенного ранее наказания более строгим на стадии исполнения приговора.

Уголовно-процессуальное задержание предусмотрено для конкретных участников процесса до вступления приговора в силу. Однако уголовно-процессуальное законодательство не регламентирует основания и порядок задержания в отношении осужденного. В качестве принудительной

меры при злостном уклонении осужденного от исполнения приговора, с целью пресечения уклонения осужденного от отбывания наказания и обеспечения его участия в судебном заседании, законодатель предусмотрел только заключение под стражу (пп. 18 и 18.1 ст. 397 УПК РФ).

В УИК РФ законодатель упоминает задержание осужденного в ряде статей (30, 32, 46, 58, 60.2, 60.17, 75.1, 86, 97 и др.). Анализ положений перечисленных статей показывает, что задержание применяется: 1) в качестве принудительной меры при злостном уклонении от исполнения приговора для обеспечения участия осужденного в судебном заседании; 2) в отношении лица, находящегося в статусе «осужденный». При наличии соответствующих оснований продление 48-часового срока задержания возможно до 30 суток. Однако в УИК РФ не регламентируется процессуальное оформление и порядок задержания осужденного. Кроме того, во многих статьях УИК РФ не указано, какие органы и должностные лица уполномочены осуществлять задержание осужденного.

Обсуждение и заключения

Очевидно, что необходимо предусмотреть основания и порядок задержания осужденного в уголовно-процессуальном законе. С учетом тесной связи задержания осужденного с судебным производством по разрешению вопросов при исполнении приговора представляется справедливой позиция тех ученых, которые считают, что нормы, регламентирующие задержание осужденного, целесообразно включить в уголовно-процессуальный кодекс, что наиболее адекватно отразит назначение задержания в законодательстве уголовно-правового комплекса [2]. На наш взгляд, нормы о задержании осужденного, злостно уклоняющегося от исполнения приговора, необходимо прописать в отдельной статье и включить ее в главу 47 «Производство по рассмотрению и разрешению вопросов, связанных с исполнением приговора» раздела 14 «Исполнение приговора» УПК РФ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Булатов Б., Николук В. Задержание осужденного, злостно уклоняющегося от исполнения приговора (отбывания наказания) // Уголовное право. 2013. № 6.
2. Николук В.В. Заключение под стражу осужденного, скрывшегося в целях уклонения от отбывания наказания: доктрина, законодательная конструкция, толкование и проблемы практического применения: монография. Орел, 2015.
3. Булатов Б.Б., Николук В.В. Проблемы согласования (преодоления конкуренции) норм УПК РФ и УИК РФ // Российская юстиция. 2014. № 12.
4. Гончаров Д.Ю. Об отличиях регулирования задержания в уголовном, уголовно-процессуальном и уголовно-исполнительном законодательстве // Российский следователь. 2014. № 5.

5. Башкатов Л.Н. Особенности рассмотрения дел о направлении условно осужденных и условно освобожденных с обязательным привлечением к труду для отбывания наказания // Гарантии прав личности в социалистическом уголовном праве и процессе. Ярославль, 1979. Вып. 4. С. 75.
6. Григорьев В.Н. Задержание подозреваемого. М., 1999.
7. Гуткин И.М. Актуальные вопросы уголовно-процессуального задержания. М., 1980.
8. Александрова О.П., Буданова Л.Ю. Правовое положение учреждений и органов, исполняющих наказания, на стадии исполнения приговора. М., 2013. 200 с.

REFERENCES

1. Bulatov B., Nikoljuk V. Zaderzhanie osuzhdenного, zlostno uklonjajushhegosja ot ispolnenija prigovora (otbyvanija nakazanija) // Uголовное право. 2013. № 6.
2. Nikoljuk V.V. Zakljuchenie pod strazhu osuzhdenного, skryvshegosja v celjah uklonenija ot otbyvanija nakazanija: doktrina, zakonodatel'naja konstrukcija, tolkovanie i problemy praktičeskogo primenenija: monografija. Oreľ, 2015.
3. Bulatov B.B., Nikoljuk V.V. Problemy soglasovanija (preodolenija konkurencii) norm UPK RF i UIK RF // Rossijskaja justicija. 2014. № 12.
4. Goncharov D.Ju. Ob otlichijah regulirovanija zaderzhanija v uголовном, uголовно-processual'nom i uголовно-ispolnitel'nom zakonodatel'stve // Rossijskij sledovatel'. 2014. № 5.
5. Bashkatov L.N. Osobennosti rassmotrenija del o napravlenii uslovno osuzhdenных i uslovno osvoboždenных s objazatel'nym privlečeniem k trudu dlja otbyvanija nakazanija // Garantii prav lichnosti v socialističeskom uголовном prave i processe. Jaroslavl', 1979. Vyp. 4. P. 75.
6. Grigor'ev V.N. Zaderzhanie podozrevaемого. M., 1999.
7. Gutkin I.M. Aktual'nye voprosy uголовно-processual'nogo zaderzhanija. M., 1980.
8. Aleksandrova O.P., Budanova L.Ju. Pravovoe položenie uchrezhdenij i organov, ispolnjajushhih nakazanija, na stadii ispolnenija prigovora. M., 2013. 200 p.

Об авторе: Якубина Юлия Павловна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова (ОрЮИ МВД России имени В.В. Лукьянова)

Орел, тел.8-906-570-2878, UP_Ulia@mail.ru.

©Якубина Ю.П., 2017

Статья получена: 03.06.2017. Статья принята к публикации: 19.09.2017.

Статья опубликована онлайн: 20.09.2017.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The author have read and approved the final manuscript.



УДК 343.915

DOI: 10.24420/KUI.2017.3(29).7372.

Е.В. Демидова-Петрова

МЕТОДИКА СОЗДАНИЯ ПОРТРЕТА ЛИЧНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО В КОНТЕКСТЕ ТИПОЛОГИЧЕСКИХ РИСКОВ КРИМИНОГЕННОЙ ПОДВЕРЖЕННОСТИ

THE TECHNIQUE FOR CREATING A PORTRAIT OF THE PERSONALITY OF JUVENILES IN THE CONTEXT OF TYPOLOGICAL RISK OF CRIMINOGENIC EXPOSURE

Введение: в статье особое внимание обращается на то, что исследование личности несовершеннолетнего не в привычном криминологическом портрете, а в разрезе общих криминогенных факторов, под влиянием которых находится вся социально-возрастная группа, позволяет определить типологические риски подверженности им всех ровесников.

Материалы и методы: методологией исследования являются эмпирический уровень познания, включающий наблюдение, исследование, опрос, а также широко применяется психологический метод исследования: анализ личности несовершеннолетнего.

Результаты исследования: в статье приводится авторская методика воплощения портрета личности несовершеннолетнего в контексте типологических рисков криминогенной подверженности. Предложенный подход, устанавливаемый причинный комплекс, задействованный в генезисе подобных рисков, образует первооснову для решения задач превенции преступности среди несовершеннолетних в целом, без деления на преступников и благополучных. При этом анализ состоявшейся криминализации личности несовершеннолетних обретает иную ценность – служит целям разработки специальных и индивидуальных мер предупреждения рецидивных проявлений с их стороны, а также актуализирует общую картину характеристик преступности несовершеннолетних.

Обсуждение и заключения: автор отмечает, что по отношению к несовершеннолетним сопоставительный метод анализа и оценки результатов опроса вне зависимости от криминологически значимого их статуса (осужденные и неосужденные) становится приемлемым в силу следующего условия: лица, не достигшие совершеннолетия и находящиеся в границах одной возрастной группы, испытывают сопоставимое по существу криминогенное влияние окружающей их действительности.

Ключевые слова: преступность, несовершеннолетний, преступность несовершеннолетних, социальная среда, личность, опрос, анкетирование.

Для цитирования: Демидова-Петрова Е.В. Методика создания портрета личности несовершеннолетнего в контексте типологических рисков криминогенной подверженности // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2017. Т. 7, № 3. С. 62 - 65. DOI: 10.24420/KUI.2017.3(29).7372.

Introduction: the author provides methods of realization of the portrait of the personality of juveniles in the context of typological risk and criminogenic exposure. Particular attention is drawn to the fact that the study of the person of a juvenile outside of the usual criminological portrait, and in the context of the general criminogenic factors, which influences the whole social and age group, allows you to define typological risks of exposure to all peers.

Results: the proposed approach established a causal complex, involved in the genesis of such risks forms the basis for solving problems of prevention of juvenile delinquency as a whole, without division into criminals and prosperous. The analysis held on the criminalization of the person of a juvenile acquires a different value – is the development of special and individual prevention of recurrent manifestations on their part, and updates the overall picture of the characteristics of juvenile delinquency.

Discussion and Conclusions: the author noted that in relation to juveniles, a comparative method of analysis and evaluation of the results of the survey, regardless of criminological significant of their status (convicted or not), it becomes acceptable to force one condition. It consists in the fact that persons under the age of majority, and located within the boundaries of the same age group are experiencing the same order, essentially the criminogenic influence reality around them.

Key words: crime, juvenile, juvenile delinquency, social environment, personality, survey, questionnaire survey.

For citation: The Technique for Creating a Portrait of the Personality of Juveniles in the Context of Typological Risk of Criminogenic Exposure // Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. 2017. V.7, № 3. P. 62-65. DOI: 10.24420/KUI.2017.3(29).7372.

Введение

Многие исследования криминологически значимых характеристик личности преступника нередко завершаются получением результатов анкетирования респондентов из числа субъектов, непосредственно испытавших криминогенное воздействие, которое повлекло приобретение ими статуса осужденных лиц. Данные опроса используются при составлении криминологической характеристики соответствующего вида преступности. Традиционный подход оправдан в позициях краткого изложения заслуживающих внимания типологических (обобщенных) свойств личности преступника, характерных для того или иного вида криминального явления. Однако за пределами академических задач весомой научно-практической ценностью могут обладать эти же данные в сопоставлении с результатами опроса референтной группы респондентов.

Обзор литературы

Осуществляемые с внешней стороны профессиональные анализ и оценка личностного восприятия обстоятельств и характеристик жизнедеятельности, а также ценностей и отношений, форм действий и взаимодействий, изменивших (изменяющих) статус опрашиваемых, являются довольно распространенными методами получения референций об изучаемом объекте в цикле общественных наук. В последних часто принято на основе анализа социологических опросов и глубинных интервью составлять общую картину исследуемых феноменов, сопровождая ее профессиональными выводами, оценками, прогнозами, установлением закономерностей. В качестве примера можно привести результаты социологических исследований [1].

Ценность подобного исследования заключается в более обширном содержании, в том числе методологическом, которое позволяет обновить давно разработанную методику изучения правосознания несовершеннолетних преступников с применением способов теории распознавания образов. Последний раз данная авторская методика профессора А.И. Долговой была применена в 1969-1979 годах в ходе длящегося изучения личности преступника в «малом» городе РСФСР [2]. Между тем в настоящее время применение указанной методики должно быть ограничено, не быть излишне нацеленным на выявление социально-психологических характеристик личности несовершеннолетних, а быть сосредоточенным на актуальных проблемах современности,

имеющих криминологическое значение. Такая методика должна быть подчинена задачам выявления и устранения дефектов законодательства, вызванных в том числе его коллизийностью и массивностью [3], а также его ретрансляторов (объективных и субъективных), которые, как представляется, могут благоприятствовать деформации правового сознания подрастающего поколения, которая, в конечном счете, играет определенную роль в их криминализации.

Материалы и методы

Принимая во внимание, что подобный традиционный анализ проведен и приведен автором в предыдущих статьях, становится возможным раскрыть методику заявленного воплощения портрета личности несовершеннолетнего через призму типологических рисков криминогенной подверженности. Базовым здесь выступает сопоставительный метод анализа результатов опроса несовершеннолетних, именуемых «благополучные» и «неблагополучные». Этот метод предложен к использованию для выявления общего и особенного в данных опроса двух реферативных групп респондентов. Целью такого сравнения является также установление расхождений (контрастов) в оценке криминогенного влияния тех или иных обстоятельств (факторов), воздействие которых испытывают все социально-возрастные группы.

Для исключения волатильности мнений, способных привести к субъективным оценкам действительности рисков криминогенной подверженности, автор применил прием референций, предполагающих моделирование образа или явлений окружающей их социальной действительности, в которой они могут (могли) оказаться. Непреложным при этом выступает единство содержания вопросов, предложенных двум разным группам респондентов без допущения редакционного расхождения. Как отмечалось выше, при определении базовых методических основ многоуровневого анкетирования дифференциальные вопросы в сопоставлении дают возможность раскрыть обстоятельства генезиса криминогенности и антикриминогенности при равном их воздействии на представителей одной возрастной группы респондентов.

Результаты исследования

Следует отметить, что предложенный подход применительно ко всем проявлениям преступности не всегда возможен. Ключевое обстоятельство препятствия связано с разными социально-возрастными статусами респондентов, мнения кото-

рых требуется сопоставить. Личность взрослого субъекта, совершившего преступление, обладает спецификой укоренившихся свойств, сложившихся под влиянием жизненного опыта, социальной среды, морально-нравственных установок, уровня правосознания и многого другого, что, в конечном счете, было задействовано в мотивации уголовно-наказуемого деяния. Привлечение таких респондентов к исследованию происходит часто. В обиходе криминологических средств изучения преступности давно используется метод опроса осужденных. Между тем полученные от них мнения сложно сравнивать, так как референтная группа лиц, имея совпадение в возрасте, отличается содержанием отмеченных выше личностных характеристик.

По отношению к несовершеннолетним сопоставительный метод анализа и оценки результатов опроса вне зависимости от криминологически значимого их статуса (осужденные и нет) становится приемлемым в силу одного условия. Оно состоит в том, что лица, не достигшие совершеннолетия и находящиеся в границах одной возрастной группы, испытывают однопорядковое по существу криминогенное влияние окружающей их действительности. Данное утверждение не беспредельно, поскольку невозможно полностью исключить роль индивидуальных причин в феномене криминогенной подверженности и преступного вовлечения. Однако нельзя опровергнуть общую социальную среду формирования и становления характеристик и свойств личности, которые происходят в условиях криминогенного влияния факторов, общих и одинаково испытываемых несовершеннолетними.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Автопортрет местных сообществ. Анализ социологических опросов и глубинных интервью / отв. ред. И.А. Халий. М.: Институт социологии РАН, 2006. 312 с.
2. Пристанская О.В., Юцкова Е.М. Методика криминологического изучения правосознания и общественного мнения о преступности. М., 1990. С. 31, 53.
3. Астанин В.В. Диалектика современного состояния муниципального правотворчества // Российская юстиция. 2016. № 3. С. 14–17.

REFERENCES

1. Avtoportret mestnykh soobshchestv. Analiz sotsiologicheskikh oprosov i glubinnykh interv'yu / отв. red. I.A. Khaliy. M.: Institut sotsiologii RAN, 2006. 312 p.
2. Pristanskaya O.V., Yutskova E.M. Metodika kriminologicheskogo izucheniya pravosoznaniya i obshchestvennogo mneniya o prestupnosti. M., 1990. P. 31, 53.
3. Astanin V.V. Dialektika sovremennogo sostoyaniya munitsipal'nogo pravotvorchestva // Rossiiskaya yustitsiya. 2016. № 3. P. 14–17.

¹Всего опрошено 220 несовершеннолетних в возрасте от 10 до 17 лет, из них 113 мальчиков и 107 девочек, в четырех субъектах Российской Федерации (Республика Мордовия, Красноярский край, Нижегородская и Саратовская области). Хронологические рамки исследования составили четыре месяца (май – август 2016 года). Операционные функции распространения и сбора анкет, а равно выборки респондентов, осуществлены сотрудниками аппарата детских омбудсменов в указанных регионах.

Об авторе: Демидова-Петрова Елизавета Викторовна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права Казанского юридического института МВД России

© Демидова-Петрова Е.В., 2017

e-mail: demidova.liza@gmail.com

About the author: Elizaveta V. Demidova-Petrova, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor of Department of Criminology and Penitentiary Law of Kazan Law Institute of the MIA of Russia
e-mail: demidova.liza@gmail.com

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The author have read and approved the final manuscript.

ИЗДАНИЯ КАЗАНСКОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА МВД РОССИИ



По итогам VI Дальневосточного регионального конкурса изданий высших учебных заведений «УНИВЕРСИТЕТСКАЯ КНИГА – 2017», проходившего в Дальневосточном федеральном университете (г. Владивосток),

награжден дипломом за победу в номинации «Лучшее издание по юридическим наукам» коллектив авторов учебника «Криминология. Особенная часть» (под общ. ред. Ф.К. Зиннурова. 2-е изд., перераб. и доп.);

вручен диплом Дальневосточного регионального учебно-методического центра (ДВ РУМЦ) в номинации «За высокий уровень учебника» коллективу авторов учебника «Криминология. Особенная часть» (под общ. ред. Ф.К. Зиннурова. 2-е изд., перераб. и доп.)



Р.Р. Абдулганеев

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ФИНАНСИРОВАНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РЕЛИГИОЗНОЙ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

PREVENTING THE FINANCING ACTIVITIES OF RELIGIOUS EXTREMIST ORGANIZATIONS

Введение: статья посвящена оптимизации правовых условий финансового контроля за теневыми источниками пополнения ресурсной базы религиозных экстремистских организаций.

Материалы и методы: основу исследования составляет диалектический метод, выступающий основой познания явлений объективной действительности. Автором при подготовке работы в качестве частных научных методов применялись сравнительно-правовой, статистический и формально-логический.

Результаты исследования: в статье особое внимание уделено вопросам оптимизации правовых механизмов по выявлению и устранению источников пополнения финансовых ресурсов религиозной экстремистской организации из зарубежных фондов и некоммерческих организаций; финансирования с использованием современных виртуальных денежных суррогатов в сети Интернет; прямого финансирования с использованием аффилированных организаций и физических лиц, а также самофинансирования на основе норм религиозных предписаний.

Обсуждение и заключения: в статье обосновывается мнение, согласно которому актуализация криминологических мер по повышению эффективности антиэкстремистской деятельности в стране позволит создать необходимые условия по устранению источников и каналов финансирования экстремистской деятельности и предоставит возможность для реализации комплекса мер, направленных на противодействие воспроизводимому потенциалу религиозного экстремизма.

Ключевые слова: религиозный экстремизм, финансирование экстремизма, безопасность государства, негативное социальное явление.

Для цитирования: Абдулганеев Р.Р. Предупреждение финансирования деятельности религиозной экстремистской организации // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2017. Т. 7, № 3. С. 66 - 71. DOI: 10.24420/KUI.2017.3(29).7373.

Introduction: the paper is devoted to optimization of the legal environment of the financial control over the shadow sources of replenishment of resource base of the religious extremist organizations.

Materials and Methods: the study is the dialectical method, the basis of knowledge of the phenomena of objective reality. The author in the preparation of the work as a private scientific methods, the author used the comparative legal, statistical and formal logic.

Results: in the article special attention is paid to optimization of legal mechanisms for identification and elimination of sources of replenishment of financial resources of religious extremist organizations from foreign foundations and non-profit organizations; financing with the use of modern virtual money substitutes in the Internet; direct financing through affiliated organizations and individuals, as well as self-financing on the basis of norms of religious instructions.

Discussion and Conclusion: the article substantiates the view that the actualization of criminological measures to improve the effectiveness of anti-extremist activities in the country will create the necessary conditions for eliminating sources and channels of financing of extremist activities and provide an opportunity for the implementation of measures aimed at combating the reproducible potential of religious extremism.

Key words: religious extremism, financing of extremism, the security of the state, a negative social phenomenon.

For citation: Abdulganeev R.R. Preventing the Financing Activities of Religious Extremist Organizations // Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia 2017. V. 7, № 3. P. 66-71. DOI: 10.24420/KUI.2017.3(29).7373.

Введение

Многообразие рынка финансовых услуг создает благоприятные условия для развития различных секторов экономики страны, а современные правовые механизмы, регламентирующие процедуру осуществления валютных операций и контроля за ними, предоставляют организациям и физическим лицам широкую возможность для реализации финансовых интересов. При этом наличие неконтролируемого оборота активов в экономической ткани государства формирует условия и для финансирования экстремистских организаций, подготовки или совершения преступлений экстремистской направленности, что кратно увеличивает их опасность и создает препятствия для эффективного правового реагирования на данные факты.

Обзор литературы

До недавнего времени вопрос криминологической превенции финансирования экстремистской деятельности находился в тени общей системы предупреждения данного негативного социального явления. Среди отечественных ученых к нему обращались А.Я. Минин, В.А. Церунян (совершенствование комплекса мер по подрыву экономических основ экстремистской деятельности, которая приобрела форму преступного промысла) [1]; И. Соловьев (незаконное обналичивание денежных средств как ключевой способ финансирования экстремистских организаций) [2]; В.В. Ульянова (повышение эффективности нормативной базы по противодействию финансированию экстремизма и терроризма) [3]; Г.Е. Вахрушев (регулирование противодействия финансированию терроризма нормами международного права) [4] и др.

Среди зарубежных ученых к вопросу криминологической превенции финансирования религиозного экстремизма и терроризма обращались Г. Мюллер (финансирование экстремистских организаций через религиозные центры в крупных городах Европы) [5]; А. Паскаль (противодействие возникающим рискам финансирования терроризма) [6]; Э. Офтедал (финансирование террористических ячеек джихадистов в Европе) [7]; М. Логвинов (Германия как площадка для вербовки боевиков-салафитов) [8]. Ф. Грубер (использование механизмов финансовой разведки для предупреждения финансирования экстремизма) [8] и др.

Результаты исследования

Под финансированием экстремистской деятельности наряду с оказанием финансовых услуг признается предоставление или сбор не только денежных средств (в наличной или безналичной форме), но и материальных средств с осознанием того, что они предназначены для финансирования организации, подготовки или совершения хотя бы одного из преступлений экстремистской направленности, либо для финансирования или иного материального обеспечения лица в целях совершения им хотя бы одного из этих преступлений, либо для обеспечения деятельности экстремистского сообщества или экстремистской организации¹.

Следует подчеркнуть, что изменения отечественного уголовного законодательства в 2014 г., выразившиеся в закреплении в статье 282.3 УК РФ «Финансирование экстремистской деятельности» ответственности за предоставление или сбор средств либо оказание финансовых услуг, заведомо предназначенных для финансирования организации, подготовки и совершения хотя бы одного из преступлений экстремистской направленности либо для обеспечения деятельности экстремистского сообщества или экстремистской организации, и сегодня встречают неоднозначную оценку как у практических работников, так и у исследователей данного вопроса.

Согласимся с позицией А.Я. Минина, который полагает, что современные правовые и организационные меры по выявлению и блокированию каналов финансирования экстремистских организаций разбалансированы и носят краткосрочный характер, позволяя им относительно легко найти способы восстановления своего финансового состояния для продолжения преступной деятельности [1].

На сложность выявления и доказывания фактов финансирования экстремистской деятельности в ходе оперативно-служебной деятельности специализированных подразделений органов внутренних дел указывают и данные ГИАЦ МВД России за 2014-2016 гг., в соответствии с которыми первое преступление за совершение деяний, предусмотренных статьей 282.3 УК РФ, было зарегистрировано только в 2016 г.²

¹О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2011 г. № 11 (в ред. от 03.11.2016) // Доступ из справ.- правовой системы «КонсультантПлюс».

²Данные приведены в сводном отчете ГИАЦ МВД России «О преступлениях террористического характера, экстремистской направленности и связанных с террористической деятельностью». М., 2016.

Обсуждение и заключение

В целях формирования эффективных правовых барьеров в антиэкстремистской деятельности выделим наиболее распространенные источники финансирования религиозной экстремистской организации:

1. Теневые источники финансирования:

а) доходы, полученные от криминальной деятельности представителей религиозной экстремистской организации и аккумулируемые с целью дальнейшего развития, функционирования экстремистской организации и продвижения идеологии религиозного экстремизма.

По данным материалов судебной практики, в России с 2011 по 2016 годы по уголовным делам в отношении представителей таких экстремистских и террористических организаций, как «Хизбут Тахрир аль-Ислами», «Дагва аль Игса», «Ат-такфир Уальхиджра», «Имарат Кавказ» и др., в подавляющем большинстве к наиболее распространенным способам получения криминальных доходов относились: вымогательство, разбой, незаконный сбыт оружия и боеприпасов, мошенничества в кредитно-финансовом секторе¹;

б) финансирование из зарубежных фондов и некоммерческих организаций. Данную часть составляют денежные средства, замуфлированные в качестве безвозмездной материальной помощи, но фактически используемые для финансирования преступной деятельности экстремистской организации.

На сегодняшний день в России в отношении 60 некоммерческих организаций (более 20 из которых – религиозные организации) судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности по основаниям, предусмотренным Федеральным законом от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности»²;

в) финансирование с использованием современных виртуальных денежных суррогатов. К данной категории относятся новые пиринговые платежные системы как одна из форм безналичного оборота денежных средств и, в первую очередь, такие виртуальные денежные суррогаты, как биткоин.

Особенность такого рода криптовалют состоит в полной бесконтрольности проводимых с ними операций со стороны надзорных государственных органов, анонимности информации о субъектах финансовых операций и отсутствии данных о назначении платежа [10].

2. Прямое финансирование с использованием рыночных механизмов.

К этому направлению относится прибыль от законной коммерческой деятельности физических и юридических лиц, аффилированных с представителями религиозной экстремистской организации, а также прямо или косвенно находящихся под их контролем либо осуществляющих действия от их имени или по их указанию с целью вывода полученных доходов из легального оборота.

И. Соловьев справедливо отмечает, что денежные средства от деятельности коммерческих организаций, поступающие в не контролируемый государством оборот, в дальнейшем используются в криминальных целях, в том числе для финансирования деятельности экстремистских и террористических организаций. Наиболее распространенным способом вывода денежных активов являются манипуляции по их обналичиванию путем перевода на расчетные счета в «фирмы - однодневки» и дальнейшего возвращения заинтересованным лицам [2].

3. Самофинансирование на основе норм религиозных предписаний.

Особенностью современных религиозных экстремистских организаций выступает наличие внутренних финансовых резервов, с помощью которых покрываются не только текущие расходы и оказывается материальная помощь их участникам, но и финансирование организаций, подготовка или совершение преступлений экстремистской направленности.

Наиболее распространенными формами самофинансирования религиозной экстремистской организации являются: а) традиционные формы сбора религиозных пожертвований, включающие добровольную передачу денежных средств в соответствии с религиозными предписаниями; б) передача части ежемесячного заработка члена религиозной экстремистской организации (как правило, в размере 10%) на ее нужды.

По нашему мнению, формирование ресурсной

базы для достижения преступных целей религиозных экстремистских организаций в современных условиях российского экономического пространства направлено на развитие сети организаций, преследующих цели пополнения своих рядов новыми членами и создания с их помощью источников для регулярного материального обеспечения деятельности.

Исходя из указанного, мы считаем, что осуществление антиэкстремистской деятельности в стране требует реализации решительных мер, направленных на выявление и устранение источников финансирования религиозной экстремистской деятельности, а также формирование действенных барьеров на пути распространения идеологии религиозного экстремизма как средства воспроизводимого потенциала экстремистской организации.

Достижение указанных целей, на наш взгляд, требует реализации следующих предложений:

1. Важной составляющей в структуре реализации контрольных механизмов за деятельностью некоммерческих организаций со стороны органов внутренних дел явилось бы закрепление в рамках пункта 4.2 статьи 32 «Контроль за деятельностью некоммерческой организации» Федерального закона от 12.01.1996 № 7-ФЗ (ред. от 01.01.2017) «О некоммерческих организациях»¹ в качестве основания для проведения внеплановой проверки некоммерческой организации поступление в уполномоченный орган или его территориальный орган информации от государственных органов, органов местного самоуправления о нарушении некоммерческой организацией законодательства Российской Федерации в сфере ее деятельности и (или) о наличии в ее деятельности признаков экстремизма, в том числе информации о финансировании экстремистской деятельности.

Исходя из того, что пункт 4.4 указанного Федерального закона не допускает предварительного уведомления некоммерческой организации о проведении внеплановой проверки в связи с наличием в ее деятельности признаков экстремизма, то, по нашему мнению, приведенное основание позволит усилить контроль за оборотом денежных средств в некоммерческих организациях и создаст условия для эффективной реализации правоохранитель-

ных функций субъектами предупреждения экстремизма.

2. Значимым направлением в вопросах выявления и устранения источников финансирования религиозной экстремистской деятельности является формирование эффективных барьеров на пути предоставления или сбора денежных средств (в наличной или безналичной форме), а также иных материальных средств в сети Интернет².

Исходя из указанного, считаем особо важным дополнить пункт 6 статьи 7 Федерального закона от 07.08.2001 № 115-ФЗ (в ред. от 28.12.2016) «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма»³ положением об обязательном применении мер по замораживанию (блокированию) денежных средств, принадлежащих организации или физическому лицу, полученных при помощи пиринговых платежных систем в сети Интернет, в отношении которых имеются достаточные основания подозревать их в причастности к экстремистской или террористической деятельности (в том числе к финансированию экстремизма или терроризма).

3. Достойными внимания являются меры, направленные на совершенствование процедуры финансового контроля со стороны специализированных подразделений органов внутренних дел за коммерческой деятельностью физических и юридических лиц, связанных с представителями религиозной экстремистской организации, в том числе за счет оптимизации уголовного законодательства вследствие закрепления в Уголовном кодексе РФ в рамках статьи 205.6 «Несообщение о преступлении» ответственности за несообщение в органы власти, уполномоченные рассматривать сообщения о преступлении, о лице (лицах), которое по достоверно известным сведениям готовит, совершает или совершило хотя бы одно из преступлений экстремистской направленности и (или) финансировало его совершение.

Мы убеждены, что реализация указанных правовых мер будет способствовать повышению информированности органов внутренних дел и позволит своевременно реагировать на факты финансирования экстремизма.

¹Судебная практика по делам о преступлениях экстремистской направленности и террористического характера. URL: <https://rospravosudie.com/vidpr-ugolovnoe/act-q/section-acts/> (дата обращения: 20.06.2017).

²Перечень некоммерческих организаций, в отношении которых судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности по основаниям, предусмотренным ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности». URL: http://minjust.ru/nko/perechen_zapret (дата обращения: 18.06.2017).

¹О некоммерческих организациях: Федеральный закон РФ от 12 января 1996 г. № 7-ФЗ (в ред. от 01.01.2017) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 3. Ст. 145.

²О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2011 г. № 11 (в ред. от 03.11.2016) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма: Федеральный закон РФ от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ (в ред. от 28.12.2016) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 33 (часть I). Ст. 3418.

4. Требуют совершенствования правовые меры, направленные на оптимизацию процедуры сбора и учета пожертвований граждан религиозным организациям. Отметим, что сегодня законодателем в статье 25 Федерального закона от 26.09.1997 № 125-ФЗ (в ред. от 06.07.2016) «О свободе совести и о религиозных объединениях»³ предусмотрена процедура проверки финансово-хозяйственной деятельности религиозной организации, в том числе в части поступления и (или) расходования благотворительных пожертвований и других денежных средств, источников поступления и (или) использования иного имущества, только в случае если религиозная организация получала денежные средства и иное имущество от международных и иностранных организаций, иностранных граждан, лиц без гражданства и (или) поступила информация о нарушении религиозной организацией законодательства Российской Федерации в сфере ее деятельности и (или) о наличии в ее деятельности признаков экстремизма (терроризма). При этом вопрос процедуры финансовой отчетности при поступлении денежных средств от российских граждан и организаций вне расчетного счета рели-

гиозной организации остается без должного правового внимания, а органы внутренних дел и вовсе не учитываются при реализации контрольно-надзорных функций за финансовой деятельностью религиозной организации.

Таким образом, в целях установления дополнительных правовых механизмов по недопущению возможности финансирования экстремистской деятельности средствами, аккумулируемыми в религиозных организациях, важным явилось бы закрепление в рамках Федерального закона от 26.09.1997 № 125-ФЗ (в ред. от 06.07.2016) «О свободе совести и о религиозных объединениях» статьи 25.2 «Отчетность религиозной организации, получившей денежные средства и иное имущество от российских организаций и граждан»; кроме этого, необходимо предусмотреть в пункте 4 статьи 25 «Осуществление надзора и контроля» указанного Федерального закона наделение специализированных подразделений органов внутренних дел по противодействию экстремизму полномочиями по осуществлению контроля за финансово-хозяйственной деятельностью религиозной организации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Минин А.Я., Церунян В.А. О противодействии финансированию экстремистской деятельности // Российский следователь. 2016. № 6. С. 30 – 37.
2. Соловьев И. Трудные времена для «обналички» // Налоговый вестник - Консультации. Разъяснения. Мнения. 2016. № 7. С. 88 – 95.
3. Ульянова В.В. Противодействие финансированию терроризма : автореф. дис. ... к.ю.н. Екатеринбург, 2010. 24 с.
4. Вахрушев Г.Е. Международно-правовое регулирование противодействия финансированию терроризма // Бизнес в законе. 2013. № 3. С. 65 – 71.
5. Herbert L. Müller Tradition und Moderne, Identitätsbildung und Weltanschauungen: Das Internet als (Re-) Aktionsfeld islamistischer Bewegungen // Extremismus in Deutschland Erscheinungsformen und aktuelle Bestandsaufnahme. Berlin, 2004. 394 s.
6. Pascal A. Emerging Terrorist Financing Risks. Paris, 2015. 50 p.
7. Oftedal E. The Financing of Jihadi Terrorist Cells in Europe. Kjeller, 2015. 68 p.
8. Logvinov M. Deutschland als Operationsgebiet und Rekrutierungsbasis des (militanten) Salafismus // Kriminalistik. 2011. №7. S. 472 – 475.
9. Gruber F. Extremismusprävention in Deutschland - Erhebung und Darstellung der Präventionslandschaft. Wiesbaden, 2016. 47 s.
10. Абдулганеев Р.Р. Криминологические аспекты предупреждения распространения идеологии религиозного экстремизма в интернет-пространстве // Общество и право. 2017. № 2 (60). С. 98 – 101.

REFERENCES

1. Minin A. Ya., Tserunyan V. A. O protivodeistvii finansirovaniyu ekstremistskoi deyatel'nosti // Rossiiskii sledovatel'. 2016. № 6. S. 30 – 37.
2. Solov'ev I. Trudnye vremena dlya «obnalichki» // Nalogovyi vestnik - Konsul'tatsii. Raz'yasneniya.

³О свободе совести и о религиозных объединениях: Федеральный закон РФ от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ (в ред. от 06.07.2016) // Собрание законодательства РФ. 1997. № 39. Ст. 4465.

Mneniya. 2016. № 7. S. 88 – 95.

3. Ul'yanova V.V. Protivodeistvie finansirovaniyu terrorizma : avtoref. dis. ... k.yu.n. Ekaterinburg, 2010. 24 s.

4. Vakhrushev G.E. Mezhdunarodno-pravovoe regulirovanie protivodeistviya finansirovaniyu terrorizma // Biznes v zakone. 2013. № 3. S. 65 – 71.

5. Herbert L. Müller Tradition und Moderne, Identitätsbildung und Weltanschauungen: Das Internet als (Re-) Aktionsfeld islamistischer Bewegungen // Extremismus in Deutschland Erscheinungsformen und aktuelle Bestandsaufnahme. Berlin, 2004. 394 s.

6. Pascal A. Emerging Terrorist Financing Risks. Paris, 2015. 50 r.

7. Oftedal E. The Financing of Jihadi Terrorist Cells in Europe. Kjeller, 2015. 68 p.

8. Logvinov M. Deutschland als Operationsgebiet und Rekrutierungsbasis des (militanten) Salafismus // Kriminalistik. 2011. №7. S. 472 – 475.

9. Gruber F. Extremismusprävention in Deutschland - Erhebung und Darstellung der Präventionslandschaft. Wiesbaden, 2016. 47 s.

10. Abdulganeev R.R. Kriminologicheskie aspekty preduprezhdeniya rasprostraneniya ideologii religioznogo ekstremizma v internet-prostranstve // Obshchestvo i pravo. 2017. № 2 (60). S. 98 – 101.

Об авторе: Абдулганеев Ренат Рафаилович, кандидат юридических наук, начальник научно-исследовательского отделения Казанского юридического института МВД России,
e-mail: renatabd001@mail.ru
©Абдулганеев Р.Р., 2017

About the author: Abdulganeev Renat Rafailovich, Candidate of Juridical Sciences, Head of Research Department of Kazan Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation.
e-mail: renatabd001@mail.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.
The author have read and approved the final manuscript.

ИЗДАНИЯ КАЗАНСКОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА МВД РОССИИ



Русский язык как иностранный : учебно-методическое пособие / сост. А.Р. Исхакова, Л.М. Миргалимова. – Казань : КЮИ МВД России, 2017. – 52 с.

В пособии содержится теоретико-практический материал по дисциплине «Иностранный язык (русский язык как иностранный)», представлены конкретные тренировочные упражнения по основным разделам курса, направленные на развитие навыков монологического высказывания и диалогической речи. Особое внимание уделяется лексике по теме «Право».

Предназначено для иностранных слушателей очной формы обучения Казанского юридического института МВД России по специальности 40.05.01 Правовое обеспечение национальной безопасности.

УДК 343.614



А.С.-У. Теунаев

**К ВОПРОСУ О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ НОРМ
ОБ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПОНУЖДЕНИЕ
К СУИЦИДАЛЬНОМУ ПОВЕДЕНИЮ**

**TO THE QUESTION OF IMPROVING THE NORMS
ON CRIMINAL RESPONSIBILITY FOR PUNISHMENT
TO SUICIDAL BEHAVIOR**

Введение: статья посвящена рассмотрению положений российского уголовного законодательства о борьбе с доведением до самоубийства, а также изучению содержания новой нормы, устанавливающей ответственность за склонение к самоубийству. Актуальность исследования обусловлена необходимостью эффективного уголовно-правового противодействия деяниям, направленным на формирование суицидальных намерений у социально незащищенных лиц, в особенности несовершеннолетних.

Методы исследования: применялись следующие методы исследования: системный анализ, синтез, аналогия, сравнительно-правовой, систематический, формально-логический, специально-юридический и другие методы научного познания.

Результаты исследования: автор статьи проводит анализ статьи 110.1 Уголовного кодекса РФ, устанавливающей ответственность за склонение к самоубийству, считая при этом важным критически подходить к оценке изменений, внесенных в уголовное законодательство. На основе проведенного анализа автор приходит к выводу, что следует рассматривать понятие «склонение» как составной элемент понятия «доведение», в связи с чем введение новой нормы может затруднить уголовно-правовую квалификацию деяний, связанных с самоубийством.

Обсуждение и заключения: предлагается криминализировать все деяния, связанные с самоубийством (склонение, содействие и доведение) в рамках одной статьи УК РФ, последовательно разграничив характер и степень общественной опасности данных деяний. В соответствии с этим приводится новая редакция ст. 110 УК РФ.

Ключевые слова: самоубийство, покушение на самоубийство, доведение, склонение, содействие, уголовная ответственность, преступление, способ совершения преступления, мотив преступления, квалификация.

Для цитирования: Теунаев А.С.-У. К вопросу о совершенствовании норм об уголовной ответственности за понуждение к суицидальному поведению // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2017. Т. 7, № 3. С. 72 - 77.

Introduction: The object of study in this article consists of the provisions of the Russian criminal legislation on combating incitement to suicide and proposed changes on introduction of new norms establishing liability for inducement to suicide. The research urgency is caused by the need for effective criminal and legal counteraction to acts aimed at the formation of suicidal intentions of socially vulnerable persons, including minors. Without denying the need to strengthen this opposition, the author considers it necessary to adopt a critical approach to the proposed changes in the criminal law, which can cause more harm than good.

Method and Methodology: method of systemic analysis, comparative legal, systematic, formal-logical, specially-legal, methods of analysis, synthesis, analogy and other methods of scientific cognition.

Results: scientific novelty of the study consists in the analysis of Article 110.1 of the Criminal Code of the Russian Federation, which establishes responsibility for the incitement to suicide. On the basis of the analysis, the author comes to the conclusion that the term “declination” should be more correctly considered as an integral element of the concept of “finishing”, in connection with which the introduction of a new rule may complicate the criminal legal qualification of the acts connected with suicide.

Discussion and Conclusions: the author believes that it is more appropriate to criminalize all the acts connected with suicide (inducement, assistance and completion) within the framework of one article of the Criminal Code of the Russian Federation, consistently delineating the nature and degree of public danger of these acts.

Key words: suicide, attempted suicide, finishing, inducing, assistance, criminal responsibility, crime, method of committing a crime, motive of a crime, qualification.

For citation: Teunaev A.S.-U. To the Question of Improving the Norms on Criminal Responsibility for Punishment to Suicidal Behaviour // Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. 2017. V.7, № 3. P.72-77.

Введение

Самоубийство представляет собой сложнейший феномен, имеющий социальные, нравственные, психологические, правовые и иные источники возникновения. Количество самоубийств справедливо считается важнейшим индикатором социального неблагополучия [1, С. 39 – 48]. По данным Всемирной организации здравоохранения, ежегодно около 0,8 млн человек добровольно уходят из жизни¹. В современной России проблема суицидального поведения стоит достаточно остро, хотя следует отметить, что статистические данные в течение ряда лет свидетельствовали о снижении его распространенности (так, в период 2001-2015 гг. имело место ежегодное снижение показателей смертности от суицида, при этом в 2015 г. был достигнут самый низкий показатель за 50 лет²). В уголовном законодательстве России норма об ответственности за доведение до самоубийства была сконструирована с расчетом на избирательное применение в тех случаях, когда самоубийство или покушение на него явилось следствием противоправных действий – жестокого обращения, угроз, систематического унижения достоинства потерпевшего. Правоприменительная практика была устойчиво представлена единичными случаями [2, С. 4]. Ученые связывали это как с высокой латентностью преступления, предусмотренного ст. 110 УК РФ [3, С. 19], так и с юридико-техническим несовершенством уголовно-правовой нормы [4, С. 4].

Поэтому резкий всплеск количества самоубийств в 2016 г. (увеличение почти на 60% по сравнению с предыдущим годом³) вызвал серьезную

тревогу не только у исследователей, но и правоохранителей, политиков и общественных деятелей.

Высокий общественный резонанс вызвала информация о существенном росте «подростковых самоубийств», число которых увеличивалось с 2014 г.⁴ Их причины моментально стали связываться с противоправным воздействием, оказываемым на несовершеннолетних взрослыми подстрекателями, а также с распространением «суицидальной идеологии», в том числе с использованием сети Интернет⁵. В результате возник вопрос о достаточности уголовно-правовых средств противодействия этому крайне опасному общественному явлению (в целом данная проблематика давно привлекала внимание ученых, и большинство авторов обосновывали необходимость качественного изменения положений об уголовной ответственности за доведение до самоубийства [5, С. 9; 6, С. 159 – 160; 7, С. 53 – 57]). Само по себе любое самоубийство – это негативное явление, хотя и не признаваемое в качестве преступления или правонарушения. Общественную опасность, по мнению законодателя, представляют те действия, которые формируют желание совершить самоубийство. А совершение таких действий, особенно в отношении подростков с недостаточной сформированностью интеллектуальной сферы и нестойкими моральными установками, представляется еще более опасным. В связи с этим возникли предложения о пересмотре существующей нормы – ст. 110 Уголовного кодекса РФ.

В июне 2016 г. группой депутатов Государственной Думы был разработан законопроект, в котором предлагалось дополнить уголовный кодекс новой

¹Самоубийство: информационный бюллетень Всемирной организации здравоохранения. Март 2017 г. // Всемирная организация здравоохранения. URL: <http://www.who.int/mediacentre/factsheets/fs398/ru/> (дата обращения: 01.07.2017).

²Сведения о смертности населения по причинам смерти по Российской Федерации за январь-декабрь 2015 года // Россия в цифрах: официальное издание. М.: Федеральная служба государственной статистики, 2016. С. 84.

³Число суицидов в России в 2016 году выросло почти на 60% // Ведомости. 2017. 20 марта.

⁴О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: пояснительная записка к проекту Федерального закона // Автоматизированная система обеспечения законодательной деятельности. URL: [http://asozd.duma.gov.ru/addwork/scans.nsf/ID/CCF26BBAB79D6B8243257FCA0050BEF8/\\$File/1092225-6_06062016_1092225-6.PDF?OpenElement](http://asozd.duma.gov.ru/addwork/scans.nsf/ID/CCF26BBAB79D6B8243257FCA0050BEF8/$File/1092225-6_06062016_1092225-6.PDF?OpenElement) (дата обращения: 01.07.2017).

⁵Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2016 год // Российская газета. 2017. 17 мая.

⁶О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: проект Федерального закона // Автоматизированная система обеспечения законодательной деятельности. URL: [http://asozd.duma.gov.ru/addwork/scans.nsf/ID/CCF26BBAB79D6B8243257FCA0050BEF8/\\$File/1092225-6_06062016_1092225-6.PDF?OpenElement](http://asozd.duma.gov.ru/addwork/scans.nsf/ID/CCF26BBAB79D6B8243257FCA0050BEF8/$File/1092225-6_06062016_1092225-6.PDF?OpenElement) (дата обращения: 01.07.2017).

нормой, устанавливающей ответственность за склонение к самоубийству и содействие совершению самоубийства. Объективная сторона этого деяния описана как «склонение лица к самоубийству путем уговора, подкупа, обмана, предоставления информации, направленной на формирование привлекательного восприятия самоубийства, в том числе содержащейся в средствах массовой информации и информационно-телекоммуникационных сетях, а также содействие совершению самоубийства советами, указаниями, предоставлением средств и орудий совершения самоубийства»⁶. В течение года данная инициатива обсуждалась, корректировалась и 7 июня 2017 г. была частично реализована в положениях Федерального закона № 120-ФЗ¹. Ст. 110.1 УК РФ устанавливает ответственность за склонение к совершению самоубийства путем уговоров, подкупа, предложений, обмана или иным способом при отсутствии признаков доведения до самоубийства. Кроме того, в рамках этой статьи законодатель отграничил склонение к самоубийству от содействия ему. Квалифицированные составы данных деяний предусматривают посягательство на социально уязвимые категории лиц (несовершеннолетних, беременных женщин), а также использование ресурсов информационно-телекоммуникационной сети Интернет.

В связи с появлением новых уголовно-правовых норм представляется необходимым проанализировать такие понятия, как «доведение», «склонение», «содействие» в отношении понятия «самоубийство», поскольку законодатель не дал в их структуре соответствующих определений, раскрыв криминообразующее содержание с помощью изложения открытого перечня способов совершения деяний.

Обзор литературы

Необходимо отметить, что идея принятия специальной нормы, предусматривающей ответственность за склонение к самоубийству, появилась достаточно давно [8, С. 263 – 274]. Как правило, такое предложение обосновывается историческим опытом (в дореволюционном и советском законодательстве до 1960 г. подобные нормы присутствовали [9, С. 72 – 82]) и наличием в зарубежном уголовном законодательстве норм, предусматривающих ответственность за склонение к самоубийству, помощь в самоубийстве, подстрекательство к нему, а также доведение до самоубийства [10, С. 190 – 194].

В нормативных правовых актах и научной литературе чаще используется термин «склонение к самоубийству». Например, основанием для принятия решения о прекращении или приостановлении деятельности религиозной организации признается «склонение к убийству» (п. 2 ст. 14 Федерального закона № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях»²). Данный закон был дополнен в 2016 г. главой III.1 «Миссионерская деятельность», в п. 6 ст. 24.2 которой запрещается осуществление миссионерской деятельности, если ее целью является склонение к самоубийству³. Высшие судебные инстанции России, в свою очередь, не раз акцентировали внимание на том, что склонение к самоубийству стоит расценивать как прямое нарушение права человека на жизнь. При этом Верховный Суд РФ охарактеризовал подобное деяние как нарушающее права и свободы⁴, а Конституционный Суд РФ признал его противоправность⁵.

Тем не менее высшие судебные инстанции до настоящего времени не раскрыли признаков склонения к самоубийству. Кроме того, Пленум Верховного Суда РФ не обобщал практики применения

¹О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и в статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в части установления дополнительных механизмов противодействия деятельности, направленной на побуждение детей к суицидальному поведению: Федеральный закон РФ от 7 июня 2017 г. № 120-ФЗ // Российская газета. 2017. 9 июня.

²О свободе совести и о религиозных объединениях: Федеральный закон РФ от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ (в ред. от 06.07.2016) // Российская газета. 1997. 1 октября.

³О внесении изменений в Федеральный закон «О противодействии терроризму» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности: Федеральный закон РФ от 6 июля 2016 г. № 374-ФЗ // Российская газета. 2016. 8 июля.

⁴О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении судами дел, связанных с приостановлением деятельности или ликвидацией некоммерческих организаций, а также с запретом деятельности общественных или религиозных объединений, не являющихся юридическими лицами: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2016 года № 64 // Российская газета. 2017. 9 января.

⁵Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан И.А. Зайковой, Н.Х. Иванцовой, В.А. Илюхина, С.В. Кадеева, И.А. Никитина, А.Г. Прозорова, В.Г. Работнева, Н.П. Сергеева, Н.Р. Халиковой и Ф.Ф. Халикова на нарушение их конституционных прав пунктом 1 статьи 9 и пунктом 5 статьи 11 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях»: определение Конституционного Суда РФ от 9 апреля 2002 г. № 113-О // Вестник Конституционного Суда РФ. 2002. № 6.

положений ст. 110 УК РФ и не сформулировал разъяснений относительно содержания понятия «доведение до самоубийства».

Результаты исследования

Стоит отметить, что термин «склонение» находит свое применение при квалификации такого деяния, как содействие террористической деятельности (ст. 205.1 УК РФ), в котором склонение прямо указано в диспозиции статьи в качестве одного из способов такого содействия и, согласно правовой позиции Пленума Верховного Суда РФ, понимается как «умышленные действия, направленные на вовлечение определенного лица (группы лиц) в совершение одного или нескольких преступлений»⁶. Далее разъясняется, что такое склонение может быть осуществлено как насильственными, так и ненасильственными методами, в том числе и с использованием современных информационных технологий. Аналогичным образом разъясняется понятие «склонение», используемое в ст. 230 УК РФ, устанавливающей ответственность за склонение к употреблению наркотических средств⁷.

При сравнении этих правовых позиций со способами склонения к самоубийству, установленными в ст. 110.1 УК РФ, можно отметить их практическое совпадение. Однако следует указать, что «склонением» в нормах действующего Уголовного кодекса признаются действия, целью которых является вовлечение либо в совершение преступления, либо административного правонарушения (употребления наркотических средств без назначения врача), тогда как самоубийство не является ни тем, ни другим. То есть, по сути, законодатель установил ответственность за склонение к совершению деяния, которое само по себе не является противоправным, то есть запрещенным законом. При важности противодействия суицидальному поведению, особенно возникающему вследствие усилий, произведенных лицами, ведущими такую деятельность на систематической основе или с использованием манипулятивных приемов, охватывающих широкую аудиторию, это все выглядит спорным.

Напротив, в диспозиции статьи 110 УК РФ используется понятие «доведение до самоубийства». Согласно определениям, данным в толковых словарях русского языка, данное словосочетание может иметь значение как процесса, так и результата какого-либо действия [11, С. 156]. Термин «склоне-

ние» разъясняется как «подталкивание, побуждение, умасливание, уговаривание, стимулирование, сманивание» [11, С. 703]. То есть этим понятием описывается процесс целенаправленных действий, не охватывающий сам результат.

Рассмотрев данные толкования, можно сделать вывод, что «доведение» предусматривает законченное действие, т.е. лицо, доведенное до самоубийства, уже совершает какое-либо действие, направленное на лишение жизни самого себя, что позволяет квалифицировать деяние как доведение до самоубийства, как в случае летального исхода, так и в случае совершения покушения на суицид, когда потерпевший остался жив в связи с обстоятельствами, не зависящими от его воли (обрыв веревки, падение на сугроб или ветки деревьев и т.п.). В то же время склонение – это только процесс формирования у потерпевшего намерения действовать с целью лишения себя жизни.

В обоих случаях – доведения до самоубийства и склонения к нему – общим является наличие единого мотивационного компонента – побуждения к поступку, решению, действию. Именно это, как представляется, может быть положено в основу квалификации любых действий, результатом которых является самоубийство.

Учитывая дословное толкование понятий «доведение» и «склонение», можно констатировать, что первое является более широким, поскольку охватывает как процесс, представленный определенным набором действий, в том числе склонение к самоубийству, так и результат таких действий. Понятие «склонение» можно признать более узким, охватывающим только процесс, безотносительно к наступившему результату. Представляется, что наличие двух уголовно-правовых норм, охватывающих своей диспозицией совершение одинаковых действий, направленных на формирование суицидальных намерений, лишь затруднит противодействие самоубийствам как негативным проявлениям. При различии между двумя деяниями, заключенном только в способах совершения, это представляется не вполне уместным.

В связи с этим возникает вопрос: а так ли обоснованна самостоятельная криминализация склонения к самоубийству? Или все-таки законодателю следовало избрать более простой способ совершенствования норм об ответственности за формирование суицидального намерения? Как представ-

⁶О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 9 февраля 2012 г. № 1 (ред. от 03.11.2016) // Российская газета. 2012. 28 февраля.

⁷О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2006 г. № 14 (ред. от 30.06.2015) // Российская газета. 2006. 30 июня.

ляется, тех же целей, которые декларировались при обсуждении проекта закона об установлении ответственности за склонение к самоубийству, можно было бы достичь, разграничив внутри действующей ст. 110 УК РФ категории «склонение», «содействие» и «доведение» с установлением наказания за совершение каждого из деяний по принципу усиления его строгости. Иными словами, более простым было бы разделение ст. 110 УК РФ на несколько частей, в одной из которых устанавливалась бы ответственность за склонение к самоубийству, в другой – за содействие ему, в третьей – за доведение до него. При этом совокупность квалифицирующих признаков могла бы быть общей для склонения к самоубийству и содействия его совершению, а особо квалифицированные составы этих деяний должны были бы включать совершение потерпевшим попытки суицида. С учетом особенностей состава доведения до самоубийства была бы выдержана формально-юридическая логика и имело бы место последовательное повышение общественной опасности во многом однородных деяний.

Обсуждение и заключения

С учетом изложенного предлагаем следующую редакцию статьи 110 УК РФ:

«Статья 110. Понуждение к суицидальному поведению.

1. Склонение к совершению самоубийства, то есть оказание воздействия на потерпевшего посредством уговоров, подкупа, предложений, обмана или иным способом, при отсутствии признаков, указанных в части четвертой настоящей статьи, –

наказывается...

2. Содействие совершению потерпевшим самоубийства советами, указаниями, предоставлением средств и орудий совершения самоубийства –

наказывается...

3. Деяния, предусмотренные частями первой и второй настоящей статьи, совершенные:

а) в отношении несовершеннолетнего или лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии либо в материальной или иной зависимости от виновного;

б) в отношении женщины, заведомо для виновного находящейся в состоянии беременности;

в) в отношении двух или более лиц;

г) группой лиц по предварительному сговору или организованной группой;

д) в публичном выступлении, публично демонстрирующемся произведении, средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть Интернет), –

наказываются...

4. Деяния, предусмотренные частями первой, второй или третьей настоящей статьи, повлекшие покушение на самоубийство потерпевшего, –

наказываются...

5. Деяния, предусмотренные частями первой, второй или третьей настоящей статьи, повлекшие самоубийство потерпевшего, –

наказываются...

6. Доведение лица до покушения на самоубийство путем угроз, жестокого обращения, систематического унижения достоинства потерпевшего –

наказывается...

7. Доведение лица до самоубийства путем угроз, жестокого обращения, систематического унижения достоинства потерпевшего –

наказывается...

8. Доведение лица до самоубийства или до покушения на него при обстоятельствах, указанных в части третьей настоящей статьи, –

наказывается...».

Предлагаемая автором конструкция является достаточно развернутой и содержит ряд преимуществ:

- объединяет все формы провоцирующего суицид поведения под родовым термином «понуждение», что было бы более удобным для правоприменителя;

- последовательно повышает общественную опасность перечисленных деяний (при этом максимальное наказание может варьироваться, в зависимости от части предлагаемой статьи, в пределах от одного до восьми лет лишения свободы, как это и было реализовано в действующей редакции ст. 110 УК РФ);

- позволяет установить разную ответственность за действия, последствиями которых стало совершение потерпевшим суицида или же покушение на таковой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гилинский Я.И. Самоубийство как социальный феномен // Социологический журнал. 2011. № 2. С. 39 – 48.
2. Агафонов А.В. Уголовная ответственность за доведение до самоубийства: монография. М.: Юрлитинформ, 2012. 208 с.
3. Волконская Е.К. Предупреждение доведения до самоубийства: уголовно-правовой и криминологический аспекты: монография. М.: Юрлитинформ, 2014. 184 с.
4. Цыркалюк А.А. Уголовная ответственность за доведение до самоубийства: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. М., 2012. 163 с.
5. Чукаева Н.Г. Уголовная ответственность за доведение до самоубийства или до покушения на самоубийство (проблемы законодательного регулирования): дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. Тюмень, 2011. 159 с.
6. Уколова Ю.А. Проблемы квалификации доведения до самоубийства как преступного деяния: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. М., 2008. 208 с.
7. Глазкова Л.В., Шамбилова А.М. Становление и развитие уголовной ответственности за доведение до самоубийства по российскому законодательству // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2016. № 10-2. С. 53 – 57.
8. Капинус О.С. Современное уголовное право в России и за рубежом: некоторые проблемы ответственности. М.: Буквовед, 2008. 320 с.
9. Хатуев В.Б. Эволюция российского уголовного законодательства об ответственности за доведение до самоубийства или до покушения на самоубийство // Российское правосудие. 2015. № 9. С. 72 – 82.
10. Гусак О.А. Доведение до самоубийства: вопросы совершенствования уголовно-правовой нормы // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Право». 2013. № 1. С. 190 – 194.
11. Лопатин В.В., Лопатина Л.Е. Русский толковый словарь. М.: Эксмо, 2007. 928 с.

REFERENCES

1. Gilinskij Ja.I. Samoubijstvo kak social'nyj fenomen // Sociologicheskij zhurnal. 2011. № 2. S. 39 – 48.
2. Agafonov A.V. Ugolovnaja otvetstvennost' za dovedenie do samoubijstva: monografija. M.: Jurlitinform, 2012. 208 s.
3. Volkonskaja E.K. Preduprezhdenie dovedenija do samoubijstva: ugodovno-pravovoj i kriminologicheskij aspekty: monografija. M.: Jurlitinform, 2014. 184 s.
4. Cyrcaljuk A.A. Ugolovnaja otvetstvennost' za dovedenie do samoubijstva: dis. ... kand. jurid. nauk: 12.00.08. M., 2012. 163 s.
5. Chukaeva N.G. Ugolovnaja otvetstvennost' za dovedenie do samoubijstva ili do pokushenija na samoubijstvo (problemy zakonodatel'nogo regulirovanija): dis. ... kand. jurid. nauk: 12.00.08. Tjumen', 2011. 159 s.
6. Ukolova Ju.A. Problemy kvalifikacii dovedenija do samoubijstva kak prestupnogo dejanija: dis. ... kand. jurid. nauk: 12.00.08. M., 2008. 208 s.
7. Glazkova L.V., Shambilova A.M. Stanovlenie i razvitie ugodovnoj otvetstvennosti za dovedenie do samoubijstva po rossijskomu zakonodatel'stvu // Aktual'nye problemy gumanitarnyh i estestvennyh nauk. 2016. № 10-2. S. 53 – 57.
8. Kapinus O.S. Sovremennoe ugodovnoe pravo v Rossii i za rubezhom: nekotorye problemy otvetstvennosti. M.: Bukvoved, 2008. 320 s.
9. Hatuev V.B. Jevoljucija rossijskogo ugodovnogo zakonodatel'stva ob otvetstvennosti za dovedenie do samoubijstva ili do pokushenija na samoubijstvo // Rossijskoe pravosudie. 2015. № 9. S. 72 – 82.
10. Gusak O.A. Dovedenie do samoubijstva: voprosy sovershenstvovanija ugodovno-pravovoj normy // Vestnik Samarskoj gumanitarnoj akademii. Serija «Pravo». 2013. № 1. S. 190 – 194.
11. Lopatin V.V., Lopatina L.E. Russkij tolkovyj slovar'. M.: Jeksmo, 2007. 928 s.

Об авторе:

Теунаев Ахмат Сент-Умарович, адъюнкт Нижегородской академии МВД России

e-mail: teunaev@gmail.com

© Теунаев А.С.-У., 2017

Статья получена: 18.05.2017. Статья принята к публикации: 19.05.2017. Статья опубликована онлайн: 20.09.2017.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The author have read and approved the final manuscript.

ИЗДАНИЯ КАЗАНСКОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА МВД РОССИИ



Фазлиева Л.К., Курникова С.С.

Вещное право: учебное пособие. – Казань : КЮИ МВД России, 2017. – 112 с.

В пособии последовательно рассматриваются основные тематические разделы института гражданского права «Вещное право». На основе действующего российского законодательства и теории гражданского права раскрываются основные положения вещного права. Основная цель пособия – помочь курсантам и слушателям систематизировать и конкретизировать полученные во время аудиторных занятий знания.

Предназначено для курсантов, слушателей, адъюнктов, преподавателей образовательных организаций системы МВД России.

УДК 343

И.А. Халиков

К ВОПРОСУ О СУБЪЕКТЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ,
ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТ. 243¹ УК РФTO THE QUESTION OF SUBJECT OF THE CRIME
UNDER THE ARTICLE 243¹ OF THE CRIMINAL CODE
OF THE RUSSIAN FEDERATION

Введение: включение в Уголовный кодекс РФ (далее – УК РФ) статьи 243¹ стало результатом деятельности правоохранительных органов Российской Федерации, направленной на пресечение преступлений в отношении объектов культурного наследия, включенных в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры), выявленных объектов культурного наследия.

Материалы и методы: применялись диалектический, сравнительно-правовой и статистический методы научного исследования.

Результаты исследования: практика использования статьи 243¹ УК РФ позволила выявить ряд существенных упущений, препятствующих привлечению виновных лиц к уголовной ответственности, в частности, отсутствие в диспозиции указанной статьи четких характеристик субъекта совершенного преступления, которым может быть только собственник или иной законный владелец объекта культурного наследия (памятника истории и культуры), выявленного объекта культурного наследия. В статье с использованием накопленного научного опыта изучены результаты расследования уголовных дел, возбужденных по признакам состава преступления, предусмотренного ст. 243¹ УК РФ, обобщены результаты анкетирования сотрудников правоохранительных органов.

Обсуждение и заключения: предложены изменения в статью 243¹ УК РФ, целью которых является повышение эффективности реализации государственной политики по охране культурного наследия народов и сохранению культурной самобытности многонационального народа Российской Федерации.

Ключевые слова: субъект преступления, объекты культурного наследия, памятники истории и культуры.

Для цитирования: Халиков И.А. К вопросу о субъекте преступления, предусмотренного ст. 243¹ УК РФ // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2017. Т. 7, № 3. С. 79 - 84.

Introduction: inclusion of the Article 243.1 in the Criminal Code of the Russian Federation was the result of the activities of law enforcement bodies of Russia aimed at curbing crimes against objects of cultural heritage included in the unified state register of objects of cultural heritage (monuments of history and culture), identified objects of cultural heritage.

Materials and Methods: dialectic, comparative legal and statistical methods of scientific research were applied.

Results: the practice of using of the Criminal Code of the Russian Federation revealed a number of significant shortcomings that hinder the attraction of guilty persons to criminal responsibility, in particular, the absence in the disposition of this article the precise characteristics of the subject of the crime, which may be only the owner or other lawful owner of object of cultural heritage (monuments of history and culture), revealed object of cultural heritage. The results of investigation of criminal cases on signs of structure of the crime provided by article 243.1 of the Criminal code were studied; the results of a survey of law enforcement officers were summarized.

Discussion and Conclusions: the changes to Article 243.1 of the Criminal Code of the Russian Federation, aimed to increase the efficiency of implementation of state policy on the protection of cultural heritage of the peoples and preserve the cultural identity of the multinational people of the Russian Federation, were proposed.

Key words: perpetrator, objects of cultural heritage, historical and cultural monuments.

For citation: Halikov I.A. To the Question of Subject of the Crime Under the Article 243¹ of the Criminal Code of the Russian Federation // Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. 2017. V. 7, № 3. P. 79 - 84.

¹ Стратегия Национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента РФ от 31.12.2015 № 683 // Доступ из справ.-прав. сист. «КонсультантПлюс» (дата обращения 02.07.2017).

Введение

Одной из приоритетных задач государства является обязанность сохранить и передать потомкам эталонные результаты культурной деятельности ушедших эпох, материализованные в исторических памятниках, в которых содержатся сведения о научных, культурных, социальных и религиозных достижениях многонационального народа Российской Федерации.

Доступность информационных источников в глобальном медиа-культурном пространстве стирает границы между государствами и народами и ведет к всеобщей глобализации, навязыванию чуждых нам ценностей, формированию обезличенной нации. В связи с этим особую актуальность приобретает проблема сохранения историко-культурного достояния России, защиты его своеобразия от внешних и внутренних разрушительных воздействий.

В п. 82 Стратегии национальной безопасности Российской Федерации¹ говорится, что усиление государственного контроля за состоянием объектов культурного наследия (памятников истории и культуры), а также повышение ответственности за нарушение требований их сохранения, использования и государственной охраны способствуют укреплению национальной безопасности в области культуры. В условиях реализации положений стратегии представляется актуальным вопрос о соответствии действующего законодательства в области охраны памятников истории и культуры современным реалиям.

В настоящее время целый комплекс нормативных правовых актов направлен на регулирование вопросов сохранения объектов культурного наследия (памятников истории и культуры). Не осталось в стороне и уголовное законодательство. Так, Федеральным законом от 23 июля 2013 г. № 245-ФЗ¹ была введена ст. 243¹ УК РФ, предусматривающая уголовную ответственность за нарушение требований сохранения или использования объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, включенных в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, либо выявленных объектов культурного наследия.

С момента введения в действие данной статьи прошло четыре года, и можно подвести итоги эффективности уголовно-правовых мер по защите и

сохранению объектов культурного наследия для будущих поколений.

Согласно статистическим данным, в период с 2013 г. по первый квартал 2017 г. сотрудниками правоохранительных органов Российской Федерации возбуждено 7 уголовных дел по признакам состава преступления, предусмотренного ст. 243¹ УК РФ. При этом ни по одному из возбужденных и расследованных уголовных дел лицо, виновное в умышленном повреждении или разрушении памятников истории и культуры, не понесло должного наказания. Полагаем, что это связано с не вполне удачной конструкцией диспозиции ст. 243¹ УК РФ, в которой отсутствует конкретизация признаков субъекта совершенного преступления. В действующей редакции рассматриваемая статья вступает в конкуренцию со ст. 243 УК РФ. Действия по использованию и сохранению памятников истории и культуры рассматриваются большинством правоприменителей как один из возможных способов уничтожения или повреждения объектов культурного наследия.

Обзор литературы

В юридической литературе проблема уголовно-правовой охраны объектов культурного наследия от незаконных действий, связанных с их использованием и нарушением требований, предъявляемым к их сохранению, практически не изучена, хотя отдельные ее аспекты становились объектом научных исследований. Большинство работ затрагивает лишь общие вопросы охраны объектов культурного наследия, культурных ценностей.

Вопросы правовой охраны объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов РФ рассматривались такими учеными, как Л.Р. Клебанов [1], А.К. Вахитов [2], Я.С. Калининская [3], Е.А. Лачина [4], Е.В. Медведев [5] и др. Все они внесли существенный вклад в разработку обозначенной проблематики. Однако необходимо отметить, что вопросу уголовной ответственности за нарушение требований сохранения или использования объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) в науке уголовного права ранее не уделялось пристального внимания.

Материалы и методы

Методологическую основу данного исследования составляет совокупность философских, общенаучных и частнонаучных методов научного познания, среди которых диалектический в соче-

тании со сравнительно-правовым и статистическим методами (обобщение материалов уголовных дел, экспертные оценки).

Результаты исследования

В соответствии с общими правилами, предусмотренными ч. 1 ст. 20 УК РФ, уголовной ответственности за совершенные преступления подлежат лица, достигшие 16-летнего возраста. Применительно к ст. 243¹ УК РФ субъект преступления наделяется присущими только ему особенностями. Вопрос установления возраста наступления уголовной ответственности следует рассматривать сквозь призму определения общей дееспособности, установленной статьей 21 Гражданского кодекса РФ. Полная гражданская дееспособность означает, что лицо способно понимать сущность и значение своих действий, руководить ими и нести за них ответственность. Поэтому в полном объеме гражданская дееспособность возникает по достижении 18-летнего возраста, т.е. с наступлением совершеннолетия. Субъект преступления, предусмотренного статьей 243¹ УК РФ, должен понимать сущность и значение своих действий в объеме и пределах, определенных охранным обязательством, порядок заключения которого установлен статьей 47.6 Федерального закона от 25 июня 2002 г. № 73-ФЗ² «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» (далее Федеральный закон № 73-ФЗ). Обязательство заключается между собственником или иным законным владельцем и федеральным (региональным) органом охраны, утверждается соответствующим актом последнего (часть 7 статьи 47.6 Федерального закона № 73-ФЗ). При заключении охранного обязательства сотрудники федерального (регионального) органа охраны объектов культурного наследия обязаны изучить сведения о собственнике или ином законном владельце, который принимает на себя обязательства по сохранению и должному использованию памятника истории и культуры. Кроме этого, при заключении охранного обязательства исследуется вопрос о возможности привлечения к ответственности собственника или иного законного владельца объекта за нарушение требований его сохранения или использования. Таким образом, он, то есть собственник или иной законный владелец, должен быть полностью деликтоспособен. Полная деликтоспособность является составной частью полной дееспособности, которая наступает при достижении лицом 18-летнего возраста.

Владеть объектом культурного наследия, вы-

явленным объектом культурного наследия на праве собственности может лицо, не достигшее 18-летнего возраста. В этом случае охранное обязательство на указанный объект будет заключено с родителем (усыновителем, попечителем) несовершеннолетнего, который берет на себя ответственность за нарушение требований сохранения и использования памятника истории и культуры, становясь представителем собственника или иного законного владельца. Общие правила эмансипации несовершеннолетних, предусмотренные статьей 27 ГК РФ, в указанном случае не применимы. Лица, не достигшие возраста 18 лет, в силу указанных обстоятельств не могут быть участниками возникших правоотношений по поводу сохранения или использования памятников истории и культуры [6, С. 3 – 6]. Изложенное свидетельствует о том, что субъектом преступления, предусмотренного статьей 243¹ УК РФ, может быть только лицо, достигшее 18-летнего возраста.

По мнению А.Н. Трайнина, в некоторых случаях ограниченность круга субъектов преступления выражена не в форме прямого указания – «лицо, управляющее транспортным средством», «мать новорожденного» и т.д., а вытекает из общего содержания соответствующего состава [7, С. 193]. Исходя из диспозиции статьи 243¹ УК РФ, можно сделать вывод, что субъектом преступления может быть только собственник памятника истории и культуры или иной законный владелец, с которым заключено охранное обязательство в соответствии со ст. 47.6 Федерального закона № 73-ФЗ. При отсутствии указанного правоустанавливающего документа действия лица, вне зависимости от имущественных прав на объект охраны, подлежат квалификации по ст. 243 УК РФ.

В соответствии с пп. i, ii приложения III Европейской конвенции «О правонарушениях, связанных с культурной собственностью» (Париж, 1 июля 1985 г.)¹ ответственности по национальному законодательству присоединившихся к ней стран подлежат собственники или владельцы охраняемого памятника архитектуры, передвижного памятника, монументального ансамбля или участка местности, нарушившие требования их сохранения. Кроме того, собственники или владельцы памятников подлежат соответствующей ответственности за несвоевременное уведомление представителей государственных органов охраны о ненадлежащем техническом состоянии принадлежащих им объектов. Внесение собственником или иным владельцем технических, конструктив-

¹ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части пресечения незаконной деятельности в области археологии: Федеральный закон РФ от 23.07.2013 № 245-ФЗ // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения 02.07.2017).

² Об объектах культурного наследия: Федеральный закон РФ от 25.06.2002 № 73-ФЗ (в ред. Федерального закона от 19 декабря 2016 г. № 431-ФЗ) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения 02.07.2017).

¹ Европейская конвенция о правонарушениях, связанных с культурной собственностью // АО «Кодекс», 2012-2017. URL: <http://docs.cntd.ru/document/901751650> (дата обращения 02.07.2017).

ных и иных изменений в охраняемые памятники архитектуры, передвижные памятники, монументальные ансамбли или участки местности возможно только с предварительного разрешения, выданного компетентными органами. По характеру совершения указанные в приложении III Европейской конвенции правонарушения можно обобщить как нарушения требований сохранения и (или) использования объектов культурного наследия. В международно-правовом документе, ратифицированном Российской Федерацией 16 января 1992 г., прямо указано на собственника или иного владельца как субъекта совершенного преступления.

При нахождении объекта культурного наследия, выявленного объекта культурного наследия в собственности, пользовании, хозяйственном ведении, оперативном управлении юридических лиц субъектом преступления, предусмотренного статьей 243¹ УК РФ, будет руководитель юридического лица, выступивший в качестве участника заключения охранного обязательства в соответствии со ст. 47.6 Федерального закона №73-ФЗ. Руководитель юридического лица может делегировать обязанности по соблюдению требований сохранения или использования объектов культурного наследия, выявленных объектов культурного наследия представителю руководимой им организации, наделив его соответствующими служебными полномочиями. В судебно-следственной практике факт уничтожения юридическим лицом объекта культурного наследия принято квалифицировать по ст. 7.14.1 Кодекса об административных правонарушениях РФ, что не всегда является законным и обоснованным.

Современные реалии таковы, что большинство объектов культурного наследия, выявленных объектов культурного наследия находится в собственности, оперативном управлении юридических лиц (за исключением памятников истории и культуры, находящихся в государственной, муниципальной собственности). Соответственно, в случае нарушения требования сохранения и (или) использования объектов культурного наследия, находящихся в собственности юридических лиц, уголовно-правовое воздействие на них происходит опосредованно, через определение во внутренней структуре организации ответственного за преступное деяние и привлечение его к уголовной ответственности. Процесс выявления и привлечения к ответственности представителей юридического лица сопряжен с определенными трудностями, поскольку требует логически стройного и юридически корректного перехода от нарушения требований сохранения и (или) использования объектов культурного наследия, адресованных юридическому лицу, к физиче-

скому лицу, которому нарушение запретов может быть поставлено в вину.

Сотрудники правоохранительных органов при реализации указанной юридической конструкции сталкиваются с трудностями в определении субъекта совершенного преступления. Так, 24 июля 2015 г. следователями Следственного комитета России по Республике Татарстан возбуждено уголовное дело по признакам состава преступления, предусмотренного ст. 243¹ УК РФ, по факту нарушения требований использования объекта культурного наследия – «Польского католического костела, 1815 года постройки», который является памятником регионального значения, включенным в единый государственный реестр. В ходе расследования уголовного дела было установлено, что 15 июня 2015 г. в помещении костела, принадлежащего одному из вузов г. Казани, в результате нарушений правил пожарной безопасности при проведении ремонтных работ произошло возгорание, в результате которого объекту охраны причинен существенный вред на сумму 3,5 млн рублей. Уголовное дело было возбуждено в отношении одного из сотрудников вуза, ответственного за пожарную безопасность на территории памятника истории и культуры, что впоследствии было признано незаконным. При расследовании не было учтено обстоятельство, согласно которому помещение костела, используемое для проведения научно-технических исследований, было сдано в аренду обществу с ограниченной ответственностью «К», с которым было перезаключено охрannое обязательство. Соответственно, не было достаточных оснований привлекать сотрудника вуза к уголовной ответственности за совершение преступления, предусмотренного ст. 243¹ УК РФ. Уголовную ответственность в указанном случае должно нести лицо, непосредственно нарушившее принятые на себя обязательства по сохранению и использованию объекта культурного наследия. Расследование уголовного дела приостановлено в связи с неустановлением лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого.

В ходе изучения следственной практики были выявлены случаи умышленного непринятия собственником объекта охраны обязательств по должному содержанию и использованию памятника истории и культуры с целью избежания уголовной ответственности. Так, 19 мая 2015 г. сотрудниками отдела дознания г. Череповца Вологодской области РФ возбуждено уголовное дело по признакам состава преступления, предусмотренного ст. 243¹ УК РФ, по факту повреждения дома №1 по ул. Луначарского г. Череповца, признанного памятником регионального значения, включенным в государственный

реестр. Собственник здания в период с 2006 года по декабрь 2014 года умышленно уклонялся от заключения охранного обязательства, что вызвало определенные сложности в выборе нормы уголовного права. В результате проведенного расследования дознавателем принято решение о его приостановлении в связи с неустановлением лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого.

В ходе проведенного исследования мы провели анкетирование сотрудников прокуратур Республики Татарстан, города Санкт-Петербурга, Краснодарского и Алтайского края, Нижегородской, Ивановской, Ленинградской, Свердловской, Вологодской, Омской областей РФ, осуществлявших надзор за соблюдением законности при принятии процессуальных решений о наличии (отсутствии) признаков состава преступления, предусмотренного ст. 243¹ УК РФ. В ходе анкетирования был поставлен вопрос: «Согласны ли Вы с тем, что субъектами преступления, предусмотренного ст. 243¹ УК РФ, могут быть исключительно собственники или иные законные владельцы, с которыми заключено охрannое обязательство?». Большинство из опрошенных сотрудников надзорного органа выразили согласие с данной позицией.

Выражая полное согласие с мнением респондентов, в целях преодоления сложности в определении субъекта совершенного преступления, предлагаем изложить статью 243¹ в следующей редакции: «Нарушение собственником, представи-

телем собственника или иным законным владельцем требований сохранения или использования объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, включенных в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, либо выявленных объектов культурного наследия, повлекшее по неосторожности их уничтожение или повреждение в крупном размере». Уточнение субъекта преступления будет способствовать устранению противоречий, возникающих в правоприменительной практике.

Обсуждение и заключение

Таким образом, преступления, связанные с нарушением требований сохранения и использования объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов РФ, выявленных объектов культурного наследия народов РФ, по нашему мнению, могут быть совершены только специальным субъектом, права и обязанности которого определены Федеральным законом № 73-ФЗ. Внешение предложенных изменений в Уголовный кодекс РФ будет способствовать преодолению проблем правоприменительной практики. Кроме того, они будут определенным образом содействовать реализации государственной политики по сохранению эталонных образцов культурного наследия ушедших эпох для будущих поколений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Клебанов Л.Р. Уголовно-правовая охрана культурных ценностей: дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.08. М., 2012. 503 с.
2. Вахитов А.К. Административно-правовая охрана объектов культурного наследия: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.14. М., 2007. 170 с.
3. Калининская Я.С. Уголовная ответственность за уничтожение или повреждение памятников истории и культуры: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. М., 2008. 167 с.
4. Лачина Е.А. Уголовно-правовая охрана памятников природы, истории и культуры: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. Рязань, 2006. 168 с.
5. Медведев Е.В. Уголовно-правовая охрана культурных ценностей: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. Ульяновск, 2003. 203 с.
6. Капитонова Е.А. Несовершеннолетний как субъект обязанностей в сфере охраны исторического и культурного наследия // Культура: управление, экономика, право. 2015. № 3. С. 3 – 6.
7. Трайнин А.Н. Общее учение о составе преступления. М.: Госюриздат, 1957. 363 с.

REFERENCES

1. The National security strategy of the Russian Federation: the decree of the President of the Russian Federation dated 31.12.2015 № 683 [Electronic resource]: - mode of access from sprav.-the legal system "ConsultantPlus". (In Russ.).

2. On amendments to certain legislative acts of the Russian Federation to prevent illegal activities in the field of archaeology: the Federal law of 23.07.2013, № 245-FZ [Electronic resource]: - mode of access from sprav.-the legal system "ConsultantPlus". (In Russ.).
3. Klebanov L.R. Criminal law protection of cultural values: dis. ... doctor. the faculty of law. Sciences: 12.00.08: / L.R. Klebanov. – M., 2012. - 503 p. (In Russ.).
4. Vakhitov K.A. Administrative-legal protection of cultural heritage: [Text]: dis. kand. the faculty of law. Sciences: 12.00.14 / K.A. Vakhitov. - M., 2007. - 170 p. (In Russ.).
5. Kalininskaja Y.C. Criminal liability for destruction or damage of monuments of history and culture [Text]: dis. kand. the faculty of law. Sciences: 12.00.08 / Y.C. Kalininskaja. - M., 2008. - 167 p. (In Russ.).
6. Lachina, E.A. Criminal-law protection of monuments of nature, history and culture [Text]: dis. kand. the faculty of law. Sciences: 12.00.08 / E.A. Lachina. to the problem. - Ryazan, 2006. - 168 p. (In Russ.).
7. Medvedev E.V. Criminal-legal protection of cultural property: dis. kand. the faculty of law. Sciences: 12.00.08 / E.V. Medvedev. - Ulyanovsk, 2003. - 203 p. (In Russ.).
8. On objects of cultural heritage: the Federal law from 25 June 2002 № 73-FZ [Electronic resource]: as amended by Federal law of 19 December 2016 № 431-FZ: - mode of access from sprav.-the legal system "ConsultantPlus". (In Russ.).
9. Kapitonova E.A. Minor as the subject of obligations in the sphere of protection of historical and cultural heritage / E.A. Kapitonov // Culture: management, Economics, law. - 2015. №3. - p. 3-6. (In Russ.).
10. Traynin A.N. General theory of crime [Text] / A.N. Traynin. – Moscow: Gosyurizdat, 1957. – 363 p. (In Russ.).
11. European Convention on offences relating to cultural property [Electronic resource]: AO Code 2012-2017. - mode of access: <http://docs.cntd.ru/document/901751650>. (In Russ.).



Об авторе: Халиков Искандер Альфредович, старший преподаватель кафедры прокурорского надзора за исполнением законов в оперативно-розыскной деятельности и участия прокурора в уголовном судопроизводстве Казанского юридического института (филиала) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации
e-mail: iskanderh@mail.ru

© Халиков И.А., 2017

Статья получена: 02.06.2017. Статья принята к публикации: 19.05.2017. Статья опубликована онлайн: 20.09.2017.

About the author: Khalikov Iskander A., Senior Lecturer of the Department of Prosecutor's Supervision over Execution of Laws in the Operational-Search Activities and Participation in the Criminal Procedure of the Kazan law Institute (Branch) of the Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The author have read and approved the final manuscript.

О.В. Артюшина

**НОВЕЛЛЫ УК РФ О ПРОТИВОДЕЙСТВИИ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ, НАПРАВЛЕННОЙ НА ПОБУЖДЕНИЕ
НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ К СУИЦИДАЛЬНОМУ
ПОВЕДЕНИЮ**



**NOVELS OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN
FEDERATION OF COUNTERACTION TO ACTIVITY, DIRECTED
AT ADOLESCENTS TO SUICIDAL BEHAVIOR**

Введение: в статье исследуются изменения и дополнения, внесенные в УК РФ Федеральным законом от 7 июня 2017 года № 120-ФЗ «О противодействии деятельности, направленной на побуждение несовершеннолетних к суицидальному поведению», анализируется обоснованность дополнения УК РФ новыми статьями.

Материалы и методы: автором используются диалектико-материалистический, логико-семантический, системно-структурный, а также сравнительно-правовой методы.

Результаты исследования: подчеркивается актуальность и оправданность криминализации деяний. При этом обосновывается избыточность ст. 110.1 УК РФ, обусловленная объективной возможностью установления ответственности за склонение к самоубийству и содействие его совершению в ст. 110 УК РФ. Анализируются способы совершения доведения до самоубийства, а также склонения к совершению самоубийства и содействия совершению самоубийства. Дополняется перечень общих для этих деяний квалифицирующих признаков. Пересматриваются категории новых преступлений.

Обсуждение и заключения: внесены предложения по регламентации и дифференциации уголовной ответственности за доведение до самоубийства и содействие его совершению, разработаны новые редакции статьи 110 УК РФ и санкций ч.1 и ч. 2 ст. 151.2 УК РФ.

Ключевые слова: криминализация деяний, изменения УК РФ, доведение до самоубийства, склонение к совершению самоубийства, содействие совершению самоубийства, преступления против жизни, интересы несовершеннолетних.

Для цитирования: Артюшина О.В. Новеллы УК РФ о противодействии деятельности, направленной на побуждение несовершеннолетних к суицидальному поведению // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2017. Т. 7, № 3. С. 85 - 92. DOI: 10.24420/KUI.2017.3(29).7374.

Introduction: the changes introduced in the Criminal Code of the Russian Federation by Federal Law № 120-FZ of June 7, 2017 «On counteracting activities aimed at inducing juveniles to suicidal behavior» are being investigated, the validity of supplementing the Criminal Code with new articles is analyzed.

Materials and Methods: the author uses traditional for criminal law dialectical-materialistic, logical, historical, system-structural, as well as comparative legal and concrete sociological methods.

Results: the relevance and justification of the criminalization of acts is emphasized. This justifies the redundancy of Art. 110.1 of the Criminal Code of the Russian Federation, due to the objective possibility of establishing responsibility for declining and assisting suicide in Art. 110 of the Criminal Code. Analyzed ways to bring to suicide, declination to commit suicide and facilitate the commission of suicide. The list of common characteristics for these acts is supplemented. The categories of new crimes are being revised.

Discussion and Conclusions: the author made proposals for the regulation and differentiation of criminal responsibility of bringing to suicide and facilitating its commission. A new version of Article 110 of the Criminal Code is being developed among other conclusions.

Key words: criminalization of acts, changes in the Criminal Code of the Russian Federation, bringing to suicide, inducing suicide, facilitating suicide, crimes against life, adolescent rights.

For citation: Artyushina O.V. Novels of the Criminal Code of the Russian Federation of Counteraction to Activity, Directed at Adolescents to Suicidal Behavior // Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia 2017. V.7, № 3. P.85-92. DOI:10.24420/KUI.2017.3(29).7374.

Введение

Меняется мир – меняется преступность [1, С. 35]. Одним из проявлений этого выступает всеобщая компьютеризация, в результате чего возрастает количество преступлений (против личности, в сфере экономики и др.), совершенных с использованием компьютера [2, С. 50; 3, С. 2].

В условиях глобализации все более востребованными в криминальном мире становятся способы совершения преступлений, приводящие к массовым жертвам. Даже насильственные преступления, традиционно совершаемые путем прямого воздействия виновными на потерпевших, приобретают новые формы. Так, получило широкое распространение склонение несовершеннолетних к самоубийству в сети Интернет [4; 3, С. 2]. Не менее неожиданной стала выявленная в Краснодарском и Ставропольском краях, Смоленской, Тульской, Псковской и Астраханской областях продажа жевательной резинки, на вкладышах которой в качестве квест-игры потребителям предлагалось выполнить задания, в том числе опасные для жизни и (или) здоровья [5].

До принятия Федерального закона от 7 июня 2017 г. № 120-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в части установления дополнительных механизмов противодействия деятельности, направленной на побуждение детей к суицидальному поведению»¹ уголовная ответственность за такие действия не предусматривалась [2, С. 50; 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12].

Обзор литературы

За рубежом в настоящее время актуализируются исследования биологических, психиатрических аспектов подросткового суицида [13, 14, 15, 16] в отличие от работ, посвященных правовому анализу данной проблемы [17].

В отечественной литературе уголовно-правовое направление в исследованиях суицида получает все большее развитие [18, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12]. Специалистами единогласно поддерживается криминализация деяний, побуждающих несовершеннолетних к суицидальному поведению. Большинство исследователей обосновывается необходимостью дополнения УК РФ новыми статьями, предусматривающими ответ-

ственность за склонение к самоубийству и содействие его совершению. Предлагается также криминализировать «принуждение к самоубийству», «рекламирование средств и способов совершения самоубийства...», «пропаганду» и (или) «популяризацию» суицида среди несовершеннолетних [6, С. 47 – 48; 10; 11; 25, С. 122 – 123; 26, С. 97; 27; 28].

Отдельными авторами рассматривается возможность установления ответственности за данные деяния в уже имеющейся ст. 110 УК РФ [29, С. 8, 30, С. 28] и вносятся предложения по дополнению способов совершения этого преступления [31, С. 8; 32, С. 41].

В Федеральном законе от 7 июня 2017 года № 120-ФЗ, на наш взгляд, представлено концептуальное решение вопроса об уголовно-правовой охране личности от новых посягательств на жизнь, вовлечения несовершеннолетних в опасное, суицидальное поведение, а также от организованных форм такой деятельности путем использования сети Интернет и иным образом. Нормы об ответственности за организацию деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства (ст. 110.2 УК РФ), и вовлечение несовершеннолетнего в совершение действий, представляющих опасность для жизни несовершеннолетнего (ст. 151.2 УК РФ), способны восполнить пробельность уголовного закона в этой сфере.

При этом, на наш взгляд, остаются не изученными в достаточной степени возможности регламентации ответственности за склонение к самоубийству и содействие его совершению в уже имеющейся ст. 110 УК РФ за счет расширения объема понятия «доведение до самоубийства» путем его дополнения новыми, не закрепленными в УК РФ способами.

Материалы и методы

Уголовное право представляет собой одну из наиболее консервативных наук гуманитарного цикла. Достоверность результатов работы по специальности 12.00.08 – уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право, академизм изложения обеспечиваются традиционными, классическими приемами, основанными на общенаучном, философском подходе. Это обусловило выбор диалектико-материалистического, логико-семантического, системно-структурного, а также сравнительно-правового методов исследования.

Результаты исследования

Глагол «довести» в русском языке имеет значение «привести в какое-нибудь состояние, вызвать, породить в ком-чём-нибудь какие-нибудь последствия»¹. Это означает, что лексическое значение слова «довести» не ограничено никакими способами совершения этого деяния. То есть, согласно семантическому анализу данного слова, довести до самоубийства можно иначе, чем это закреплено в ч. 1 ст. 110 УК РФ, например, путем уговора, подкупа, обмана или иным способом.

Из этого следует, что содержание уголовно-правового понятия «доведение до самоубийства» может быть расширено за счет дополнения его новыми способами совершения преступления, перечисленными законодателем в ч. 1 ст. 110.1 УК РФ. Несмотря на то что их перечень является открытым, представляется, что в него следовало бы включить шантаж как общеизвестный способ устранения конкурентов в политической, экономической сфере.

Анализ способов содействия совершению самоубийства, регламентированных в ч. 2 ст. 110.1 УК РФ, показывает, что совершение этого преступления «указаниями» установлено законодателем ошибочно. Думается, что указание совершить самоубийство характеризует не содействие, а склонение. По смыслу закона при содействии виновный действует при уже готовом желании потерпевшего покончить с собой, а при склонении – сам «формирует» такое решение. Указание сделать что-либо, безусловно, является вариантом управления поведением другого человека. Оно должно влечь большую ответственность, чем содействие (помощь). Поэтому следовало бы отнести данный способ совершения преступления к склонению к совершению самоубийства.

Нельзя не заметить, что в ч. 2 ст. 110 УК РФ и ч. 3 ст. 110.1 УК РФ законодателем выделены одни и те же квалифицирующие признаки. Вероятно, это свидетельствует в пользу того, что уголовно-правовой запрет на совершение данных деяний может быть установлен в одной статье в соответствии с принципом экономии текста УК РФ при правотворчестве. Поэтому, на наш взгляд, нет необходимости в дополнении УК РФ новой ст. 110.1.

Кроме этого, представляется, что квалифицирующие признаки данных преступлений следовало бы дополнить новым признаком – «с целью совершить преступление или облегчить его совершение». Последовательность изложения квалифицирующих признаков определить согласно общим правилам по примеру конструирования ч. 2 ст. 105 УК РФ.

Дифференциация законодателем ответственности за исследуемые преступления в ч. 4 ст. 110.1 УК РФ показывает, что основные составы склонения и содействия по конструкции объективной стороны отличаются от состава доведения до самоубийства, так как для признания их оконченными не требуется установления факта самоубийства или покушения на самоубийство (ч. 1 и 2 ст. 110.1 УК РФ). Такой подход вызывает сомнения. На наш взгляд, следовало бы пойти другим, более традиционным путем и момент окончания преступлений определить так же, как и в ст. 110 УК РФ. Нам представляется, что неоконченная преступная деятельность в этом случае должна влечь ответственность по правилам ст. 30 УК РФ.

Вызывает возражения также определение законодателем категории преступления, предусмотренного ст. 151.2 УК РФ: в ч. 1 статьи максимальное наказание за него установлено до одного года лишения свободы, а в ч. 2 – до трех лет. Думается, что по своей общественной опасности вовлечение несовершеннолетнего в совершение действий, представляющих опасность для жизни несовершеннолетнего, не уступает вовлечению несовершеннолетнего в совершение преступления (ст. 150 УК РФ) и превосходит опасность вовлечения несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий (ст. 151.1 УК РФ). В связи с этим следовало бы отнести преступление, предусмотренное ст. 151.2 УК РФ, к категории преступлений средней тяжести, а санкцию ст. 151.2 УК РФ изложить по примеру ч. 1 и ч. 2 ст. 150 УК РФ.

Обсуждение и заключение

Таким образом, мы полагаем, что следовало бы в п. «а» части 1 ст. 110 УК РФ изложить способы, имеющиеся в действующей редакции, а в п. «б» закрепить новые – путем уговоров, предложений, указаний, шантажа, подкупа, обмана или иным способом. Во второй части этой статьи установить ответственность за содействие совершению самоубийства советами, предоставлением информации, средств или орудий совершения самоубийства либо устранением препятствий к его совершению или обещанием скрыть средства или орудия совершения самоубийства. В третьей части предусмотреть сформулированные в законопроекте квалифицирующие признаки деяний, дополненные новым – «с целью совершить преступление или облегчить его совершение». Последовательность изложения квалифицирующих признаков определить согласно общим правилам по примеру конструирования ч. 2 ст. 105 УК РФ.

¹О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в части установления дополнительных механизмов противодействия деятельности, направленной на побуждение детей к суицидальному поведению: Федеральный закон от 7 июня 2017 г. № 120-ФЗ // Российская газета. 2017. 9 июня. URL: <https://rg.ru/2017/06/09/uk-dok.html> (дата обращения 15.06.2017).

¹Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка / под ред. Л.И. Скворцова. 26-е изд., испр. и доп. М.: Оникс, Мир и Образование, 2009. С. 148.

Полагаем, что санкцию предлагаемой нами ст. 110 УК РФ в ч. 1 можно оставить прежней; в ч. 2 – определить по примеру ч. 3 ст. 110.1 УК РФ; в ч. 3 – как в ч. 2 ст. 110 УК РФ.

На основании этого предлагается:

1) изложить статью 110 УК РФ в новой редакции:

«Статья 110. Доведение до самоубийства и содействие его совершению

1. Доведение лица до самоубийства или до покушения на самоубийство:

а) путем угроз, жестокого обращения или систематического унижения человеческого достоинства потерпевшего;

б) путем уговоров, указаний, шантажа, предложений, подкупа, обмана или иным способом –

наказывается принудительными работами на срок до пяти лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до семи лет или без такового либо лишением свободы на срок от двух до шести лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до семи лет или без такового.

2. Содействие совершению самоубийства советами, предоставлением информации, средств или орудий совершения самоубийства либо устранением препятствий его совершению –

наказываются принудительными работами на срок до четырех лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до пяти лет или без такового либо лишением свободы на срок до четырех лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятель-

ностью на срок до пяти лет или без такового.

3. Деяния, предусмотренные частями первой или второй настоящей статьи, если они совершенны:

а) в отношении двух или более лиц;

б) в отношении несовершеннолетнего или лица, заведомо находящегося в беспомощном состоянии либо в материальной или иной зависимости от виновного;

в) в отношении женщины, заведомо для виновного находящейся в состоянии беременности;

г) группой лиц по предварительному сговору или организованной группой;

д) с целью скрыть преступление или облегчить его совершение;

е) в публичном выступлении, публично демонстрирующемся произведении, средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть Интернет) –

наказывается лишением свободы на срок от пяти до восьми лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до десяти лет или без такового и с ограничением свободы на срок до двух лет или без такового»;

2) признать статью 110.1 УК РФ утратившей силу;

3) изложить санкцию в части 1 статьи 151.2 УК РФ в следующей редакции: «наказывается лишением свободы на срок до пяти лет», а в части 2 – «наказывается лишением свободы на срок до шести лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет или без такового».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Голик Ю.В. Меняется мир – меняется преступность // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2015. № 3 (38). С. 33 – 37.
- Голик Ю.В. Переформатирование мира как криминологическая проблема // Современные проблемы уголовной политики: материалы VI Международной научно-практической конференции (г. Краснодар, 25 сентября 2015 г.). В 2-х томах.. Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2015. Том 1. С. 48 – 51.
- Путин В.В. Позитивные результаты и приоритетные задачи // Профessional. 2017. № 2 (136). С. 2 – 3.
- Мурсалиева Г. Группы смерти (18+) // Новая газета. 2016. 16 мая.
- Мелихова Е. В нескольких регионах РФ нашли жвачки с опасными заданиями // Российская газета. 2017. 20 марта.
- Крылова Н.Е. «Группы смерти» и подростковый суицид: уголовно-правовые аспекты // Уголовное право. 2016. № 4. С. 46 – 48.
- Сараева Ю.В., Кленова Т.В. Подростковый суицид: возможности уголовно-правового регулирования // Современные проблемы социально-гуманитарных и юридических наук: теория, методология, практика: материалы международной научно-практической конференции (г. Тихорецк, 7 мая 2017 г.). Краснодар, 2017. С. 234 – 240.
- Ментюкова М.А., Дубровина М.М. Эволюция уголовной ответственности за доведение до самоубийства с использованием сети «Интернет» // Вопросы современной науки и практики. 2013. № 44. С. 81 – 86.

9. Перов В.А., Сунцова Е.А. Современные проблемы уголовной ответственности лиц, подстрекающих к подростковому суициду (о борьбе с промоутерами смерти) // Вопросы ювенальной юстиции. 2016. № 3. С. 12 – 14.

10. Булычев Е.Н., Ситдикова А.Ф. О необходимости установления уголовной ответственности за пропаганду и популяризацию суицида среди несовершеннолетних // Экономика. Право. Менеджмент: современные проблемы и тенденции развития. 2016. № 11. С. 4.

11. Полиди А.А., Куликова А.А. Проблема законодательной регламентации ответственности за доведение до самоубийства и склонение к самоубийству // Концепт. 2017. № 7. С. 44 – 47. URL: <http://e-koncept.ru/2017/470094.htm>, свободный (дата обращения: 15.06.2017).

12. Малетина М.А. «Группы смерти» и подростковый суицид: уголовно-правовой аспект // Евразийский юридический журнал. 2017. № 4 (107). С. 209 – 211.

13. Lincoln S.H., Norkett E., Graber K., Tembulkar S., Morelli N., Gonzalez-Heydrich J., D'Angelo E. Suicidal behaviors in children and adolescents with psychotic disorders // Schizophrenia Research. 2017. No. 179. Pp. 13 - 16. DOI: 10.1016/j.schres.2016.09.020.

14. Martin M.S., Dykxhoorn J., Colman I., Afifi T.O. Child abuse and the prevalence of suicide attempts among those reporting suicide ideation // Social Psychiatry and Psychiatric Epidemiology. 2016. T. 51. No. 11. Pp. 1477-1484. DOI: 10.1007/s00127-016-1250-3.

15. Teevale T., Lee A.C.-L., Peiris-John R.J., Tiatia-Seath J., Clark T.C., Denny S., Bullen P., Fleming T. Risk and protective factors for suicidal behaviors among pacific youth in New Zealand Crisis // The Journal of Crisis Intervention and Suicide Prevention. 2016. T. 37. No. 5. Pp. 335 – 346. DOI:10.1027/0227-5910/a000396.

16. Liu M., Ming Q., Yi J., Wang X., Yao S. Screen time on school days and risks for psychiatric symptoms and self-harm in mainland Chinese adolescents // Frontiers in Psychology. 2016. T. 7. No. APR. P. 574. DOI: 10.3389/fpsyg.2016.00574.

17. Walsh E., Eggert L.L. Preventing youth suicide: issues for law enforcement personnel // International Journal of Law and Psychiatry. 2008. T. 31. No. 4. Pp. 347 – 358. DOI: 10.1016/j.ijlp.2008.06.003.

18. Степнова Л.А. Психологическая экспертиза информации, пропагандирующей подростковый суицид // Развитие профессионализма. 2016. № 1. С. 222 – 223.

19. Грахова Л.В., Зыкова А.О. Подростковые суициды в подростковую эпоху: что делать государству и обществу? // Современные проблемы гуманитарных и естественных наук: материалы XXXI международной научно-практической конференции. Институт стратегических исследований. М., 2016. С. 254 – 257.

20. Зорина Е.А., Агеева Л.Г. Роль социальных сетей в детских и подростковых суицидах нашего времени // Новая наука: теоретический и практический взгляд. 2017. Том 2. № 3. С. 17 – 21.

21. Мелешко Д.А. Уголовно-правовая оценка доведения до самоубийства лица, находящегося в беспомощном состоянии // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2016. № 4 (54). С. 126 – 129.

22. Щетинина Н.В. Некоторые вопросы применения ст. 110 УК РФ, предусматривающую ответственность за доведение до самоубийства // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2016. № 1. С. 2 – 4.

23. Стрункина А.В. Способ доведения до самоубийства как обязательный признак при квалификации преступления // Научный альманах. 2015. № 10-4(12). С. 163 – 166. DOI: 10.17117/na.2015.10.04.163.

24. Глазкова Л.В., Шамбилова А.М. Становление и развитие уголовной ответственности за доведение до самоубийства по российскому законодательству // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2016. № 10-2. С. 53 – 57.

25. Волконская Е.К. Предупреждение доведения до самоубийства: уголовно-правовой и криминологический аспекты: монография. М.: Юрлитинформ, 2014. 184 с.

26. Сидоров Б.В., Михопаркин Б.В. Доведение до самоубийства: социально-правовая оценка, место в системе смежных институтов и уголовно-правовых норм и вопросы совершенствования уголовного законодательства // Вестник экономики, права и социологии. 2010. № 1. С. 94 – 98.

27. Стасенок С.В., Шищенко Е.А. Уголовно-правовой и криминологический анализ пропаганды самоубийства // Научное обеспечение агропромышленного комплекса: сборник статей по материалам 71-й научно-практической конференции студентов / Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина. Краснодар, 2016. С. 807 – 810.

28. Агамиров К.В. Пропаганда самоубийства как новый состав преступления в российском уголовном законодательстве // Знание. 2017. № 1-2 (41). С. 107 – 109.

29. Эльмурзаев Д.И. Уголовная ответственность за доведение до самоубийства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. М., 2004. 28 с.

30. Галимов Р.Р. К вопросу об уголовной ответственности за доведение до самоубийства // Вестник ВЭГУ. 2014. № 2 (70). С. 24 – 29.

31. Чукаева Н.Г. Уголовная ответственность за доведение до самоубийства или покушения на самоубийство (проблемы законодательного регулирования): автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. Тюмень, 2011. 19 с.

32. Ильин Н.Н. Доведение до самоубийства: история и современность // Российский следователь. 2016. № 23. С. 38 – 41.

REFERENCES

- Golik YU.V. Menyayetsya mir – menyayetsya prestupnost' [The world is changing - crime is changing]. Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra= Criminology: yesterday, today, tomorrow. 2015; 3(38):33-37. (In Rus.).
- Golik YU.V. Pereformatirovaniye mira kak kriminologicheskaya problema [Reformatting the world as a criminological problem]. Sovremennyye problemy ugolovnoy politiki: materialy VI Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, g. Krasnodar, 25 sentyabrya 2015 g. V 2-kh tomakh. Tom 1. Krasnodar: Krasnodarskiy universitet MVD Rossii = Contemporary problems of criminal policy: materials of the VI International Scientific and Practical Conference, Krasnodar, September 25, 2015, in 2 volumes. Volume 1. Krasnodar: Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2015; 1: 48-50. (In Rus.).
- Putin V.V. Pozitivnyye rezul'taty i prioritety zadachi [Positive results and priority tasks]. Professional =Professional.2017; 2(136):2-3. (In Rus.).
- Mursaliyeva G. Gruppy smerti (18+) [Groups of death (18+)]. Novaya gaz.=New newspaper. 2016; 05.16. (In Rus.).
- Melikhova Ye. V neskol'kikh regionakh RF nashli zhvachki s opasnymi zadaniyami [In several regions of the Russian Federation were found chewing gum with dangerous tasks]. Rossiyskaya gaz.= Russian newspaper. 2017; 03.20. (In Rus.).
- Krylova N.E. «Gruppy smerti» i podrostkovyy suitsid: ugolovno-pravovyye aspekty ["Groups of death" and teenage suicide: criminal law aspects]. Ugolovnoe pravo= Criminal law. 2016, 4:36-48. (In Rus.).
- Sarayeva YU.V., Klenova T.V. Podrostkovyy suitsid: vozmozhnosti ugolovno-pravovogo regulirovaniya [Teenage suicide: the possibilities of criminal law regulation]. Sovremennyye problemy sotsial'no-gumanitarnykh i yuridicheskikh nauk: teoriya, metodologiya, praktika: materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (g. Tikhoretsk, 7 maya 2017 g.), Krasnodar=Modern problems of social and humanitarian and legal sciences: theory, methodology, practice: materials of the international scientific and practical conference (Tikhoretsk, May 7, 2017). Krasnodar, 2017. 1: 234-240. (In Rus.).
- Mentyukova M.A., Dubrovina M.M. Evolyutsiya ugolovnoy otvetstvennosti za dovedeniye do samoubiystva s ispol'zovaniyem seti «Internet» [Evolution of criminal responsibility for bringing to suicide using the Internet network]. Voprosy sovremennoy nauki i praktiki. Universitet im. V.I. Vernadskogo= Issues of modern science and practice. University named by V.I. Vernadsky. 2013; C44:81-86. (In Rus.).
- Perov V.A., Suntsova Ye.A. Sovremennyye problemy ugolovnoy otvetstvennosti lits, podstrekayushchikh k podrostkovomu suitsidu (o bor'be s promouterami smerti) [Modern problems of criminal liability of persons inciting to teenage suicide (about the fight against the promoters of death)]. Voprosy yuvenal'noy yustitsii = Questions of juvenile justice. 2016; 3:12-14. (In Rus.).
- Bulychev Ye.N., Sitdikova A.F. O neobkhodimosti ustanovleniya ugolovnoy otvetstvennosti za propagandu i populyarizatsiyu suitsida sredi nesovershennoletnikh [On the need to establish criminal liability for the propaganda and promotion of suicide among minors]. Ekonomika. Pravo. Menedzhment: sovremennyye problemy i tendentsii razvitiya = Economy. Right. Management: current problems and development trends. 2016; 11:4. (In Rus.).
- Polidi A.A., Kulikova A.A. Problema zakonodatel'noy reglamentatsii otvetstvennosti za dovedeniye do samoubiystva i skloneniye k samoubiystvu [The problem of legislative regulation of responsibility for bringing to suicide and declination to suicide]. Nauchno-metodicheskiy elektronnyy zhurnal «Kontsept» = Scientific and methodical electronic magazine «Concept». 2017; S7:44-47. Available from: <http://e-koncept.ru/2017/470094.htm> (accessed 15.06.2017). (In Rus.).
- Maletina M.A. «Gruppy smerti» i podrostkovyy suitsid: ugolovno-pravovoy aspekt [«Groups of Death» and teenage suicide: the criminal-legal aspect]. Yevraziyskiy yuridicheskiy zhurnal = Eurasian Law Journal. 2017. 4(107):209-211. (In Rus.).
- Lincoln S.H., Norkett E., Graber K., Tembulkar S., Morelli N., Gonzalez-Heydrich J., D'Angelo E. Suicidal behaviors in children and adolescents with psychotic disorders. Schizophrenia Research. 2017; 179:13-16. DOI: 10.1016/j.schres.2016.09.020.

14. Martin M.S., Dykxhoorn J., Colman I., Afifi T.O. Child abuse and the prevalence of suicide attempts among those reporting suicide ideation. Social Psychiatry and Psychiatric Epidemiology. 2016; T. 51. 11:1477-1484. DOI: 10.1007/s00127-016-1250-3.

15. Teevale T., Lee A.C.-L., Peiris-John R.J., Tiatia-Seath J., Clark T.C., Denny S., Bullen P., Fleming T. Risk and protective factors for suicidal behaviors among pacific youth in New Zealand Crisis. The Journal of Crisis Intervention and Suicide Prevention. 2016; T. 37. 5:335-346. DOI:10.1027/0227-5910/a000396.

16. Liu M., Ming Q., Yi J., Wang X., Yao S. Screen time on school days and risks for psychiatric symptoms and self-harm in mainland Chinese adolescents. Frontiers in Psychology. 2016; T. 7. APR574. DOI: 10.3389/fpsyg.2016.00574.

17. Walsh E., Eggert L.L. Preventing youth suicide: issues for law enforcement personnel. International Journal of Law and Psychiatry. 2008; T.31. 4:347-358. DOI: 10.1016/j.ijlp.2008.06. 003.

18. Stepnova L.A. Psikhologicheskaya ekspertiza informatsii, propagandiruyushchey podrostkovyy suitsid [Psychological expertise of information that promotes adolescent suicide]. Razvitiye professionalizma = Development of professionalism. 2016; 1: 222-223.

19. Grakhova L.V., Zyкова A.O. Podrostkovyye suitsidy v podrostkovuyu epokhu: chto delat' gosudarstvu i obshchestvu? [Teenage suicides in the adolescent era: what to do to the state and society?]. Sovremennyye problemy humanitarnykh i yestestvennykh nauk: materialy XXXI mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii / Institut strategicheskikh issledovaniy. Moskva = Modern problems of the humanities and natural sciences: materials of the XXXI International Scientific and Practical Conference / Institute for Strategic Studies. Moscow. 2016; 1:254-257. (In Rus.).

20. Zorina Ye.A., Ageyeva L.G. Rol' sotsial'nykh setey v detskikh i podrostkovykh suitsidakh nashego vremeni []. Novaya nauka: teoreticheskiy i prakticheskiy vzglyad = A new science: a theoretical and practical view. 2017; Tom 2. 3:17-21. (In Rus.).

21. Meleshko D.A. Ugolovno-pravovaya otsenka dovedeniya do samoubiystva litsa, nakhodyashchegosya v bespomoshchnom sostoyanii [Criminally-legal estimation of finishing the suicide of the person who is in a helpless condition]. Vestnik Akademii General'noy prokuratury Rossiyskoy Federatsii = Bulletin of the Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation. 2016; 4(54):126-129. (In Rus.).

22. Shchetinina N.V. Nekotoryye voprosy primeneniya st. 110 UK RF, predusmatrivayushchuyu otvetstvennost' za dovedeniye do samoubiystva [Some questions of the application of Art. 110 of the Criminal Code of the Russian Federation providing for responsibility for bringing to suicide]. Vestnik Ural'skogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii =Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2016; 1:2-4.

23. Strunkina A.V. Sposob dovedeniya do samoubiystva kak obyazatel'nyy priznak pri kvalifikatsii prestupleniya [The method of bringing to suicide as an indispensable feature in the qualification of the crime]. Nauchnyy al'manakh = Scientific almanac. 2015; 10-4(12):163-166. DOI: 10.17117/na.2015. 10.04.163. (In Rus.).

24. Glazkova L.V., Shambilova A.M. Stanovleniye i razvitiye ugolovnoy otvetstvennosti za dovedeniye do samoubiystva po rossiyskomu zakonodatel'stvu [Formation and development of criminal responsibility for bringing to suicide under Russian law]. Aktual'nyye problemy humanitarnykh i yestestvennykh nauk = Actual problems of the humanities and natural sciences. 2016; 10-2:53-57. (In Rus.).

25. Volkonskaya Ye.K. Preduprezhdeniye dovedeniya do samoubiystva: ugolovno-pravovoy i kriminologicheskiy aspekty [Prevention of suicide: criminal law and criminological aspects]. Moscow, Yurlitinform Publ., 2014; 184. (In Russ.).

26. Sidorov B.V., Mihoparkin V.G. Dovedeniye do samoubiystva: sotsial'no-pravovaya otsenka, mesto v sisteme smezhnykh institutov i ugolovno-pravovykh norm i voprosy sovershenstvovaniya ugolovnogo zakonodatel'stva [Bringing to suicide: socio-legal assessment, place in the system of related institutions and criminal law norms and issues of improving criminal legislation]. Vestnik ehkonomiki, prava i sociologii = Bulletin of Economics, Law and Sociology. 2010; 1:94-98. (In Russ.).

27. Stasenok S.V., Shishchenko Ye.A. Ugolovno-pravovoy i kriminologicheskiy analiz propagandy samoubiystva [Criminally-legal and criminological analysis of suicide propaganda]. Nauchnoye obespecheniye agropromyshlennogo kompleksa: sbornik statey po materialam 71-y nauchno-prakticheskoy konferentsii studentov /Kubanskiy gosudarstvennyy agrarnyy universitet imeni I.T. Trubilina = Scientific provision of the agro-industrial complex: a collection of articles on the materials of the 71st scientific-practical conference of students. / Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilina. 2016. 1:807-810. (In Russ.).

28. Agamirov K.V. Propaganda samoubiystva kak novyy sostav prestupleniya v rossiyskom ugolovnom zakonodatel'stve [Propaganda of suicide as a new crime in Russian criminal law]. Znaniye =Knowledge. 2017. 1-2(41):107-109. (In Russ.).

29. Elmurzaev D.I. Ugolovnaya otvetstvennost' za dovedeniye do samoubiystva: avtoref. dis. ...kand. yurid. nauk:

12.00.08 [Criminal responsibility for bringing to suicide: avtoref. Dis. ... cand. Jurid. Sciences: 12.00.08]. 2004; 28. (In Russ.).

30. Galimov R.R. K voprosu ob ugovnoy otvetstvennosti za dovedeniye do samoubiystva [On the issue of criminal liability for bringing to suicide]. Vestnik VEGU = Bulletin of VEGU. 2014; 2(70):24-29. (In Russ.).

31. Chukayeva N.G. Ugolovnaya otvetstvennost' za dovedeniye do samoubiystva ili pokusheniya na samoubiystvo (problemy zakonodatel'nogo regulirovaniya): avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk: 12.00.08 [The criminal responsibility for bringing to suicide or attempted suicide (problems of legislative regulation): avtoref. Dis. ... cand. Jurid. Sciences: 12.00.08]. 2011; 19. (In Russ.).

32. Ilin N.N. Dovedeniye do samoubiystva: istoriya i sovremennost' [Bringing to suicide: history and modernity]. Rossiyskiy sledovatel' = The Russian investigator. 2016; 23:38-41. (In Russ.).

Благодарности

Искренняя признательность доктору юридических наук, профессору Федору Романовичу Сундурову за помощь на всех этапах исследования¹.

Acknowledgments

Sincere gratitude to advanced Doctor of Law, Professor Fedor Romanovich Sundurov for help at all stages of the research.

Об авторе: Артюшина Ольга Викторовна, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права Казанского юридического института МВД России.

e-mail: ovar2012@mail.ru

© Артюшина О.В., 2017

About the author: Artyushina Olga Victorovna, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Criminal Law Department of Federal State Educational Establishment of Higher Education "Kazan Legal Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia".

e-mail: ovar2012@mail.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The author have read and approved the final manuscript.

¹Промежуточные результаты исследования докладывались автором 24 марта 2017 г. на международной научно-практической конференции «Правоприменение в публичном и частном праве» в ОмГУ им. Ф.М. Достоевского и 2 июня 2017 года на всероссийской научно-практической конференции «Пятые юридические чтения «Передовые направления обеспечения правоохранительной деятельности в России» в КЮИ МВД России.

М.В. Гусарова

НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИЕ КАК ОСОБЫЙ ОБЪЕКТ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ПОЛОВОЙ СВОБОДЫ И ПОЛОВОЙ НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ

MINORS AS A SPECIAL OBJECT OF CRIME AGAINST SEXUAL FREEDOM AND SEXUAL INTEGRITY OF PERSON



Введение: статья посвящена исследованию норм отечественного уголовного законодательства и законодательства ряда зарубежных стран о преступлениях против половой неприкосновенности несовершеннолетних.

Материалы и методы: методологическую основу исследования составляет совокупность философских, общенаучных и частнонаучных методов научного познания, среди которых диалектический метод познания в сочетании со сравнительно-правовым и системно-структурным.

Результаты исследования: в статье рассмотрены особенности уголовно-правовой защиты несовершеннолетних при посягательстве на их половую свободу и половую неприкосновенность. Обозначены проблемные аспекты квалификации преступлений против половой свободы и половой неприкосновенности несовершеннолетних, выявленные на основе анализа норм главы 18 Уголовного кодекса РФ, а также изучения законодательства ряда зарубежных стран.

Обсуждение и заключения: сформулированы рекомендации по совершенствованию отечественного уголовного законодательства в части регламентации половых преступлений.

Ключевые слова: преступления против половой свободы и половой неприкосновенности несовершеннолетних, несовершеннолетние как объект уголовной защиты.

Для цитирования: Гусарова М.В. Несовершеннолетние как особый объект преступлений против половой свободы и половой неприкосновенности личности // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2017. Т. 7, № 3. С. 93 - 97. DOI:10.24420/KUI.2017.3(29).7375.

Introduction: the paper is devoted to the study of the rules of domestic criminal legislation and legislation of foreign countries on crimes against sexual inviolability of minors.

Materials and Methods: the methodological basis of research is a set of philosophical, general scientific and specially scientific methods of scientific cognition, among which there are the dialectical method of cognition, combined with comparative legal and systemic-structural.

Results: the peculiarities of criminal-legal protection of juveniles in violation of their sexual freedom and sexual integrity are considered. The problematic aspects of the qualification of crimes against sexual freedom and sexual inviolability of minors identified based on the analysis of Chapter 18 of the Criminal code of the Russian Federation, as well as study the laws of some foreign countries are marked.

Discussion and Conclusions: some recommendations for the improvement of domestic criminal legislation in the field of regulation of sexual offences are formulated.

Key words: crimes against minor's sexual freedom and sexual integrity, minors as object of criminal defense

For citation: Gusarova M.V. Minors as a Special Object of Crime Against Sexual Freedom and Sexual Integrity of Person // Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. 2017. V.7, № 3. P.93-97. DOI: DOI:10.24420/KUI.2017.3(29).7375.

Введение

Преступления сексуальной направленности в отношении несовершеннолетних имеют большое количество особенностей. Положения норм о регламентации сексуальной преступности в отношении несовершеннолетних должны, на наш взгляд, качественно отличаться от норм, защищающих совершеннолетних лиц, в том числе в содержательной части диспозиции норм и только потом в их санкциях.

Обзор литературы

В юридической литературе изучением преступлений против половой свободы и половой неприкосновенности личности занимались такие авторы, как А.Ю. Антонян, А.П. Дьяченко, А.А. Игнатова, А.А. Ткаченко, С.Д. Цэнгэл и др.

Ввиду многократного реформирования норм главы 18 Уголовного кодекса Российской Федерации положения указанных статей нуждаются в научном переосмыслении.

Более того, на практике применение уголовно-правовых запретов рассматриваемой главы вызывает затруднения, связанные с отсутствием необходимого понятийного аппарата и возникновением сложности в трактовке изложения диспозиций норм.

Результаты исследования

Глава 18 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее УК РФ) включает два объекта охраны – половую свободу и половую неприкосновенность личности. Половые посягательства на лиц, не достигших 16-летнего возраста, составляют группу преступлений против половой неприкосновенности личности. Несовершеннолетние в возрасте от шестнадцати до восемнадцати лет при совершении в отношении них деяний, предусмотренных главой 18 УК РФ, составляют объект преступлений против половой свободы личности.

Посягательства на права и законные интересы несовершеннолетних в любом случае образуют повышенную общественную опасность по сравнению с аналогичными деяниями в отношении взрослых, что является совершенно оправданным. Глава 18 УК РФ содержит нормы о защите лиц, не достигших 16-летнего возраста (ст. 134-135), а также квалифицирующие признаки за совершение деяний в отношении несовершеннолетних (п. «а» ч. 3 и п. «б» ч. 4 ст. 131, п. «а» ч. 3 и п. «б» ч. 4 ст. 132, ч. 2 ст. 133), что предполагает усиление ответственности за совершение преступлений в отношении данной группы.

Таким образом, законодатель, во-первых, включил специальные нормы о защите половой свободы и половой неприкосновенности лиц, не достигших 16-летнего возраста, во-вторых, усилил ответственность за совершение половых преступлений в отношении несовершеннолетних, в-третьих, выделил среди потерпевших несовершеннолетних возрастные градации, меняющие квалификацию деяния. Анализ законодательства зарубежных стран также свидетельствует о разном подходе к юридической оценке половых преступлений, совершенных в отношении несовершеннолетних, по сравнению с посягательствами на лиц, достигших восемнадцати лет.

В настоящее время защита лиц, не достигших 16-летнего возраста, от сексуальных посягательств является одной из приоритетных задач отечественного и зарубежного права. В последние десятилетия в мире произошли существенные изменения в вопросах дозволенности сексуальных взаимоотношений, которые нашли отражение и в законодательстве. Указанными обстоятельствами продиктованы многочисленные поправки, которые на протяжении последних лет были внесены в

главу 18 Уголовного кодекса РФ, в том числе относительно защиты лиц, не достигших шестнадцатилетнего возраста (Федеральные законы от 25 июня 1999 г. № 92-ФЗ, от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ, от 21 июля 2004 г. № 73-ФЗ, от 27 июля 2009 г. № 215-ФЗ, от 27 декабря 2009 г. № 377-ФЗ, от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ, от 29 февраля 2012 г. № 14-ФЗ, от 28 декабря 2013 г. № 380-ФЗ и др.) Вместе с тем на сегодняшний день сохраняются положения рассматриваемой главы, нуждающиеся в уточнении. Кроме того, ряд авторов прямо указывают на имеющиеся недостатки.

Так, уголовное законодательство разграничивает ответственность за половые посягательства на детей о возрасте до 12, от 12 до 14, от 14 до 16 лет. А.И. Дьяченко и Е.И. Цымбал считают оправданным выделять следующие возрастные периоды: до 10 лет, от 10 до 14 лет, от 14 до 16 лет и от 16 до 18 лет. В указанном контексте интересным и заслуживающим положительной оценки следует признать предложение об увеличении возраста охраны половой неприкосновенности до совершеннолетия. Свою позицию авторы обосновывают тем, что половое созревание у детей заканчивается около 15-17 лет, при этом «с точки зрения психологического и биологического развития, между детьми 12-14 и 10-12 лет принципиальные различия незначительны» [1, С. 12].

Таким образом, квалифицирующие признаки, указанные в п. «а» ч. 3 и п. «б» ч. 4 ст. 131, п. «а» ч. 3 и п. «б» ч. 4 ст. 132, ч. 2 ст. 133 УК РФ, усиливают уголовную ответственность для лица, совершившего указанные деяния, исходя из возраста потерпевшего, не предусматривая никаких изменений в описании самих деяний, обусловленных возрастом объекта посягательства. Следует отметить, что в законодательствах зарубежных стран так называемые сексуальные посягательства в отношении несовершеннолетних прописаны в тексте норм, как правило, более детально и при этом охватывают большее количество действий, в отличие от аналогичных деяний в отношении взрослых. В частности, в ряде законодательств зарубежных стран (например, Уголовные кодексы Испании¹, Болгарии², Аргентины³) к повышенной уголовной ответственности привлекаются лица, совершившие сексуальные посягательства в отношении несовершеннолетних, используя зависимое положение последних (на основании родства, свойства, социальных обязательств и т.д.). Указанная позиция представляется оправданной. Соответственно, лица, которые в силу родственных связей или должностного положения обязаны были иметь заботу о несовершеннолетнем, но вопреки этому совершили сексуальное посягательство, должны

нести повышенную уголовную ответственность.

В кодексах зарубежных стран в настоящее время уже существуют примеры, где законодатель принципиально иначе подходит к формулированию норм о защите несовершеннолетних от сексуальных посягательств. Так, Уголовный кодекс Швейцарии содержит раздел 5 «Преступления против половой неприкосновенности», в котором указан ряд самостоятельных групп деяний: «действия, наносящие угрозу развитию несовершеннолетних», «посягательство на сексуальную свободу и честь», «использование сексуальных действий» (содействие занятию проституцией, торговля людьми), «порнография», «нарушения половой неприкосновенности»⁴. Наличие в рассматриваемом уголовном законодательстве группы действий, «наносщих угрозу развитию несовершеннолетних» свидетельствует об определенном новаторстве при подходе к систематизации половых преступлений. Выделение половых преступлений в отношении несовершеннолетних в самостоятельную структурную единицу позволяет более точно сформулировать особенности деяний против указанной группы потерпевших.

Статьи 134-135 Уголовного кодекса РФ сводятся к защите половой неприкосновенности лиц, не достигших 16-летнего возраста. В то же время нормы о противодействии преступлениям в сфере половой свободы и половой неприкосновенности необходимо снабдить понятийным аппаратом, раскрывающим такие понятия, как «сексуальные отношения», «иные действия сексуального характера». А. Игнатова полагает целесообразным закрепить в действующем постановлении Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о преступлениях против половой свободы личности» понятие «иные действия сексуального характера», раскрывая его как «действия, направленные на удовлетворение половой потребности виновного, за исключением полового сношения и гомосексуальных действий, связанных с проникновением в естественные полости» [2, С. 30]. Опираясь на опыт зарубежных стран (ст. 222-223 УК Франции; ст. 179 УК Испании), А. Кибальник предлагает понимать содержание «иных действий сексуального характера» как «сексуальное проникновение», т.е. введение в естественные полости другого человека полового органа, пальцев или иных предметов, если в последнем случае это совершено для имитации сексуального действия [3, с. 59]. Данное пред-

ложение, на наш взгляд, адекватно отражает смысл понятия «иные действия сексуального характера», при этом позволяет избежать размытости при его трактовке, но только применительно к ситуациям, где потерпевшим выступает совершеннолетнее лицо. Принципиально иначе в законе должна быть прописана ситуация, когда деяние направлено против интересов несовершеннолетнего. Так, факт поглаживания гениталий ребенка (без какого бы то ни было проникновения) следует квалифицировать как действие сексуального характера. Полагаем целесообразным сформулировать различные определения действий сексуального характера в зависимости от возраста потерпевшего лица и зафиксировать их в примечании к главе 18 Уголовного кодекса Российской Федерации.

На наш взгляд, в статье 134 УК РФ сохраняется некорректность, допущенная при формулировании нормы. Так, название указанной нормы – «половое сношение и иные действия сексуального характера с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста» – шире содержания самой нормы, которое сводится к «половому сношению с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста» по части первой и «мужеложству или лесбиянству с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста» по части второй нормы. Таким образом, применительно к данной норме действия сексуального характера приравнены только к актам мужеложства и лесбиянства, что не соответствует действительности. Иные действия сексуального характера, помимо указанных, совершенные между указанными возрастными категориями, не могут быть квалифицированы по данной норме. Более того, ряд авторов указывают на отсутствие ясности в логике законодателя в вопросе определения разной степени общественной опасности добровольного полового сношения и актов мужеложства и лесбиянства в рамках ст. 134 УК РФ [4, С. 23].

В указанном контексте анализа статей 134-135 Уголовного кодекса Российской Федерации нельзя не отметить новую норму главы 25 – ст. 240.1 «Получение сексуальных услуг несовершеннолетнего», содержательная часть которой во многом дублирует признаки составов преступлений, предусмотренных статьями 134-135 УК РФ. Полагаем, что при дальнейшем реформировании отечественного законодательства ряд норм по охране общественной нравственности, а именно статьи 240-242.2, целесообразно объединить с деяния-

¹Уголовный кодекс Испании. М., 1998. С. 61 – 64.

²Уголовный кодекс Болгарии. М., 2000. С. 74 – 78.

³Уголовный кодекс Аргентины. СПб., 2003. С. 112.

⁴Уголовный кодекс Швейцарии. М., 2001. С. 71 – 75.

ми, предусмотренными главой 18 УК РФ, ввиду общего объекта посягательства – совершения сексуального преступления. В уголовных законодательствах значительного числа зарубежных стран преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности объединены в рамках одной главы (или иной структурной единицы) с преступлениями, сопряженными с порнографической продукцией, а также вовлечением в занятие проституцией. Так, в уголовном законодательстве Австрии указанные деяния содержатся в десятом разделе «Преступные деяния против нравственности»¹; в уголовном законодательстве Испании – в разделе 8 «Преступления против половой свободы»²; в уголовном законодательстве Аргентины – в разделе 3 «Преступления против половой свободы»³; в Уголовном кодексе Швейцарии – в разделе 5 «Преступления против половой неприкосновенности» (в котором указан ряд самостоятельных групп деяний: «действия, наносящие угрозу развитию несовершеннолетних», «посягательство на сексуальную свободу и честь», «использование сексуальных действий» (содействие занятию проституцией, торговля людьми), «порнография», «нарушения половой неприкосновенности»⁴); в законодательстве ФРГ – в разделе 13 «Преступные деяния против полового самоопределения»⁵.

Среди стран и государственных образований, в законодательстве которых преступления, сопряженные с порнографической продукцией, расположены отдельно от преступлений против половой свободы личности, следует отметить Бельгию⁶, Австралию⁷, Австрию⁸, штат Техас США⁹ и некоторые другие.

Отдельно следует отметить некоторые аспекты субъективных признаков преступлений, предусмотренных рассматриваемой главой. В статьях 134-135 УК РФ, регламентирующих ответственность за посягательства на лиц, не достигших 16-летнего возраста, субъектом является лицо, достигшее восемнадцатилетнего возраста. В то же время при совершении деяний, указанных в статьях 131-133 УК РФ, в отношении несовершеннолетних (и, соответственно, в том числе лиц, не достигших

16-летнего возраста) субъектом является лицо по достижении четырнадцати и шестнадцати лет. Указанные обстоятельства свидетельствуют о нарушении системы построения данных норм, а также об определенном неравенстве прав виновного несовершеннолетнего лица при совершении различных преступлений данной главы. А.Н. Хоменко на этот счет полагает, что логически нельзя вменять квалифицирующий признак совершения преступления несовершеннолетним в отношении несовершеннолетнего, если субъект не осознает юридически значимых свойств объекта, при этом «посягающий на своего ровесника несовершеннолетний не способен в полной мере оценить тот факт, что в этот момент им нарушается уголовно-правовая охрана нормального физического и психического развития данного потерпевшего» [5, С. 73].

Таким образом, дальнейшее реформирование норм об установлении уголовной ответственности за совершение преступлений против половой свободы и половой неприкосновенности личности в рамках главы 18 УК РФ должно идти параллельно с изменениями норм против общественной нравственности, предусмотренных главой 25 УК РФ. Исходя из аналогичного объекта уголовно-правовой охраны – сексуальной сферы, целесообразно, на наш взгляд, расположить указанные деяния в рамках одной структурной единицы Особенной части УК РФ.

Обсуждение и заключение

В целях повышения защиты несовершеннолетних от сексуальных посягательств, а также эффективности применения норм, предусмотренных главой 18 УК РФ, считаем необходимым предусмотреть в статьях данной главы квалифицирующий признак – «деяния, совершенные в отношении несовершеннолетних родственником, законным представителем или иным лицом, от которого несовершеннолетний находился в зависимом положении».

Кроме того, в примечании к статье 131 УК РФ необходимо зафиксировать понятия «действия сексуального характера» и отдельно «действия сексуального характера в отношении несовершенно-

летних». Определение второго понятия, как было отмечено, должно быть принципиально шире. В дальнейшем развитие норм отечественного законодательства о защите несовершеннолетних от сексуальных посягательств должно быть направ-

лено на выделение в самостоятельную структурную единицу половых преступлений в отношении несовершеннолетних, что позволит более точно сформулировать особенности деяний против указанной группы потерпевших.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дьяченко А.П., Цымбал Е.И. Уголовно-правовая охрана детей от сексуальных посягательств: опыт России и зарубежных стран // Lex russica. 2014. № 11. С. 11 – 14.
2. Игнатова А.А. Проблемы применения норм, направленных на борьбу с ненасильственными посягательствами на половую неприкосновенность в свете нового постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» // Российский следователь. 2015. № 9. С. 28 – 31.
3. Кибальник А. Судебные подходы к квалификации сексуальных преступлений // Уголовное право. 2014. № 5. С. 58 – 60.
4. Классен А.Н., Кириенко М.С. Вопросы квалификации преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних // Адвокат. 2013. № 3. С. 20 – 24.
5. Хоменко А.Н. Особенности субъективных признаков преступлений, совершаемых в отношении несовершеннолетних // Адвокат. 2012. № 3. С. 72 – 74.

REFERENCES

1. Diachenko A.P., Tsymbal E.I. Criminal Law protection of minors from sexual encroachments: Russian and foreign countries' experience // Lex russica. 2014. № 11. P. 11-14.
2. Ignatova A.A. Problems of application of the norms aimed at combating non-violent encroachments on sexual inviolability in the light of the new resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation "On Judicial Practice in Cases of Crimes Against Sexual Inviolability and Sexual Freedom of the Personality" // Rossiysky Sledovatel. 2015. № 9. P. 28 - 31.
3. Kibalnik A. Judicial approaches to sexual crimes qualification // Uголовное Pravo. 2014. № 5. P. 58-60.
4. Klassen A. N., Kirienko M. S. Minors' sexual inviolability crimes qualification issues // Advokat. 2013. № 3. P. 20 - 24.
5. Khomenko A. N. Peculiarities of subjective characteristics of crimes against minors // Advokat. 2012. № 3. P. 72 - 74.

Об авторе: Гусарова Мария Викторовна, кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры уголовного права Казанского юридического института МВД России.

e-mail: Rr-maria@mail.ru

©Гусарова М.В., 2017

About the author: Gusarova Mariya V., Candidate of Juridical Sciences of Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Senior Teacher of the Criminal Law Department

e-mail: Rr-maria@mail.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The author have read and approved the final manuscript.

¹Уголовный кодекс Австрии. М., 2001. С. 90 – 97.

²Уголовный кодекс Испании. М., 1998. С. 61 – 64.

³Уголовный кодекс Аргентины. СПб., 2003. С. 102 – 112.

⁴Уголовный кодекс Швейцарии. М., 2001. С. 71 – 75.

⁵Уголовный кодекс ФРГ. М., 2001. С. 107 – 115.

⁶Уголовный кодекс Бельгии. СПб., 2004. С. 235.

⁷Уголовный кодекс Австралии. СПб., 2002. С. 370 – 371.

⁸Уголовный кодекс Австрии. М., 2001. С. 93.

⁹Уголовный кодекс штата Техас. СПб., 2006. С. 486 – 488.

К.А. Айнутдинова

**РОЛЬ ЛИЧНОСТИ ВИНОВНОГО ЛИЦА:
К ВОПРОСУ ОБ
ИНДИВИДУАЛИЗАЦИИ НАКАЗАНИЯ В УГОЛОВНОМ
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РФ**

**ROLE OF THE IDENTITY OF THE PERPETRATOR:
TO THE QUESTION
PUNISHMENT INDIVIDUALIZATION IN THE CRIMINAL
LEGISLATION OF THE RUSSIAN FEDERATION**



Введение: в статье рассмотрена роль личности виновного лица применительно к вопросу об индивидуализации наказания в уголовном законодательстве РФ. На основе комплексного анализа законодательства РФ, материалов судебной практики, сравнительно-правового и конкретно социологического изучения соответствующих норм уголовного законодательства определено значение индивидуализации наказания с позиции всестороннего учета судом личности виновного. Актуальность проблемы обусловлена общими процессами гуманизации и либерализации уголовной политики России, противоречиями правоприменительной практики, а также наличием различных точек зрения по данному вопросу в научной среде.

Материалы и методы: при подготовке статьи были изучены общие положения теории вины, научные исследования по сходной проблематике. Изучение проблемы осуществлялось путем логического, системно-структурного, статистического, конкретно-социологического и формально-юридического методов.

Результаты: автор пришел к выводу об относительной самостоятельности общих критериев назначения и индивидуализации наказания. При этом индивидуальные свойства личности преступника должны рассматриваться как значимый критерий индивидуализации наказания при его назначении.

Обсуждение и заключение: автор утверждает, что особенности личности виновного лица представляют интерес при определении индивидуализации наказания в уголовном законодательстве РФ. В работе обосновываются тематически значимые предложения по совершенствованию отдельных норм Уголовного кодекса РФ. Полученные результаты могут быть использованы в законотворческом процессе, практике судов и дальнейших научных исследованиях проблемы.

Ключевые слова: назначение наказания, критерии индивидуализации наказания, личность виновного, смягчающие обстоятельства, отягчающие обстоятельства.

Для цитирования: Айнутдинова К.А. роль личности виновного лица: к вопросу об индивидуализации наказания в уголовном законодательстве РФ // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2017. Т. 7, № 3. С. 98 - 104.

Introduction: the paper considers the role of the individual perpetrator in relation to the question of individualization of punishment in the criminal legislation of the Russian Federation. On the basis of a comprehensive analysis of the legislation of the Russian Federation, jurisprudence, comparative law and the concrete sociological study of the relevant norms of criminal legislation defined the meaning of individualization of punishment in a comprehensive account by a court the identity of the perpetrator. The urgency of the problem is defined by the general processes of humanization and liberalization of criminal policy of Russia, the contradictions in legal practice, and the presence of different points of view on this issue in the scientific community.

Materials and Methods: the author studied the general theory of guilt, research on similar issues. The study of the problem was carried out by the logical, systemic-structural, statistical, specific sociological and formal-legal methods.

Results: the author came to the conclusion about the relative independence of the general criteria for appointment and individualization of punishment. The individual properties of the individual offender should be regarded as a significant criterion of individualization of punishment in his appointment.

Discussion and Conclusions: the author argues that the personality characteristics of the perpetrator are of

interest in determining the individualization of punishment in the criminal legislation of the Russian Federation. Significant proposals for improving certain provisions of the Criminal code of the Russian Federation are justified. The obtained results can be used in the legislative process, the courts' practice and further research problems.

Key words: imposition of punishment, criteria of individualization of punishment, personality of a guilty, mitigating circumstances, aggravating circumstances.

For citation: Ainutdinova K.A. Role of the Identity of the Perpetrator: to the Question of Punishment Individualisation in the Criminal Legislation of the Russian Federation // Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. 2017. V.7, № 3. P. 98-104.

Введение

Сегодня, в эпоху глобальных социальных, экономических и политических преобразований, проблема взаимоотношений личности и общества приобретает особое значение. Активно осуществляемые реформы российского общества затрагивают все сферы жизнедеятельности, меняют вектор его развития в сторону демократизации, либерализации и гуманизации; при этом вносимые изменения ведут как к позитивным, так и негативным результатам, что, несомненно, актуализирует необходимость пересмотра некоторых подходов к жизненно важным проблемам общества в целом и роли личности в государственной политике в частности.

Уголовная политика является частью государственной политики и определяется как периодом, в котором функционирует государство, так и положением в стране и обществе на определенном этапе¹. Приоритетом российской уголовной политики сегодня является личностно-ориентированная парадигма, направленная, среди прочего, на гуманизацию и либерализацию уголовного законодательства [1].

С одной стороны, существующие тенденции уголовной политики отражают насущный запрос общества на реформирование уголовного закона и правоприменительной практики в целях эффективного обеспечения борьбы с преступностью и повышения уровня безопасности человека в условиях роста преступности. С другой стороны, общество демонстрирует готовность к разумному сокращению карательной функции субъектов уголовной политики, утверждению принципов равенства, справедливости и человечности в сфере правоприменения, обеспечению соразмерности наказания и противоправных деяний, декриминализации некоторых видов преступлений и др. [2]. В данном контексте гуманизация уголовного закона и правоприменительной практики может осуществляться лишь с учетом индивидуализации и дифференциации ответственности и уголовного наказания при его назначении, при этом уголовное наказание должно применяться в точном соответствии с законом, с тем чтобы

виновные несли заслуженное наказание, было соблюдено требование справедливости и чтобы меры уголовно-правового воздействия использовались только в тех пределах, которые необходимы для достижения поставленных перед наказанием целей и задач. В этом суть одного из главных направлений российской уголовной политики [1].

Материалы и методы

Научные исследования по проблемам учета личности виновного в преступлении (преступника) при назначении уголовного наказания давно известны в рамках уголовного права. Разработаны различные теории вины преступников, при этом учет личности преступника при назначении наказания предопределяет реализацию гуманных целей наказания: исправления осужденного и превенции рецидива преступлений. В исследовании применялся сравнительно-сопоставительный метод, позволивший провести анализ как традиционных, так и современных идей о роли личности виновного лица, а также определить ключевые тенденции в данной области права. Наряду с этим автором применялись и общенаучные методы анализа и синтеза, а также обобщения научной информации и др., позволившие сформулировать гипотезы, необходимое обоснование и выводы по работе.

Обзор литературы

Понятие личности преступника долгое время является предметом острых дискуссий в среде ученых различных наук уголовного профиля. Личность преступника вызывает интерес уже потому, что именно она является ключевым фактором, детерминирующим совершение преступления. Более того, она отличается от личности законопослушного человека общественной опасностью, ей присущи преступные потребности и мотивация, эмоционально-волевые деформации и негативные социальные интересы [3].

Наказание всегда конкретно и индивидуально, и личность преступника, к которому оно применяется, также является носителем индивидуальных свойств и качеств. [4]. Идеи гуманизации уголовной политики призывают суды при

назначении наказания максимально учитывать личность преступника, чтобы назначаемое наказание, подвергая виновного к справедливым лишениям и ограничениям, при этом не унижало его чести и достоинства, не причиняло физической боли и моральных страданий, способствовало его возвращению в общество в качестве достойного и честного гражданина [2].

Еще в 70-е годы прошлого столетия широкую известность в нашей стране и за рубежом получила книга П.С. Дагеля «Учение о личности преступника в советском уголовном праве» (1970), где автор на основе проведенных эмпирических и системных исследований приходит к выводу о многогранности понятия «личность преступника». Ученый отмечает, что под личностью виновного (преступника) следует понимать совокупность социально-политических, психических и физических признаков лица, совершившего преступление, имеющих уголовно-правовое значение [5].

По мнению С.А. Шоткинова, определение личности преступника может быть расширенным и отражать множество социально обусловленных признаков, черт, свойств и связей, которые условно можно объединить в две группы: 1) присущие личности вообще и приобретающие уголовно-правовое значение только при рассмотрении их через призму факта совершения преступления (например, такие социально-демографические признаки, как пол, возраст, семейное положение, образование и др.); 2) признаки, черты, свойства, прямо или косвенно связанные с совершением преступления, детерминирующие или объясняющие его совершение (например, социально деформированные убеждения, установки, ценностные ориентации, направленность личности преступника и др.) [6].

По мнению других авторов, личность преступника представляет собой совокупность социально-психологических значимых негативных и иных свойств и качеств человека, образовавшихся в нем в процессе многообразных и систематических взаимодействий с другими людьми и являющихся причинами и условиями совершения им преступлений [7; 8; 9].

Результаты исследования

Суммируя вышеизложенное, личность преступника можно определить как личность человека, который совершил преступление вследствие присущих ему социально-политических, психических психологических и физических особенностей, опосредованных формированием

у него антиобщественных взглядов, отрицательного отношения к нравственным ценностям и выбором общественно опасного пути для удовлетворения своих потребностей или непроявления необходимой активности для предотвращения отрицательного результата.

Личность виновного, на наш взгляд, – это основной критерий индивидуализации наказания, поскольку преступление, особенно его индивидуальные свойства, характеризуют ее сполна. Именно преступление выделяет личность виновного, а зачастую выражает и ее сущность – антиобщественную направленность или установку, то есть предуготованность к совершению преступных деяний и иному антиобщественному поведению. Как отмечает в одном из своих трудов Л.Л.Кругликов, смысл выделения этого критерия в качестве относительно самостоятельного заключается в том, что личностные данные проявляются в содеянном не всегда адекватно и всегда не в полной мере [10].

Учет личности виновного при назначении и индивидуализации наказания предопределяется, как отмечалось ранее, постановкой перед наказанием целей исправления осужденного и специальной превенцией преступлений. По мнению В.И.Зубковой, всесторонний учет личности виновного является залогом назначения справедливого наказания, предполагает достижение целей наказания – исправление осужденного и предупреждение совершения новых преступлений, а также восстановление социальной справедливости. Поэтому судом, по ее мнению, тщательно должны быть исследованы свойства и особенности личности виновного [2]. Ту же мысль по существу проводит и доктор юридических наук, профессор Л.Л.Кругликов. Он, в частности, указывает, что, поскольку к целям наказания относятся исправление виновного и специальная превенция, невозможно избрать соразмерное им средство без полного и глубокого учета данных, характеризующих лицо как в момент совершения преступления, так и до и после него [11].

В постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 11 января 2007 г. № 2 судам при определении меры наказания предписывается указывать в приговоре сведения, характеризующие личность подсудимого. Несколько детализированы эти сведения в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 29.10.2009 № 20 «О некоторых вопросах судебной практики назначения и исполнения уголовного наказания». В п. 2 данного

постановления при индивидуализации наказания судам предписывается учитывать данные о семейном и имущественном положении подсудимого, состоянии его здоровья, поведении в быту, наличии на иждивении несовершеннолетних детей, иных нетрудоспособных лиц (жены, родителей, близких родственников)¹.

Личность преступника – это совокупность как отрицательных, так и нейтральных с точки зрения общества и даже позитивных качеств, взаимодействие которых под воздействием внешних факторов и личностных механизмов обуславливает преступное поведение. С позиций поведения, проявления в обществе личность преступника выделяет себя из круга законопослушных лиц именно совершением преступления. До этого момента вообще нельзя говорить о личности преступника. Иначе можно дойти до признания преступной любой личности, независимо от факта совершения преступления [3].

Учитывая двойственную природу личности преступника, суды при назначении наказания основное внимание должны обращать на те свойства личности, которые, в первую очередь, внутренне обусловили совершение преступления и проявились в нем. Преступление в связи с этим служит материальным мерилom личности и, прежде всего, ее негативных свойств [9]. Важное значение имеют мотивы, цель преступления, упорство или, наоборот, нерешительность в достижении последней, пренебрежение общепринятыми нормами морали и человеческого общежития, использование для осуществления преступного намерения насилия, издевательства над потерпевшим, обмана, злоупотребления доверием, возможностей, вытекающих из своего служебного, профессионального положения и др. [12].

Наиболее важное значение для индивидуализации наказания при его назначении имеет характер антиобщественных взглядов и ориентаций. Личность преступника отличается от других личностей не какими-то отдельными свойствами или признаками. При рассмотрении личности вообще и преступника в частности приходим к выводу о совпадении совокупности свойств, составляющих их структуру. Это социально-демографические, социально-психологические и индивидуально-психологические свойства. Как справедливо отмечается в тематической литературе, личность преступника отличается от личности вообще не отсутствием или наличием каких-то компонентов своей статической струк-

туры, а прежде всего содержанием, направленностью определенных компонентов этой структуры. Вот почему, как отмечают Ю.М. Антонян, В.Н. Кудрявцев и В.Е. Эминов, следует говорить об антиобщественной направленности взглядов, интересов, потребностей, наклонностей, привычек, составляющих нравственные особенности и ориентации личности, которые и следует раскрывать как психологические черты, характерные именно для преступников [13].

Для индивидуализации наказания существенное значение приобретают содержание и устойчивость антиобщественной направленности личности виновного, которые в случае длительного антиобщественного образа жизни могут приобрести характер антиобщественной установки и будут способствовать совершению новых преступлений [8]. В связи с этим должен применяться различный подход к определению меры наказания к лицам, ведущим антиобщественный образ жизни, с одной стороны, и к лицам, совершившим преступления по неосторожности, с другой. Судам при назначении наказания необходимо учитывать личность виновного с позиции обстоятельств, характеризующих ее до, во время и после совершения преступления [12].

Применительно к личности осужденного, по мнению профессора Ф.Р. Сундукова, уяснить сущность личности можно лишь в связи с принципом развития, то есть на основе учета конкретных условий жизнедеятельности, многочисленных связей и отношений в их динамике. Ученый отмечает, что «биография личности – это своего рода ее история и было бы методологически неправильно ограничивать исследование личности осужденного тем или иным периодом его жизни» [3].

Этот вывод в полной мере относится и к личности подсудимого. При этом такую общую оценку личности подсудимого в приговорах можно встретить крайне редко. Иногда суды лишь указывают на то, что виновный вел антиобщественный образ жизни, пьянствовал, нарушал общественный порядок или, наоборот, совершил преступление при случайном стечении обстоятельств, положительно характеризуется и др. Обычно суды либо ограничиваются общим указанием об учете личности виновного, либо указывают традиционные обстоятельства: например, он совершил преступление впервые, положительно характеризуется, признал свою вину,

¹О некоторых вопросах судебной практики назначения и исполнения уголовного наказания: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 октября 2009 г. № 20 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2009. № 12.С. 3.

¹Обзор кассационной практики отмены приговоров за мягкостью назначения наказания// Бюллетень Верховного Суда РФ за 1997. № 7.С. 3.

чистосердечно раскаялся и др.

При назначении наказания суды должны учитывать в равной мере данные, характеризующие личность подсудимого как с положительной, так и отрицательной стороны. В Обзоре кассационной практики отмены приговоров за мягкостью назначения наказания Верховным Судом РФ за 1997 год было обращено внимание на то, что одним из оснований отмены приговоров судов за мягкостью наказания является в том числе неучет ими данных, отрицательно характеризующих личность осужденных и совершенных ими ранее преступных деяний¹. Среди значимых обстоятельств при назначении наказания следует, на наш взгляд, учитывать наличие как снятой, так и погашенной судимости. Хотя погашенная или снятая судимость не может влиять на вид и размер наказания, они могут характеризовать прежний образ жизни подсудимого, его общую антиобщественную направленность и др.

Индивидуализация наказания должна осуществляться только на основе индивидуальных свойств личности виновного. На основе ее типовых свойств законодатель проводит дифференциацию ответственности и наказания. В качестве таковых признаются возраст, пол, служебное, профессиональное положение и др. Особое значение придается, в частности, несовершеннолетнему лицу, совершившему преступление. С одной стороны, в законе проведена дифференциация пределов уголовной ответственности и наказания в отношении несовершеннолетних в плане ограничения применения некоторых видов наказаний, снижения сроков или размеров соответствующих наказаний, а с другой – несовершеннолетие в момент совершения преступления признается в качестве обстоятельства, смягчающего наказание (п. «б» ч.1 ст.61 УК РФ). В соответствии с ч. 2 ст. 88 УК РФ несовершеннолетний возраст как смягчающее обстоятельство учитывается в совокупности с другими смягчающими и отягчающими обстоятельствами¹.

Многие авторы исходят из того, что основными критериями назначения наказания и его индивидуализации являются характер и степень общественной опасности преступления и личность виновного, а обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание, относятся либо к первому, либо ко второму критерию и поэтому не имеют самостоятельного значения [14]. В то же время, как отмечает Л.Л.Кругликов, характер и степень общественной опасности совершенного престу-

пления, личность виновного, смягчающие или отягчающие обстоятельства выполняют важную функцию влияния на избираемое наказание путем усиления (отягчения) или ослабления (смягчения) его [10].

Если акцентировать внимание на этой функции, то, поскольку все обстоятельства дела влияют на наказание либо отягчающим, либо смягчающим образом, появляются основания объявить отягчающие или смягчающие обстоятельства единственным и достаточным критерием выбора меры воздействия. С учетом того что по смыслу закона (УК РСФСР 1960 г.) смягчающие и отягчающие обстоятельства – это не просто любые обстоятельства совершения преступления и данные о личности виновного, влияющие на наказание, а те из них, которые достаточно значимы для выбора вида и размера наказания, становится понятной, по мнению Л.Л.Кругликова, позиция авторов УК РСФСР 1960 г., выделивших этот критерий в качестве относительно самостоятельного [10].

При этом смягчающие и отягчающие обстоятельства не могут рассматриваться в качестве единственного и универсального критерия назначения и индивидуализации наказания хотя бы потому, что исчерпывающий перечень отягчающих обстоятельств не может полностью отражать степень общественной опасности преступления и личность виновного [11]. По нашему мнению, характер и степень общественной опасности преступления и личность виновного как целостные характеристики преступления и лица, его совершившего, должны признаваться основными критериями, а обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание, влияние назначенного наказания на возможность исправления осужденного и условия жизни его семьи рассматриваться в качестве дополняющих первые критерии назначения наказания и его индивидуализации.

Обсуждение и заключения

Критерии выбора меры наказания в известной мере накладываются друг на друга: например, смягчающие и отягчающие обстоятельства значительным образом определяют степень общественной опасности совершенного преступления и социальный портрет виновного [7]. Критерий влияния назначенного наказания на возможность исправления осужденного предполагает обязательный учет личности виновного. Исходя из этого, можно говорить лишь об относительной самостоятельности общих критериев назначения и индивидуализации наказания, о различ-

ном уровне практики их применения. Личность преступника при этом, несмотря на достаточно абстрактный характер самого понятия, в силу релевантной характеристики индивидуальных

свойств должна рассматриваться как значимый критерий индивидуализации наказания при его назначении.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Макеева Н.В. Приоритеты уголовной политики Российской Федерации на современном этапе // Известия вузов. Поволжский регион. Общественные науки. 2012. №3 (23) С. 3–11.
2. Зубкова В.И. Уголовное наказание и его социальная роль: теория и практика: монография. М.: Норма, 2002. 304 с.
3. Сундуров Ф.Р. Социально-психологические и правовые аспекты исправления и перевоспитания правонарушителей. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1976. 144 с.
4. Велиев С.А. Принципы назначения наказания. СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2004. 388 с.
5. Дагель П.С. Учение о личности преступника в советском уголовном праве: учебное пособие. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1970. 132 с.
6. Шоткинов С.А. Криминология: учеб.-метод. комплекс / Иркутск: Арт-пресс, 2003. 287 с.
7. Жидких И.В. Личность виновного как один из критериев назначения наказания // Вестник Адыгейского государственного университета. 2008. № 8. С. 392–400.
8. Кузнецова Н.Ф. Курс уголовного права: Т. 2. Общая часть. Учение о наказании / под ред. Н.Ф. Кузнецовой, И.М. Тяжковой. М.: Зерцало, 1999. 400 с.
9. Непомнящая Т.В. Назначение уголовного наказания. Теория, практика, перспективы. СПб.: Изд-во Р.Арсланова «Юридический центр Пресс», 2006. 800 с.
10. Кругликов Л.Л. О критериях назначения уголовного наказания // Советское государство и право, 1988. № 8. С. 60 – 62.
11. Кругликов Л.Л. Генезис правовой природы обстоятельств дела, смягчающих и отягчающих ответственность // Вопросы совершенствования уголовно-правовых мер борьбы с преступностью: межвуз. сб. науч. ст. Свердловск, 1983. С. 33 – 42.
12. Сундуров Ф.Р. Уголовное право России. Общая часть: учебник / под ред. Ф.Р. Сундунова, И.А. Тарханова. М.: Статут, 2009. 750 с.
13. Антонян Ю.М., Кудрявцев В.Н., Эминов В.Е. Личность преступника СПб.: Изд-во Р.Арсланова «Юридический центр Пресс», 2004. 366 с.
14. Буранов Г.К. Отягчающие наказание обстоятельства в уголовном праве России. Ульяновск: Ульянов. гос. ун-т, 2002. 164 с.

REFERENCES

1. Makeeva N.V. Prioritety ugolovnoj politiki Rossijskoj Federacii na sovremennom jetape // Izvestija vuzov. Povolzhskij region. Obshhestvennye nauki. 2012. №3 (23) P. 3–11.
2. Zubkova V.I. Ugolovnoe nakazanie i ego social'naja rol': teorija i praktika: monografija. M.: Norma, 2002. 304 p.
3. Sundurov F.R. Social'no-psihologicheskie i pravovye aspekty ispravlenija i perevospitanija pravonarushitelej. Kazan': Izd-vo Kazan. un-ta, 1976. 144 p.
4. Veliev S.A. Principy naznachenija nakazanija. SPb.: Izdatel'stvo R. Aslanova «Juridicheskij centr Press», 2004. 388 p.
5. Dageľ P.S. Uchenie o lichnosti prestupnika v sovetskom ugolovnom prave: uchebnoe posobie. Vladivostok: Izd-vo Dal'nevost. un-ta, 1970. 132 p.
6. Shotkinov S.A. Kriminologija: ucheb.-metod. kompleks / Irkutsk: Art-press, 2003. 287 p.
7. Zhidkih I.V. Lichnost' vinovnogogo kak odin iz kriteriev naznachenija nakazanija // Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta. 2008. № 8. P. 392–400.
8. Kuznecova N.F. Kurs ugolovnogogo prava: T. 2. Obshhaja chast'. Uchenie o nakazanii / pod red. N.F. Kuznecovoj, I.M. Tjazhkovoj. M.: Zercalo, 1999. 400 p.
9. Nepomnjashhaja T.V. Naznachenie ugolovnogogo nakazanija. Teorija, praktika, perspektivy. SPb.: Izd-vo R.Arslanova «Juridicheskij centr Press», 2006. 800 p.
10. Kruglikov L.L. O kriterijah naznachenija ugolovnogogo nakazanija // Sovetskoe gosudarstvo i pravo, 1988. № 8. P. 60 – 62.

¹Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон РФ от 13.06.1996 № 63-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения 03.04.2017).

11. Kruglikov L.L. Genezis pravovoj prirody obsojatel'stv dela, smjagchajushhih i otjagchajushhih otvetstvennost' // Voprosy sovershenstvovanija ugovno-pravovyh mer bor'by s prestupnost'ju: mezhvuz. sb. nauch. st. Sverdlovsk, 1983. P. 33 – 42.
12. Sundurov F.R. Ugolovnoe pravo Rossii. Obshhaja chast': uchebnik / pod red. F.R. Sundurova, I.A. Tarhanova. M.: Statut, 2009. 750 s.
13. Antonjan Ju.M., Kudrjavcev V.N., Jeminov V.E. Lichnost' prestupnika SPb.: Izd-vo R.Arslanova «Juridicheskij centr Press», 2004. 366 s.
14. Buranov G.K. Otjagchajushhie nakazanie obsojatel'stva v ugovnom prave Rossii. Ul'janovsk: Ul'janov. gos. un-t, 2002. 164 s.

Об авторе: Айнутдинова Карина Артуровна, старший преподаватель кафедры уголовного права Казанского (Приволжского) федерального университета,
e-mail: karina.arturovna14@mail.ru
©Айнутдинова К.А., 2017

About the author: Ainoutdinova Karina Arturovna, Senior Lecturer, Criminal law Department, Faculty of Law, Kazan (Volga region) Federal University
e-mail: karina.arturovna14@mail.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.
The author have read and approved the final manuscript.

УДК 343.3/7

Е.А. Кирина

КОРЫСТНЫЙ МОТИВ В ПРЕСТУПЛЕНИЯХ КОРРУПЦИОННОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

SELFISH MOTIVE IN CRIMES OF CORRUPTION



Введение: глубокое изучение личности преступника, мотивации его противоправной деятельности, несомненно, способствует эффективности правоприменения в борьбе с преступностью. В соответствии со ст. 73 Уголовно-процессуального кодекса РФ, доказывание мотивационной составляющей деятельности преступника по каждому уголовному делу является обязательным условием. Такая категория преступлений, как коррупционные, как правило, содержит в себе признак корысти, однако законодатель при юридико-техническом конструировании норм не всегда его указывает, что, безусловно, является негативной тенденцией доказывания субъективной стороны состава преступления. Целью исследования является изучение теоретических и практических аспектов корыстного мотива преступления по действующему уголовному законодательству, влияния их на квалификацию преступлений; разработка предложений и рекомендаций по совершенствованию действующего уголовного законодательства России и практики его применения.

Материалы и методы: в работе использовался логический метод исследования, метод сравнения, анализа и т.п.

Результаты исследования: автор сделал акцент на проблематике корыстного мотива как одного из важных признаков субъективной стороны преступлений коррупционной направленности, исследовал законодательную регламентацию корыстного мотива (побуждений).

Обсуждение и заключения: автор предлагает использовать в конструкции статей Уголовного кодекса понятие «корыстный мотив», исключив из диспозиции статей формулировку «корыстные побуждения» как криминообразующий признак.

Ключевые слова: корысть, корыстный мотив, факультативные признаки субъективной стороны преступления, юридико-техническая конструкция составов преступлений, преступления коррупционной направленности.

Для цитирования: Кирина Е.А. Корыстный мотив в преступлениях коррупционной направленности // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2017. Т. 7, № 3. С. 105-109.

Introduction: a deep study of the personality of the offender, the motivation of his illegal activities undoubtedly contributes to the effectiveness of law enforcement in the fight against crime. In accordance with article 73 of the Criminal procedure code to prove the motivational component activities of the criminal each criminal case is mandatory. Corruption crimes contain a sign of greed; however, the legislator does not specify that in legal-technical construction standards. The purpose of the paper is to study the theoretical and practical aspects of the selfish motive of a crime under the current criminal law, their influence on the qualification of crimes; development of proposals and recommendations on improving the current criminal legislation of Russia and the practice of its application.

Materials and Methods: a logical research method, method of comparison, analysis etc. were applied.

Results: the author emphasizes the issues of selfish motive as one of the important signs of the subjective party of the crimes of corruption and researched legislative regulation of selfish motive (motives).

Discussion and Conclusions: the author suggests using a clear logic in determining a selfish motive.

Key words: greed, lucrative impulse, optional characteristics of mental element of crime, law and technique of construction of components of crime, corruption offences.

For citation: Kirshina E.A. Selfish motive in crimes of corruption // Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. 2017. V. 7, № 3. P. 105 - 109.

Введение

В уголовно-правовой науке факультативным признакам субъективной стороны (мотив, цель, эмоция) уделяется особое внимание. Они становились предметом обсуждения на различных научных конференциях, им посвящены многочисленные монографические исследования. Однако, несмотря на повышенный интерес к данной проблеме, однозначно утверждать, что она решена, сказать нельзя.

Встречаются определенные трудности в установлении мотива преступления при квалификации. Верховный Суд Российской Федерации, отмечая недостатки в деятельности правоприменителей, указал, что при рассмотрении уголовного дела не всегда надлежаще исследуются содержание и направленность умысла виновного, неглубоко анализируются мотивы совершения преступления¹. Если рассматривать юридический аспект мотива, то он наполняет субъективную сторону состава противоправного деяния, мотивация любого поведения присутствует всегда [1]. В связи с этим автор считает оправданным обратить внимание научной общественности на некоторые проблемные вопросы, связанные с указанным признаком, рассмотрев их законодательную регламентацию.

Исследованию данного вопроса посвящены научные труды Б.С. Волкова, П.С. Дагеля, Л.Л. Кругликова, А.П. Музюкина, Б.В. Харазисвили и др. Кроме этого, в работе использовано законодательство Российской Федерации, материалах Верховного Суда Российской Федерации, справочной литературе (словарях).

Актуализируется данная проблема с момента принятия Уголовного кодекса Российской Федерации 1996 г., в котором законодатель сформулировал ряд преступлений и отнес их к преступлениям коррупционной направленности, включив в них факультативные признаки субъективной стороны: «мотив», «цель», «эмоции». Однако данный правотворческий подход о включении указанных признаков в диспозиции статей коррупционной направленности не позволил разрешить возникшие выше проблемы.

Определенный интерес вызывает вопрос, связанный с законодательным закреплением мотива противоправного деяния коррупционной направленности, непосредственно влияющего на квалификацию преступлений. Объясняется это тем, что мотив способен не только усиливать или смягчать ответ-

ственность, но и повлиять на установление вины в целом. При этом влияние мотива на квалификацию преступлений не исчерпывается только тем, что он является необходимым элементом состава преступления или его квалифицирующего признака, но и влияет на назначение наказания.

Доктринальный подход в изучении понятия мотива преступления. В теории уголовного права одна группа ученых мотивы, с точки зрения их обычного психологического содержания, связывает с идейными проявлениями и мотивами предметного характера. К первому виду относят мотивы морально-политические, вызванные этическими потребностями, стремлениями, вкусами; религиозные, обусловленные пережитками родового быта. Ко второй группе относят мотивы личного характера (карьеризм, месть, ревность, корысть, чувство самолюбия, стыда, жалости, альтруизма); мотивы, вытекающие из настроения; мотивы аффекта, также других интересов и потребностей [2].

Другая группа ученых подразделяет все мотивы на три группы: общественно опасные (антигосударственные мотивы и личные низменные, куда входит корысть, месть, ревность, карьеризм, зависть, трусость, малодушие), общественно нейтральные (личные мотивы) и общественно полезные (ложно воспринятые интересы государства, мотивы защиты от общественно опасных посягательств, научный интерес и другие) [3].

Несмотря на различные основания классификации мотивов, ученые связывают их, как правило, с корыстью, которая является одним из самых сильных побуждений, располагающих людей к совершению преступлений [4], с материальной заинтересованностью, стремлением к обогащению. Применительно к коррупционным преступлениям корыстный мотив проявляется в виде карьеризма и властолюбия, желания завоевывать авторитет среди окружающих, быть всегда на виду.

Большинство авторов, классифицируя мотивы преступлений, выделяют в качестве общественно опасного, низменного мотива корысть. В филологических источниках корысть определяется как страсть к поживе; накопительству, падкость на бабыш². В судебной практике и на законодательном уровне сложилось общепринятое понимание корысти как стремления получить какую-либо материальную, имущественную выгоду.

К сожалению, при изучении действующего Уголовного кодекса РФ 1996 года нами не выявлено четкого формулирования законодателем понятий «корыстный мотив», «корыстная заинтересованность», «корыстная цель», «корыстные побуждения». В процессе конструирования уголовно-правовых предписаний наблюдается полисемия в подходах к установлению корыстности через мотив (побуждения), что не способствует правильному его пониманию. Одной из причин сложившегося положения является неоднозначность уяснения корыстного мотива преступления, смешение его с корыстной целью.

Обращаясь непосредственно к Толковому словарю С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой, видим, что под побуждением понимают желание, намерение действовать; «мотив» значит некую побудительную причину, повод к какому-либо действию; «цель» - это предмет стремления, то, что надо, желательно осуществить; «заинтересованность» используется в значении выгоды, практического интереса [Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений/Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. 4-е изд., доп. М.: Азбуковник, 1999. С. 527, 367, 873, 206.]

Иначе говоря, «мотив» есть «побуждение», их значение идентичное, они зарождаются изначально в сознании личности, но осуществлять подмену данных понятий «целью» и «заинтересованностью» - значит вкладывать совершенное иное значение в определение корысти. Подобного рода логико-филологические ошибки выдают нам одно явление за другое, каким оно вовсе не является, в результате чего нарушается традиционный смысл, заложенный в понятие. Все это влечет к неоднозначности и проблемам в правоприменении, приводит к употреблению ошибочных категорий.

Законодательная регламентация корыстного мотива преступления. Пытаясь устранить многообразие в трактовке и понимании признака «корыстных побуждений», высшая судебная инстанция разъяснила, что корыстные побуждения направлены на получение материальной выгоды для виновного или других лиц (денег, имущества или права на его получение, прав на жилплощадь и т.п.) или избавление от материальных затрат (возврата имущества, долга, оплаты услуг, выполнения имущественных обязательств, уплаты алиментов и др.)¹.

В более позднем разъяснении, касающемся не-

которых признаков субъективной стороны, отмечалось, что корыстная заинтересованность - это стремление должностного лица путем совершения неправомерных действий получить для себя или других лиц выгоду имущественного характера, не связанную с незаконным безвозмездным обращением имущества в свою пользу или пользу других лиц (например, незаконное получение льгот, кредита, освобождение от каких-либо имущественных затрат, возврата имущества, погашение долга, оплаты услуг, уплаты налогов и т.п.)².

Корыстный мотив считается одним из самых сильных побудительных факторов человеческой деятельности. Человеку присущ инстинкт самосохранения, проявляющийся в обеспечении организма материальными благами. Увы, этот инстинкт питает нездоровое и чрезмерное устремление к материальным благам, что и говорит о корыстности. В том объеме, в каком корыстность является необходимым условием существования человека, она терпима для общества и становится неприемлемой для него тогда, когда переступает через границы действительных потребностей и прибегает к таким способам, которые лишают других членов сообщества возможности удовлетворять свои материальные потребности в должной мере. За этим пределом корыстность становится опасным мотивом для общества и низменным по своему существу [5].

В Уголовном кодексе РФ законодатель закрепил в одних случаях корыстный мотив как обязательный признак в диспозиции статьи. Таким образом, он определил, что преступное деяние не может совершаться без признака корысти. В других случаях не выделяет его в качестве криминообразующего признака.

Так, в диспозиции ч.1 ст. 285 УК РФ указывается, что «деяние совершено из корыстной или иной личной заинтересованности и повлекло существенное нарушение прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства», соответственно, в данном примере мотив является обязательным признаком субъективной стороны. Однако в ст. 2851 УК РФ корыстный мотив своего отражения не нашел, а ведь именно в коррупционных преступлениях он играет главенствующую роль и подлежит доказыванию.

Примечательно следующее: диспозиция ст. 170 УК РФ содержит формулировку «деяние совершено

¹Обзор надзорной и кассационной практики Верховного Суда РФ за 2000 г. // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2000. № 9.

²Большой толковый словарь русского языка: современное написание: более 70 000 слов и выражений: с иллюстрациями / В.И. Даль. М.: АСТ: Астрель, 2010. С. 289.; Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений/Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. 4-е изд., доп. М.: Азбуковник, 1999. С. 298.

¹О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ): постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.01.1999 г. № 1// Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 1999. № 3. Справ.-прав. сист. «КонсультантПлюс». Дата обращения: 15.07.2017.

²О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16.10.2009 № 19 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2009. № 12. Справ.-прав. сист. «КонсультантПлюс». Дата обращения: 15.07.2017.

из корыстной или иной личной заинтересованности должностным лицом с использованием своего служебного положения», напротив, ст. 169 главы 22 «Преступления в сфере экономической деятельности» признак корыстности не содержит. По нашему мнению, совершенно точно свою позицию обосновал профессор Л.Л. Кругликов: отсутствие в законе указания на мотив виновного и характер вреда обрекает состав преступления, предусмотренный ч.1 ст.169 УК РФ, на ее неприменение, «ибо совершенно очевидно, что во многих случаях по степени вредоносности такое поведение не выходит за рамки дисциплинарного или административного правонарушения» [6].

Анализ показал, что в Федеральном законе от 25.12.2008 № 273-ФЗ (ред. от 03.04.2017) «О противодействии коррупции» в п.«а» ч.1 ст.1 «Основные понятия, используемые в настоящем Федеральном законе» коррупция - это «злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами»¹.

Как видно, законодатель не указывает на корыстный мотив, но описывает признаки корыстного мотива.

В свою очередь, Перечень № 23 преступлений коррупционной направленности к обязательным признакам относит преступления к группе коррупционных с установлением у субъекта преступления корыстного мотива².

Статья 290 «Получение взятки», согласно указанным выше нормативным правовым актам, относится к коррупционным, однако признак корыстности в ней отсутствует. Аналогичные положения прослеживаются и в конструкциях ст. 291, ст. 204 УК РФ.

Продолжая изучение корыстного мотива, необходимо отметить, что мотив преступления, согласно п. 2 и п. 6 ст. 73 УПК, подлежит доказыванию, а если отсутствует указание на этот признак в самой норме, то он упускается из внимания правоприменителя,

хотя наряду с целью составляет субъективную сторону преступления (факультативный признак), а применительно к коррупционным преступлениям является еще и обязательным признаком.

Преимущественно все коррупционные преступления совершаются умышленно, соответственно, преступник должен иметь определенные мотивы, которые будут его побуждать к достижению им преступной цели.

Примером данного проявления могут служить «материалы уголовного дела в отношении гр. Г. Так, гр-ну Г. органами предварительного расследования было предъявлено обвинение в том, что, являясь должностным лицом, избранным на пост главы муниципального образования одного из районов Ульяновской области, гр. Г. передал в аренду муниципальное имущество в нарушение порядка, установленного Федеральным законом РФ № 135-ФЗ от 26 июля 2006 года «О защите конкуренции» без проведения аукциона (конкурса), и, не выполнив при этом необходимые процедуры (в том числе уведомление общественности), незаконно получил денежные средства из корыстных побуждений. Приговором районного суда Ульяновской области от 17 февраля 2010 года гр. Г. признан виновным в совершении преступления, предусмотренного частью 2 статьи 286 УК РФ, ему назначено наказание в виде штрафа в размере 140 000 рублей с лишением права занимать должности муниципальной и государственной службы в государственных органах и органах местного самоуправления, связанные с осуществлением организационно-распорядительных функций сроком на 2 года. Как следует из приговора суда, гр. Г., располагавший в силу своего должностного положения сведениями о наличии в собственности муниципального образования конкретного муниципального недвижимого имущества и наделенный правом распоряжаться им лишь при наличии особых обстоятельств, указанных в Законе, единолично, в нарушение установленного законом порядка передал ООО «Р» в аренду муниципальное недвижимое имущество – помещение площадью 8 кв.м без проведения предусмотренного законом аукциона (конкурса), получив от представителя ООО «Р» не предусмотренных договором денежные средства в размере 10 000 рублей, которые намеревался в дальнейшем использовать в личных целях. Из приведен-

ного примера видно, что корыстный мотив был выражен в стремлении к незаконному обогащению»¹.

Обсуждение и заключения

Вышеизложенное подтверждает, что законодатель для обозначения мотива корысти прибегает к различным его формулировкам (корыстные побуждения, корыстная заинтересованность и т. д.), это свидетельствует об отсутствии четкой логики при законодательном определении корыстного мотива. Полагаем целесообразным использовать в конструк-

ции статей понятие «корыстный мотив», а «корыстные побуждения» как криминообразующий признак из диспозиций статей исключить. Если все же законодатель предусматривает в преступлениях коррупционной направленности корыстный мотив как обязательный признак, то отсутствие его говорит об отсутствии состава преступного деяния. Подобного рода законодательные просчеты влияют на качество расследования уголовных дел, квалификацию и назначение наказания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Музюкин А.П. Мотив преступления и его уголовно-правовое значение: дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2008. С. 3, 36.
2. Харазисвили Б.В. Вопросы мотива поведения преступника в советском праве. Тбилиси, 1963. С. 58, 62, 63.
3. Дагель П.С. Классификация мотивов и ее криминологическое значение// сб. науч. трудов: Некоторые вопросы социологии права. Иркутск, 1967. С. 272-275.
4. Волков Б.С. Мотив и квалификация преступлений. Изд. Казан. ун-та, 1968. С. 98.
5. Фельдштейн Г.С. Уголовное право и психология. Роль мотива в уголовном праве // Право и Жизнь. М., 1925. Книга 6. С.61-62.
6. Кругликов Л.Л. Проблемы теории уголовного права: избранные статьи, 2000–2009 гг. Ярославль, 2010. С. 527.

REFERENCES

1. Muzyukin A.P. Motiv prestupleniya i ego ugovolno-pravovoe znachenie: dis. ... kand. yurid. nauk. Ryazan', 2008. S. 3, 36.
2. Kharazishvili B.V. Voprosy motiva povedeniya prestupnika v sovetskom prave. Tbilisi, 1963. S. 58, 62, 63.
3. Dage' P.S. Klassifikatsiya motivov i ee kriminologicheskoe znachenie// sb. nauch. trudov: Nekotorye voprosy sotsiologii prava. Irkutsk, 1967. S. 272-275.
4. Volkov B.S. Motiv i kvalifikatsiya prestuplenii. Izd. Kazan. un-ta, 1968. S. 98.
5. Fel'dshtein G.S. Ugolovnoe pravo i psikhologiya. Rol' motiva v ugolovnom prave // Pravo i Zhizn'. M., 1925. Kniga 6. S.61-62.
6. Kruglikov L.L. Problemy teorii ugolovno prava: izbrannye stat'i, 2000–2009 gg. Yaroslavl', 2010. S. 527.

Об авторе: Киршина Елена Анатольевна, адъюнкт кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права Нижегородской академии МВД России
e-mail: kirshina-91@mail.ru
©Киршина Е.А., 2017

About the author: Kirshina Elena Anatol'evna, Post Graduate Student of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russian Federation
e-mail: kirshina-91@mail.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.
The author have read and approved the final manuscript.

¹О противодействии коррупции: Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2008. № 52. Ч.1. Ст. 6228. Дата обращения: 15.07.2017.

²О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности: указание Генпрокуратуры России № 797/11, МВД России № 2 от 13.12.2016. Перечень № 23 преступлений коррупционной направленности. Дата обращения: 15.07.2017.

¹URL: <http://uloblsud.ru/>. Дата обращения: 15.07.2017.



УДК 343.14

А.Л. Карлов

**ДОКАЗАТЕЛЬСТВЕННОЕ ЗНАЧЕНИЕ ХОДАТАЙСТВА
О ЗАКЛЮЧЕНИИ ДОСУДЕБНОГО СОГЛАШЕНИЯ
О СОТРУДНИЧЕСТВЕ В СЛУЧАЕ ОТКАЗА
В ЕГО УДОВЛЕТВОРЕНИИ**

**EVIDENTIARY SIGNIFICANCE OF PETITION
ON PRETRIAL AGREEMENT ON COOPERATION IN THE EVENT
OF REFUSAL OF ITS SATISFACTION**

Введение: в статье рассмотрен вопрос о возможности и формах использования в доказывании ходатайства о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве в ситуации, когда в заключении такого соглашения подозреваемому (обвиняемому) было отказано. Актуальность вопроса подтверждается правовой неопределенностью, наличием противоречивых примеров следственно-судебной практики, а также различными подходами к данному вопросу в научной среде. Цель статьи – определение доказательственного значения ходатайства о заключении досудебного соглашения в случае отказа в его удовлетворении и формулировка предложений правоприменительного характера.

Материалы и методы: при подготовке статьи были изучены общие положения теории доказывания, научные исследования по смежным вопросам, эмпирический материал (решения судов общей юрисдикции, материалы уголовных дел, находящихся в производстве следователей органов внутренних дел).

Результаты: автор пришел к выводу, что в силу правовой природы и назначения ходатайства в уголовном процессе его содержание не должно иметь доказательственного значения. Вместе с тем в целях проверки обоснованности ходатайства и наличия условий для заключения досудебного соглашения следователь может допросить подозреваемого (обвиняемого) по заявленному ходатайству, что в свою очередь дает возможность использования полученных показаний в доказывании, в том числе в случаях отказа в заключении соглашения.

Обсуждение и заключение: автор утверждает, что ходатайство представляет интерес для дальнейшего использования в доказывании, даже если оно не будет удовлетворено.

Ключевые слова: досудебное соглашение, ходатайство, доказательства и доказывание, смягчающие обстоятельства.

Для цитирования: Карлов А.Л. Доказательственное значение ходатайства о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве в случае отказа в его удовлетворении // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2017. Т. 7, № 3. С. 110 - 114.

Introduction: the paper considers the issue on possibility and forms of using petition on pretrial agreement on cooperation in proof in situations when the suspect (accused) was denied such agreement. Juridical uncertainty, examples of controversial character from court practice and different approaches among the specialists concerning the issue of the article gives ground to the issue actuality. The purpose of the paper is to determine probative significance of petition on pretrial agreement when the suspect (accused) was denied such agreement and formulating the proposals of law enforcement character.

Materials and Methods: general propositions of proof theory, scientific researches form related sciences and empirical data (sentences of courts of general jurisdiction and criminal cases materials) were taken into consideration for preparing the paper.

Results: the author draws the conclusion that due to legal nature and the function of petition in criminal procedures the content of petition should not have demonstrative meaning. But for checking validity of petition and conditions for pretrial agreement conclusion, an investigator may interrogate the suspect (accused) as a party of the agreement. It gives the possibility to use the evidence for proof when the suspect (accused) was denied such pretrial agreement.

Discussion and Conclusions: the author argues that the petition is of interest for further use in the proof, even if it is not satisfied.

Key words: pretrial agreement on cooperation, petition, evidence and proof, mitigating circumstances.

For citation: Karlov A.L. Evidentiary Significance of Petition on Pretrial Agreement on Cooperation in the Event of Refusal of its Satisfaction//Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. 2017. V.7, № 3. P.110-114.

Введение

Институт досудебного соглашения о сотрудничестве становится все более популярным среди правоприменителей. Так, за 2013 год в суды поступило 3261 уголовное дело, по которым были заключены досудебные соглашения, в 2014–4241 дело, а в 2015 их число составило уже 4543¹, причем активная практика применения досудебных соглашений выявляет все новые проблемные аспекты реализации данного процессуального института. При осуществлении анализа материалов судебной практики нами была выявлена одна из таких проблем, и связана она с законностью использования в доказывании ходатайства лица, желающего заключить досудебное соглашение в случае отказа в удовлетворении такого ходатайства.

Заключение досудебного соглашения о сотрудничестве представляет собой достаточно сложную процедуру, состоящую из целого ряда процессуальных действий и решений, при этом поводом к рассмотрению вопроса о заключении досудебного соглашения является подписанное подозреваемым (обвиняемым), а также защитником ходатайство на имя прокурора, поступившее следователю.

Содержание данного ходатайства имеет принципиальное значение, так как оно напрямую связано с решением вопроса о возможности заключения досудебного соглашения. Законодатель в ч. 2 ст. 317.1 УПК РФ прямо указывает, что в своем ходатайстве подозреваемый или обвиняемый должен указать, какие действия он обязуется совершить в целях содействия следствию в раскрытии и расследовании преступления, изобличении и уголовном преследовании других соучастников преступления, розыске имущества, добытого в результате преступления.

Следует обратить внимание, что «указание на действия» может быть выражено в ходатайстве разными способами и с разной степенью конкретизации. Так, встречаются случаи, когда сторона защиты, заявляя ходатайство, ограничивается намерением содействовать расследованию уголовного дела, принять участие во всех следственных действиях, изобличить соучастников, не указывая каких-либо новых сведений и конкретных действий, которые, по их мнению, могут способствовать расследованию (неинформативное ходатайство). В таких ситуациях следователи и прокуроры принимают решения об отказе в заключении досудебного соглашения², что, на наш взгляд, является абсолютно правильным, поскольку содержа-

ние неинформативного ходатайства не позволяет оценить наличие либо отсутствие фактического основания для заключения досудебного соглашения о сотрудничестве. Здесь необходимо уточнить, что под таким основанием мы понимаем наличие достаточных данных, указывающих на объективную необходимость привлечения подозреваемого (обвиняемого) к процессуальному сотрудничеству (при этом подразумевается отсутствие в распоряжении следствия на момент заключения соглашения необходимых сведений и доказательств). Мнение о необходимости приведения в ходатайстве о заключении досудебного соглашения конкретных, проверяемых данных, подтверждающих способность оказать содействие следствию (свою осведомленность), поддерживается и такими авторами, как А.С. Александров и В.В. Колесник [1].

В то же время многие ходатайства о заключении досудебного соглашения содержат конкретные фамилии, адреса и другие данные соучастников, намерения признать вину, сообщить о распределении ролей в преступной группе, указать места хранения похищенного и т.д. (информативные ходатайства), что в свою очередь позволяет такое ходатайство разрешить, но одновременно напрямую подтверждает его осведомленность и косвенно указывает на причастность к совершенным преступлениям. В таком случае ходатайство по содержанию отвечает всем требованиям, однако не исключает вероятность отказа в заключении досудебного соглашения и последующего использования следователем предоставленных стороной защиты сведений в доказывании по уголовному делу.

Не вдаваясь в тактические вопросы, связанные с формулировкой стороной защиты текста ходатайства о заключении досудебного соглашения, предлагаем более подробно остановиться именно на вопросе о его доказательственном значении, так как именно с этим вопросом сталкиваются следователи в практической деятельности.

Стоит отметить, что отдельные аспекты проблемы освещены в работах В.Г. Абшилавы, В.А. Азарова, А.Н. Ахпанова, А.О. Балгынтаева, Ю.В. Деришева, А.А. Суворовой, однако предметно поставленный вопрос в научной литературе практически не исследовался [2,3,4].

По общему правилу все рассмотренные и разрешенные ходатайства приобщаются к материалам уголовного дела. Более того, пункт 1.10 приказа Генерального прокурора РФ от 15 мар-

¹Статистические данные Судебного департамента при Верховном Суде РФ 10.04.2017 // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: <http://www.cdep.ru> (дата обращения: 15.06.2017).

²Уголовные дела №№ 22021402, 22047286, архив МУ МВД России «Красноярское».

та 2010 г. № 107 прямо указывает, что досудебное соглашение о сотрудничестве и другие документы, указанные в ч. 2 ст. 317.4 УПК РФ, необходимо направлять следователю для приобщения к материалам уголовного дела, а их копии хранить в условиях, обеспечивающих тайну содержащихся в них сведений. Данное правило распространяется в том числе на случаи отказа в удовлетворении ходатайства, таким образом, документы, связанные с разрешением ходатайства, в любом случае становятся частью уголовного дела.

Далее необходимо отметить, что с позиций теории доказывания само по себе ходатайство о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве можно рассматривать в двух аспектах: как источник сведений (то есть носитель информации, который может использоваться в качестве фактического основания для производства следственных действий или оперативно-розыскных мероприятий) и как источник доказательства (как самостоятельный вид доказательства, предусмотренный п. 6 ч. 2 ст. 74 УПК РФ).

Представляется, что использованию информации из ходатайства в качестве источника сведений нет никаких препятствий, так как в таком случае доказательственное значение будут иметь результаты проведенных на ее основе следственных и процессуальных действий. Более того, полагаем, что предусмотренные законодателем трое суток на рассмотрение такого ходатайства (ч. 3 ст. 317.1 УПК РФ) как раз и могут быть использованы для предварительной проверки сообщаемых подозреваемым (обвиняемым) сведений для принятия соответствующего решения. Также нет препятствий к последующей проверке сведений, указанных в ходатайстве, и в случае отказа в его удовлетворении.

Однако в практике нередки случаи, когда следователи в обвинительных заключениях и судьи в приговорах ссылаются на рассматриваемые ходатайства в обоснование причастности и вины подозреваемых (обвиняемых). В подтверждение сказанного приведем пример из судебной практики: при расследовании уголовного дела следователем Главного следственного управления ГУ МВД России по г. Москве подозреваемая Ж. обратилась с ходатайством о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, в котором сообщила обо

всей схеме преступных действий (мошенничество), прямо указала на соучастников, а также на их вымышленные имена, используемые для общения по телефонам. После отказа в удовлетворении ходатайства она не дала показания, воспользовавшись правом, предусмотренным ст. 51 Конституции РФ, однако в обвинительном заключении следователь сослался и на указанное ходатайство, с кратким изложением его содержания¹. Схожий подход применил Верховный Суд Российской Федерации, который в своем определении по делу № 5-АПУ 15-77 от 15 октября 2015 года учел, что подсудимый подал заявление о заключении досудебного соглашения и в случае заключения такого соглашения и обеспечения безопасности ему и его семье он был готов дать признательные показания и сообщить о происхождении оружия. Пояснил, кто является организатором убийства, и заявил, что согласен с квалификацией своих действий, но не согласен с изложением ряда фактических обстоятельств. В решении также указано, что в последующем в заключении досудебного соглашения ему было отказано.

Соответственно, в таких случаях ходатайства о заключении досудебного соглашения используются как источник доказательств, что делает необходимым определить вид такого доказательства. В первую очередь нужно отметить, что п. 6 ч. 2 ст. 74 УПК РФ допускает использование в доказывании иных документов, под которыми согласно ч. 2 ст. 84 УПК РФ следует понимать сведения, зафиксированные как в письменном, так и ином виде. Формальным критериям рассматриваемое ходатайство отвечает, более того, по своему характеру и содержанию оно схоже с явкой с повинной, отнесение которой к «иным документам» неоднократно поддерживалось в решениях Конституционного Суда РФ² и Верховного Суда РФ³. В ходе исследования были найдены примеры, когда ходатайство о заключении соглашения с указанием на факты преступной деятельности признавалось поводом для возбуждения уголовного дела и регистрировалось в КУСП⁴. В рамках приведенного подхода можно было бы предложить к порядку заявления ходатайства о заключении досудебного соглашения применять по аналогии положения п. 2 ч. 4 ст. 46 УПК РФ и предупреждать подозреваемого о воз-

можности использования ходатайства в качестве доказательства даже в случае отказа в его удовлетворении, однако и это, на наш взгляд, не позволяет окончательно разрешить обозначенную проблему.

В контексте вопроса о доказательственном значении ходатайств о заключении досудебного соглашения представляется не бесспорной достаточно распространенная судебная практика, учитывающая факт заявления ходатайства о заключении досудебного соглашения в качестве смягчающего обстоятельства (в случаях когда в заключении самого соглашения было отказано). Так, Головинский районный суд г. Москвы прямо указывает: «Как смягчающие наказание обстоятельства суд расценивает раскаяние в содеянном, намерение заключить досудебное соглашение о сотрудничестве, оказать помощь правоохранительным органам в изобличении лиц, причастных к незаконному обороту наркотических средств, и считает, что достижение целей наказания А.Э. Филиппова - его исправление, предупреждение совершения им новых преступлений возможно без реального отбывания наказания в виде лишения свободы, применив ст. 73 УК РФ»². Имеются и другие схожие примеры³, однако, на наш взгляд, сам по себе факт заявления ходатайства, нельзя отнести к смягчающим обстоятельствам, так как непосредственного содействия подозреваемый может и не оказать, более того, подобная практика может повлечь заявление ходатайств о заключении досудебных соглашений по всем делам с единственной целью – получить смягчающее обстоятельство и снизить назначенное наказание. Верховный Суд РФ в одном из своих решений также указывает на отсутствие оснований для признания намерения заключить досудебное соглашение смягчающим обстоятельством⁴.

Несмотря на указанные доводы и приведенные примеры, однозначно отнести ходатайство о заключении досудебного соглашения к доказательствам, на наш взгляд, все же нельзя. Подобная практика, хотя в целом и не противоречит действующим нормативным предписаниям, однако не соотносится с «духом закона», не соответствует целям и сущности института досудебного соглашения о сотрудничестве. В этой части полностью поддерживаем

мнение авторов, исследовавших законотворческий опыт Республики Казахстан: «При несостоятельности сделки о признании вины доказательства о причастности к преступлению и виновности подвергнутого уголовному преследованию лица должны быть признаны органом, ведущим процесс, недопустимыми и не могут использоваться в установлении любого обстоятельства предмета доказывания. В данной ситуации действует одно из правил принципа презумпции невиновности, освобождающее лицо от самоизобличения. Кроме того, в данном случае лицо свидетельствовало против самого себя на определенных условиях, которые впоследствии отпали. При отказе от процессуального соглашения о сотрудничестве представляется неоднозначной возможность прибегать к подобному рода информации с целью раскрытия преступлений». Стоит отметить, что данными авторами также не исключается возможность использования в доказывании сведений из ходатайства в качестве ориентирующей информации для поиска других источников доказательств (в качестве источника сведений). Схожего мнения придерживается В.Г. Абшилава, предлагая ввести запрет на использование в суде стороной обвинения документов, составленных обвиняемым, его защитником при заключении и реализации соглашения о сотрудничестве в качестве обвинительных доказательств, если соглашение утратило юридическую силу [1].

В качестве совсем кардинального решения предлагается исключение из уголовного дела материалов, связанных с досудебным соглашением в случае отказа в его удовлетворении [2], однако такой подход, на наш взгляд, нельзя признать приемлемым, поскольку, во-первых, это противоречит общим требованиям документооборота и положениям ч. 1 ст. 120 УПК РФ (об обязательном приобщении ходатайств к материалам уголовного дела), во-вторых, отсутствие в материалах дела заявления ходатайства может препятствовать дальнейшему обжалованию принятых по делу решений.

Вместе с тем, как указано выше, для следователя содержание ходатайства и сам факт его заявления может иметь существенное значение, поэтому полагаем целесообразным при поступлении

¹Уголовное дело №28428, архив ГСУ ГУ МВД России по г. Москве.

²Определение Конституционного Суда РФ от 20.10.2005 № 391-О «Об отказе в принятии к рассмотрению ходатайства гражданина Подгузова Василия Романовича о разъяснении определения Конституционного Суда Российской Федерации от 14 октября 2004 года № 326-О» // Справ.-прав. сист. «Консультант плюс» (дата обращения: 15.06.2017).

³Кассационное определение Верховного Суда РФ от 5 мая 2009 года по делу № 66-о09-50 // Справ.-прав. сист. «Консультант плюс» (дата обращения: 15.06.2017).

¹Постановление Абазинского суда р. Хакасия от 30 августа 2011 г. URL: <https://rospravosudie.com/court-abazinskij-gajonnyj-sud-respublika-xakasiya-s/act-103017072> (дата обращения: 15.06.2017).

²Приговор Головинского районного суда г. Москвы от 03.09.2010. URL: <https://rospravosudie.com/court-golovinskij-gajonnyj-sud-gorod-moskva-s/act-101448312> (дата обращения: 15.06.2017).

³Определение Верховного Суда РФ по делу №5-АПУ 15-77 от 15 октября 2015 года; апелляционное определение Верховного Суда РФ по делу № 8-АПУ14-6 от 12 ноября 2014 г. // Справочно-правовая система «Консультант плюс» (дата обращения: 15.06.2017).

⁴Кассационное определение Верховного Суда РФ от 26.06.2012. по делу № 58-012-28СП // Справочно-правовая система «Консультант плюс» (дата обращения: 15.06.2017).

от подозреваемого (обвиняемого) ходатайства о заключении досудебного соглашения инициировать проведение допроса такого лица с целью дополнительного подтверждения его намерений и процессуальной фиксации полученных сведений. Сам по себе допрос в таком случае не подменяет исполнение обязательств досудебного соглашения, он не предусматривает сообщение сведений в большем объеме, чем указано в ходатайстве о заключении досудебного соглашения, при этом, с одной стороны, этим подозреваемый (обвиняемый) подтверждает серьезность своих намерений, а с другой стороны, у следователя появляется полноценное доказательство в виде показаний подозреваемого (обвиняемого).

Подводя итог, можно констатировать, что со-

держание и характер ходатайства о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве представляют значительный интерес для дальнейшего использования в доказывании, в том числе в случае отказа в его удовлетворении. В то же время форма, способ и последствия предоставления таких сведений не позволяют использовать заявленное ходатайство в качестве самостоятельного доказательства, однако следователь посредством допроса подозреваемого (обвиняемого) имеет возможность закрепить полученную информацию и использовать ее в доказывании по уголовному делу.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Александров А.С., Колесник В.В. Порядок заключения досудебного соглашения о сотрудничестве: правовые позиции высших судов России // Российский следователь. 2013. № 19. С. 16–22.
2. Деришев Ю.В., Суворова А.А. Реализация принципа презумпции невиновности при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве // Научный вестник Омской академии МВД России. 2014. № 4 (55).
3. Абшилава В.Г. Правовые основания для заключения соглашения о сотрудничестве между сторонами и проведения процедуры, предусмотренной главой 40.1 УПК РФ // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2015. №4 (34).
4. Ахпанов А.Н., Азаров В.А., Балгынтаев А.О. Процессуальные соглашения в уголовном судопроизводстве: законотворческий опыт республики Казахстан // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2015. Т. 9, № 2.

REFERENCES

1. Aleksandrov A.S., Kolesnik V.V. Poryadok zaklyucheniya dosudebnogo soglasheniya o sotrudnichestve: pravovye pozicii vysshih sudov Rossii // Rossijskij sledovatel'. 2013. № 19. S. 16–22.
2. Ahpanov A.N., Azarov V.A., Balgyntaev A.O. Processual'nye soglasheniya v ugovnom sudoproizvodstve: zakonotvorcheskij opyt Respubliki Kazahstan // Kriminologicheskij zhurnal Bajkal'skogo gosudarstvennogo universiteta ehkonomiki i prava. 2015. T. 9, № 2.
3. Abshilava V.G. Pravovye osnovaniya dlya zaklyucheniya soglasheniya o sotrudnichestve mezhdu storonami i provedeniya procedury, predusmotrennoj glavoy 40.1 UPK RF // YUridicheskaya nauka i pravoohranitel'naya praktika. 2015. №4 (34).
4. Derishev YU.V., Suvorova A.A. Realizaciya principa prezumpcii nevinovnosti pri zaklyuchenii dosudebnogo soglasheniya o sotrudnichestve // Nauchnyj vestnik Omskoj akademii MVD Rossii. 2014. № 4 (55).

Об авторе: Карлов Андрей Леонидович, старший преподаватель кафедры уголовного процесса Сибирского юридического института МВД России.

e-mail: dys_karlov@mail.ru

©Карлов А.Л., 2017

About the author: Karlov Andrei L., Senior Lecturer of the Department of Criminal Procedure of Siberian Law Institute of MIA of Russia.

e-mail: dys_karlov@mail.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The author have read and approved the final manuscript.

О.В. Трубкина

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ТАКТИКИ ОСМОТРА МЕСТА ПРОИСШЕСТВИЯ ПРИ ВЫЯВЛЕНИИ ИНСЦЕНИРОВКИ ИЗНАСИЛОВАНИЯ

SOME FEATURES OF THE TACTICS OF OBSERVATION OF CRIME SCENE AT THE IDENTIFICATION OF THE RAPE STAGING



Введение: изнасилования и покушения на изнасилование всегда являются резонансными, занимают значительное место в структуре преступности и сопровождаются насилием и жестокостью. Наряду с этим они являются преступлениями, наиболее часто инсценируемыми «потерпевшими» в силу различных обстоятельств. В статье анализируются понятие и содержание инсценировки совершения изнасилования, описывается роль осмотра места происшествия в раскрытии и расследовании подобных деяний.

Материалы и методы: в ходе исследования применялись следующие методы: логико-юридический, сравнительно-правовой, статистической обработки данных, обобщение судебной и следственной практики, анкетирование.

Результаты исследования: проведенное исследование позволило выявить, что в следственной и судебной практике случаи инсценировки изнасилований выявляются довольно часто, не исключено вынесение приговоров невиновным лицам. Одним из факторов этого является отсутствие методических разработок по выявлению инсценировок изнасилования, в том числе посредством осмотра места происшествия. Определены основные особенности места происшествия при совершении инсценировки изнасилования: активное желание «потерпевшей» помочь следствию, чрезмерное количество следовой информации, характерной для изнасилования, несоответствие элементов обстановки друг другу и показаниям «потерпевшей». Предлагается использовать эксцентрический способ осмотра места происшествия при подозрении на инсценировку изнасилования.

Обсуждение и заключения: даются рекомендации по тактическим особенностям производства осмотра места происшествия при расследовании изнасилования в случае его инсценировки.

Ключевые слова: криминалистика, инсценировка, преступник, «потерпевшая», подготовка, сокрытие, осмотр места происшествия, негативные обстоятельства, расследование.

Для цитирования: Трубкина О.В. Некоторые особенности тактики осмотра места происшествия при выявлении инсценировки изнасилования // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2017. Т. 7, № 3. С. 115 - 120.

Introduction: Rape and attempted rape are always resonant. They occupy a significant place in the structure of crime, and are typically accompanied by violence and cruelty, but are also one of the crimes most often staged by victims due to various circumstances.

Materials and Methods: Legal-logic method, rather legal analysis, statistical methods of observation and data processing, investigative and case law analyses and questioning are used in this research work. Rather legal analyses made it possible to reveal cases of staging rape at all stages of criminal proceedings according to investigative and case law analyses but it is also possible that convictions are not given to innocent people.

Results: One of the factors contributing to this circumstance is the lack of methodological developments to identify this type of staging, including through the observation of the crime scene as well. The quality production and the skillful investigation of the detected traces of crime pointed to by the «victim» are considered to be one of her main ways. The article deals with the relevance of the topic, analyzes the concept and content of the rape staging, the role of the crime scene observation in any incident and some particular features of surveying the area, identification of the rape staging by means of its manufacture. This article is based on the analysis of literary sources, the practice of the activity of the internal affairs bodies: the study of criminal cases and preliminary examination materials, the questioning of the investigative and operational divisions of the Irkutsk region.

Discussion and Conclusion: Some recommendations are given on the tactical special features of the crime scene observation in the case of identifying the staged rape.

Key words: criminalistics, staging, criminal, victim, preparation, concealment, observation of the crime scene,

negative circumstances, investigation.

For citation: Trubkina O.V. Some Features of the Tactics of Observation of Crime Scene at the Identification of the Rape Staging // Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. 2017. V. 7, № 3. P. 115 - 120.

Введение

Несмотря на то, что число выявленных преступлений, совершенных против личности в последнее время, остается стабильно высоким, в 2016 году в 74 субъектах Российской Федерации наблюдалось снижение регистрируемых преступлений. Так, в указанный период зарегистрировано 2 160 тысяч преступлений, что на 10 % меньше, чем в прошлом году, удельный вес зарегистрированных случаев убийств, умышленного причинения тяжкого вреда здоровью и изнасилований составил 1,9 %.

Кроме того, статистические данные свидетельствуют о достаточно стабильном снижении количества зарегистрированных на территории Российской Федерации изнасилований и покушений на изнасилование.

Так, в 2016 году зарегистрировано 3893 изнасилования и покушений на изнасилование, что составляет - 1,1 % от аналогичных преступлений в АППГ¹; в 2015 году зарегистрировано 3936 (- 6,4 % от данных АППГ); в 2014 году – 4163 (- 2,8 % от данных АППГ); в 2013 году – 4246 (- 5,3 % от данных АППГ); в 2012 году – 4486 (- 6,6 % от данных АППГ).

Яркой иллюстрацией сказанного являются статистические данные 2007 года, согласно которым зарегистрировано 7038 изнасилований и покушений на изнасилование, что составляет - 20,7 % от зарегистрированных в 2006 году. Таким образом, за десятилетний период было выявлено снижение регистрируемых изнасилований и покушений на изнасилование на 55,3 %, а за 11 лет на 76 %¹.

Несмотря на отмеченную тенденцию к снижению подобных преступлений, необходимо отметить, с одной стороны, их высокую латентность, с другой стороны, наличие случаев инсценировки изнасилований.

В результате разрушения нравственных принципов и идеалов, духовного равновесия и моральных устоев может происходить деформация половой морали, оправдывающая совершение изнасилования – удовлетворение половых потребностей противоправным способом. Пренебрежение законом и морально-этическими ценностями позволяет некоторым гражданам делать ложное заявление о совершенном преступлении. Особую актуальность данное обстоятельство приобретает в связи с недостаточной раскрываемостью инсценировок изнасилования и отсутствием методических материалов, способствующих эффективному выявлению подобных преступлений.

Обзор литературы

Многие аспекты инсценировок ранее уже исследовались различными авторами [1 – 4], однако в силу изменений, происходящих в современной криминальной деятельности, разработка рекомендаций по обнаружению инсценировок представляется актуальной.

Существует несколько разновидностей инсценировок, получивших широкое распространение в преступной деятельности, направленной на противодействие расследованию. Самая распространенная из них представляется как элемент способа совершения преступления, когда, например, «лица, стремясь получить страховую выплату, используют единственную возможность осуществления задуманного преступления – наступление страхового события, которое искусственно создают, то есть инсценируют» [5, С. 66]. В таких случаях преступник стремится к тому, чтобы мошенничество не было выявлено.

Причем инсценировка может осуществляться как на этапах совершения и сокрытия преступления, так и при производстве подготовительных к совершению преступления мероприятий. Как писал Р.С. Белкин, «инсценировка – это один из способов сокрытия преступлений, представляющего собой действия по созданию обстановки, не соответствующей фактически происшедшему на этом месте событию, что может дополняться согласуемыми с этой обстановкой поведением и ложными сообщениями как исполнителей инсценировки, так и связанных с ними лиц» [6, С. 241].

Однако мы согласны с А.А. Протасевичем и А.Ю. Коршуновым в том, что «инсценировка давно вышла за пределы только одного способа совершения преступлений и при сокрытии преступлений, в теории уже апробировались новейшие подходы на ее роль при подготовке преступлений, отвечающие действующей практике в расследовании и раскрытии преступлений» [7, С. 69 – 70].

Другой вид инсценировки представлен действиями, направленными на создание ложного представления о преступлении, не совершавшемся в действительности, когда преступник стремится убедить сотрудников правоохранительных органов в его реальности, инсценируя наступление последствий, типичных для вида преступления, о совершении которого подается ложное заявление.

По мнению В.И. Фадеева и С.М. Клевцова, инсценировкой совершения преступления является

искусственно создаваемая, предумышленная следовая картина (материализованная ложь), имитирующая отображение преступного события, которого в действительности не было, и адресованная сотрудникам правоохранительных органов с целью вызвать у них ошибочную констатацию факта совершения конкретного преступления, побудить к целенаправленной деятельности по его раскрытию и расследованию, принятию решения, которое желательно лицу, осуществившему инсценировку [8, С. 145].

Ранее мы уже отмечали, что «инсценировка может осуществляться в несколько этапов и несколькими соучастниками, один из которых, например, активно создает обстановку наступления страхового события, второй делает заявление о наступлении страхового события, третий дает ложные показания» [9, С. 57].

Степень качества подготовки и достоверности инсценировки зависят как от объективных условий, таких как время, которым располагал преступник при ее осуществлении, условия окружающей среды, наличие необходимых материалов, так и от субъективных факторов, т.е. тщательности подготовки и реализации, умственных и психологических качеств преступника, а также правильности его представления о следах, действительно типичных для инсценируемого преступления.

В.Н. Карагодин писал: «Субъект противодействия прогнозирует направление и содержание деятельности воображаемого следователя и стремится направить его усилия так, чтобы было принято желаемое этим лицом решение» [10, С. 242].

Материалы и методы

Применяя логико-юридический и статистический методы, анкетирование, обобщая судебную и следственную практику, а также проводя сравнительно-правовой анализ, мы пришли к выводу, что в следственной и судебной практике случаи инсценировки изнасилований выявляются на всех стадиях уголовного судопроизводства, в то же время не являются исключением случаи вынесения приговоров невиновным лицам. Так, согласно проведенному нами опросу сотрудников следственных и оперативных подразделений Иркутской области, изнасилование является одним из преступлений, наиболее часто инсценируемым потерпевшими в силу различных обстоятельств, чаще всего желания отомстить мужчине. Причем установлено, что особую сложность представляет выявление ложных заявлений в случае совершения добровольного полового акта и последующего самопричинения женщиной телесных повреждений.

Обобщение судебной практики дало возможность определить, что, как правило, следователи,

обладающие значительным профессиональным опытом, не испытывают трудностей при выявлении инсценировок изнасилования еще на стадии предварительной проверки сообщения о преступлении, оценивая в совокупности характер показаний потерпевшей, ее физическое и психическое состояние, результаты осмотра места происшествия. Однако существуют определенные проблемы, с которыми сталкиваются следователи, особенно начинающие, при анализе обстановки в ходе осмотра места происшествия, и это связано с тем, что отсутствуют методические рекомендации по выявлению инсценировок изнасилования, что является немаловажным фактором, обуславливающим вынесение приговора невиновным лицам.

Проведенное нами исследование материалов уголовных дел и предварительной проверки свидетельствует о том, что 63 % случаев инсценировки изнасилования выявляются в результате производства осмотра места происшествия, т.е. помещения или участка местности, где, по словам «потерпевшей», ее изнасиловали.

Метод анализа документов позволил нам осуществить обзор содержания и результативности проведенных осмотров места происшествия при поступлении заявления об изнасиловании.

Сформулированы предложения и даны рекомендации по эффективному производству осмотра места происшествия, исследованию обстановки и следов.

Результаты исследования

Деятельность преступника, направленная на создание инсценировки, может быть как обширной, в случае совершения истинного преступления, а затем и инсценируемого деяния и соответствующего ему наслоению оставляемых следов, так и носить усеченный характер, например, при инсценировке изнасилования, не сопровождающейся применением в отношении «потерпевшей» мер физического воздействия.

Однако в основном «потерпевшие» при изнасиловании стремятся создать большой объем необходимых, по их мнению, следов, отражающих действия насильника и характеризующих преступную направленность. Инсценировку места происшествия возможно распознать по ошибкам, допускаемым лицом при фальсификации следовой обстановки на месте происшествия, а также по характеру поведения потерпевшего как до, так и после реализации им сценария инсценировки [14, С. 77].

В случае инсценировки изнасилования типичная следовая картина характеризуется наличием следов совершения полового акта, повреждений на теле «потерпевшей», симулированием психологической травмы, болезненного состояния, а также

¹Статистика и аналитика // Официальный сайт МВД. URL: <https://mvd.ru> (дата обращения: 14.06.2017).

нарушением обстановки, сопровождающимся наличием следов крови и спермы.

Так, Л., с целью инсценировки необходимой обороны от действий С., который якобы пытался ее изнасиловать, разорвала свой халат и причинила себе телесные повреждения¹.

Качественно проведенный осмотр места происшествия и умелое исследование обнаруженных следов позволяют выявить негативные обстоятельства и выдвинуть версию об инсценировке изнасилования, основанием для которой в рассматриваемом случае является несоответствие элементов обстановки места происшествия друг другу, показаниям потерпевшей и имеющимся у нее телесным повреждениям. В случае наличия оснований предполагать инсценировку изнасилования при производстве осмотра места происшествия следователю необходимо мобилизовать все свои способности и умения и применять их с учетом психологии расследования аналогичных преступлений. При этом необходимо принимать во внимание обстоятельство, о котором говорит И.Х. Максutow, указывая на неповторимость осмотра места происшествия: «В случае некачественного или несвоевременно проведенного осмотра восполнить упущенное почти никогда не удастся, как бы тщательно впоследствии не производился вторичный осмотр» [11, С. 9].

Отличительной особенностью производства осмотра места происшествия в рассматриваемых обстоятельствах является желательное участие в нем «потерпевшей», которая при наличии установленного правильного коммуникативного контакта со следователем может оказать помощь в выявлении следов преступления.

Как правило, такие «потерпевшие» оказывают следователю живое содействие, указывая на непосредственное место совершения преступления и подробно описывая действия преступника. В рассматриваемых ситуациях следователь, учитывая предполагаемую личную заинтересованность «потерпевшей» в сотрудничестве и выгодной для нее интерпретации следовой информации, должен проявлять особое внимание к ее словам и действиям, объективно оценивать и правильно понимать результаты осмотра места происшествия, самому быть активным участником взаимодействия. Ю.М. Антонян отмечает, что «познавательная деятельность следователя при осмотре места происшествия осуществляется ... во взаимосвязи его наблюдательной деятельности, наглядно-образного и

гипотетического мышления... следователь должен воспринять целостность обстановки места происшествия ... выделить наиболее значимые группы объектов, определить объекты, требующие максимального сосредоточения внимания» [12, С. 295].

Для того чтобы определиться с объектом поиска, следователю необходимо уметь опираться на свое видение события. Такая модель поиска базируется на знании типичного механизма преступлений, опыте расследования аналогичных уголовных дел и объеме информации, полученной следователем при личном восприятии места происшествия [13, С. 96].

В данном случае наиболее целесообразным является производство осмотра места происшествия эксцентрическим способом – от места, где, по словам потерпевшей, непосредственно произошло изнасилование. Такой способ тактически оправдан и обеспечивает более эффективный и последовательный поиск следов. Как правило, подобным местом являются кровать либо диван, расположенные в помещении, либо непосредственное место на земле при инсценировке изнасилования на участке открытой местности.

При производстве осмотра места происшествия следователь, руководствуясь пояснениями «потерпевшей», установив место непосредственного совершения полового акта, определяет, с какими предметами взаимодействовал преступник, к каким прикасался, какие предметы и следы могли появиться в результате изнасилования, какое нарушение обстановки имеется при осмотре и насколько данные следы и обстоятельства соответствуют показаниям женщины и содержанию описываемых ею действий преступника.

Обсуждение и заключения

Обстоятельствами, свидетельствующими о попытке инсценировки изнасилования, могут выступать: излишний беспорядок и разбросанность предметов в помещении либо неоправданные повреждения объектов на открытой местности; отсутствие следов, которые должны были присутствовать при совершении преступником действий способом, описываемым потерпевшей; несоответствие вида следов крови механизму инсценированного преступления.

Внимательное и последовательное проведение осмотра места происшествия в рассматриваемой ситуации является залогом выявления инсценировки. Однако, как справедливо отмечают А.В. Варданян и О.В. Мельникова, «описывая обста-

новку места происшествия, следователи порой допускают определенные процессуальные и тактические нарушения. Это проявляется в неточном, а в ряде случаев поверхностном описании местонахождения объектов, их взаиморасположения, а также ряда значимых признаков. Порой нарушается последовательность осмотра объектов, обусловленная выбором того или иного тактического приема» [15, С. 18 – 19].

Таким образом, планомерное и тщательное исследование заявленного «потерпевшей» места совершения преступления, проводимое в рамках осмотра места происшествия, является основным способом выявления инсценировки изнасилования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Баранов Е.В. Криминалистическая сущность инсценировок и методы их разоблачения при расследовании преступлений : автореф. дис... канд. юрид. наук : 12.00.09. М., 1977. 22 с.
2. Бурданова В.С. Расследование уголовных дел об убийствах, замаскированных инсценировкой самоубийства, и дел о доведении до самоубийства : автореф. дис... канд. юрид. наук : 12.00.09. Л., 1966. 15 с.
3. Мудьюгин Г.Н. Расследование убийств, замаскированных инсценировками. М., 1973. 157 с.
4. Фадеев В.И. Расследование криминальных инсценировок: монография. М.: Норма, 2009. 160 с.
5. Небратенко Г.Г., Трубкина О.В. Инсценировка наступления страхового события как основной способ совершения мошенничества в отношении материальных интересов страховых компаний // Юристы-Правовед. 2014. № 5 (66). С. 66 – 69.
6. Белкин Р.С. Курс советской криминалистики: В 3 т. Т. 3: Криминалистические средства, приемы и рекомендации. М., 1979. 407 с.
7. Протасевич А.А., Коршунов А.Ю. Актуальные вопросы преступной инсценировки // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. Иркутск: Изд-во БГУ, 2016. № 4 (12). С. 68 – 74.
8. Фадеев В.И., Клевцов С.М. Инсценировка преступного события как разновидность криминальной инсценировки // Актуальные вопросы в научной работе и образовательной деятельности: сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции, Тамбов, 2015. С. 145 – 146.
9. Небратенко Г.Г., Трубкина О.В. Подготовка к инсценировке наступления страхового события как основному способу совершения мошенничества в отношении материальных интересов страховых компаний // Юристы-Правовед. 2014. № 4 (65). С. 57 – 60.
10. Карагодин В.Н. Криминалистическое учение о преодолении противодействия расследованию // Библиотека криминалиста. 2013. № 4 (9). С. 241 – 252.
11. Максutow И.Х. Осмотр места происшествия: пособие / Л.: ЛГУ, 1965. 40 с.
12. Антонян Ю.М., Еникеев М.И., Эминов В.Е. Психология преступника и расследования преступлений. М.: Юрист, 1996. 336 с.
13. Шустиков Е.Н. Осмотр места происшествия как неотложное следственное действие по делам о кражах на металлургических предприятиях // Вестник ВЭГУ. 2010. № 5 (49). С. 94 – 99.
14. Фадеев В.И. Особенности тактики осмотра места происшествия при расследовании инсценировок преступных событий // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. Курск: ГОУ ВПО «Юго-Западный гос. ун-т», 2013. № 2. С. 76 – 82.
15. Варданян, А.В., Мельникова О.В. Особенности производства осмотра места происшествия при расследовании преступлений в сфере производства и оборота фальсифицированной алкогольной продукции // Известия Тульского государственного университета: Экономические и юридические науки. Ч. II. 2013. № 2. С. 18 – 19.

REFERENCES

1. Baranov E.V. Kriminalisticheskaja sushhnost' inscenirovok i metody ih razoblachenija pri rassledovanii prestuplenij : avtoref. dis... kand. jurid. nauk : 12.00.09. M., 1977. 22 s.
2. Burdanova V.S. Rassledovanie ugovolnyh del ob ubijstvah, zamaskirovannyh inscenirovkoj samoubijstva, i del o dovedenii do samoubijstva : avtoref. dis...kand. jurid. nauk : 12.00.09. L., 1966. 15 s.
3. Mud'jugin G.N. Rassledovanie ubijstv, zamaskirovannyh inscenirovkami. M., 1973. 157 s.
4. Fadeev V.I. Rassledovanie kriminal'nyh inscenirovok: monografija. M.: Norma, 2009. 160 s.

¹Постановление от 5 апреля 2011 г. // Архив Нефтеюганского городского суда Ханты-Мансийского автономного округа – Югры. Дело № 1-167-2011.

5. Nebratenko G.G., Trubkina O.V. Inscenirovka nastuplenija strahovogo sobytija kak osnovnoj sposob sovershenija moshennichestva v otnoshenii material'nyh interesov strahovyh kompanij // Jurist#-Pravoved. 2014. № 5 (66). S. 66 – 69.
6. Belkin R.S. Kurs sovetskoj kriminalistiki: V 3 t. T. 3: Kriminalisticheskie sredstva, priemy i rekomendacii. M., 1979. 407 s.
7. Protasevich A.A., Korshunov A.Ju. Aktual'nye voprosy prestupnoj insceni-rovki // Sibirskie ugolovno-processual'nye i kriminalisticheskie chtenija. Irkutsk: Izd-vo BGU, 2016. № 4 (12). S. 68 – 74.
8. Fadeev V.I., Klevcov S.M. Inscenirovka prestupnogo sobytija kak raznovid-nost' kriminal'noj insceni-rovki // Aktual'nye voprosy v nauchnoj rabote i obrazovatel'noj dejatel'nosti: sbornik nauchnyh trudov po materialam Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii, Tambov, 2015. S. 145 – 146.
9. Nebratenko G.G., Trubkina O.V. Podgotovka k inscenirovke nastuplenija strahovogo sobytija kak osnovnomu sposobu sovershenija moshennichestva v otnoshenii material'nyh interesov strahovyh kompanij // Jurist#-Pravoved. 2014. № 4 (65). S. 57 – 60.
10. Karagodin V.N. Kriminalisticheskoe uchenie o preodolenii protivodejstvija rassledovaniju // Biblioteka kriminalista. 2013. № 4 (9). S. 241 – 252.
11. Maksutov I.H. Osmotr mesta proisshestvija: posobie / L.: LGU, 1965. 40 s.
12. Antonjan Ju.M., Enikeev M.I., Jeminov V.E. Psihologija prestupnika i rassledovanija prestuplenij. M.: Jurist, 1996. 336 s.
13. Shustikov E.N. Osmotr mesta proisshestvija kak neotlozhnoe sledstvennoe dejstvie po delam o krazhah na metallurgicheskikh predpriyatijah // Vestnik VJeGU. 2010. № 5 (49). S. 94 – 99.
14. Fadeev V.I. Osobennosti taktiki osmotra mesta proisshestvija pri rassledovanii inscenirovok prestupnyh sobytij // Izvestija Jugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Istorija i pravo. Kursk: GOU VPO «Jugo-Zapadnyj gos. un-t», 2013. № 2. S. 76 – 82.
15. Vardanjani, A.V., Mel'nikova O.V. Osobennosti proizvodstva osmotra mesta proisshestvija pri rassledovanii prestuplenij v sfere proizvodstva i oborota fal'sificirovannoj alkohol'noj produkcii // Izvestija Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta: Jekonomicheskie i juridicheskie nauki. Ch. II. 2013. № 2. S. 18 – 19.

Об авторе: Трубкина Ольга Викторовна, кандидат юридических наук, доцент кафедры криминалистики Восточно-Сибирского института МВД России.

e-mail: 1234q@mail.ru

©Трубкина О.В., 2017

About the author: Trubkina Olga V., Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of Criminalistics, East-Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

e-mail: 1234q@mail.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

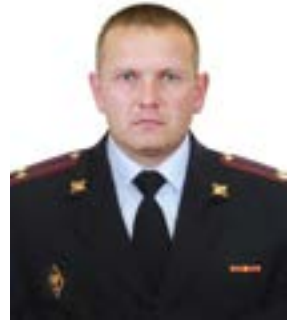
The author have read and approved the final manuscript.

УДК 343.98

А.А. Виноградов

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ – МЕТОД КРИМИНАЛИСТИКИ

FORENSIC SUPPORT FOR THE INVESTIGATION OF CRIMES IS A METHOD OF CRIMINALISTICS



Введение: в статье представлено понимание сущности и определение понятия «криминалистическое обеспечение расследования преступлений» в криминалистике. Концепция работы определяется пониманием криминалистического обеспечения расследования преступлений как метода криминалистики. Целью исследования является анализ различных подходов к пониманию сущности криминалистического обеспечения расследования преступлений и представление авторского определения криминалистического обеспечения расследования преступлений.

Материалы и методы: методологию исследования составляет системный подход с использованием теоретических методов исследования (анализ, синтез, индукция, дедукция, логический, изучение и обобщение и т.д.), позволяющих рассматривать криминалистическое обеспечение расследования преступлений как метод криминалистики.

Результаты исследования: автор дал определение криминалистического обеспечения расследования преступлений, которым является специальный метод криминалистики, реализующий ее функции, представляющий собой динамическую систему представления органам предварительного следствия и дознания разработанного, научно обоснованного, апробированного на практике комплекса криминалистических знаний, технико-криминалистических средств, тактико-криминалистических приемов и способов его реализации, необходимого для эффективного производства расследования.

Обсуждение и заключения: предложенное определение криминалистического обеспечения расследования преступлений может служить основой для дальнейших научных исследований, направленных на его совершенствование и разработку научно практических рекомендаций, которые могут способствовать эффективному расследованию преступлений.

Ключевые слова: криминалистика, предмет криминалистики, метод криминалистики, расследование преступлений, криминалистическое обеспечение расследования преступлений.

Для цитирования: Виноградов А.А. Криминалистическое обеспечение расследования преступлений - метод криминалистики // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2017. Т. 7, № 3. С. 121 - 125.

Introduction: the main issue of the paper is understanding and definition of the concept of “forensic support of investigation of crimes as a method of criminalistics”. The goal of the research is the analysis of various ways of understanding of forensic support of investigation and using knowledge of general theory of criminalistics and presentation of the definition of forensic support of investigation of crimes of the author.

Materials and Methods: research methodology is a systematic approach using the theoretical research methods (analysis, synthesis, induction, deduction, logic, observation and generalization, etc.), allowing to consider the provision of forensic crime investigations as a method of criminology.

Results: the author gave the definition of criminal maintenance of investigation of crimes, which is a special method of criminology that implements its function, representing a dynamic system submitted to the bodies of preliminary investigation and inquiry developed, scientifically based, proven in practice, complex forensic science, technical and forensic equipment, tactical and criminalistic techniques and methods for its implementation, required for efficient production of the investigation.

Discussion and Conclusions: the proposed definition of criminal maintenance of investigation of crimes can serve as a basis for further research aimed at its improvement and the development of a science of practical recommendations that can contribute to the effective investigation of crimes.

Key words: criminalistics, the subject of criminalistics, the method of criminalistics, the investigation of crimes, the criminalistic support of the investigation of crimes.

Введение

Основу криминалистического обеспечения расследования преступлений составляют возможности комплексного решения правовых, организационных, научно-методических и научно-технических вопросов. Современные теоретические исследования по данной теме, безусловно, актуальны, поскольку составляют определенную криминалистическую базу для расследования преступлений любого вида. Однако во многих из изученных работ по указанной тематике не приводится понятие криминалистического обеспечения расследования преступлений, а также не раскрывается его сущность.

Материалы и методы

В процессе исследования были использованы эмпирический и теоретический методы: анализ, синтез, индукция. Благодаря наблюдению и сравнению автору удалось отразить и проанализировать точку зрения ряда ученых и предложить авторское определение криминалистического обеспечения расследования преступлений.

Обзор литературы

В статье использованы основные источники научной литературы, в которых изложены основополагающие подходы к пониманию научной категории «криминалистическое обеспечение расследования преступлений» (Р.С. Белкин, В.Г. Коломацкий, А.Ф. Волынский и др.).

В свое время Г. Гросс акцентировал внимание на том, что криминалистика начинается лишь там, где уголовное право прекращает свою работу: материальное уголовное право имеет своим предметом изучение преступного деяния и наказания, формальное уголовное право (процесс) включает в себе правила применения материального уголовного права. Но каким именно способом совершаются преступления? Как исследовать эти способы и раскрывать их, какие были мотивы и цели совершения преступлений – обо всем этом нам не говорят ни уголовный процесс. Это составляет предмет криминалистики [1].

В широком смысле слова метод – это способ достижения цели, решения конкретной задачи, совокупность приемов и операций теоретического познания или практического освоения действительности. Совокупность методов криминалистики является определенной системой, состоящей из всеобщего, общенаучных и специальных методов. Ни один из этих методов нельзя абсолютизировать, поскольку они реализуются в науке и в практической деятельности во взаимосвязи. Только их

обоснованная совокупность может обеспечить достижение целей криминалистического познания.

Расследования преступлений, как и преступная деятельность, являясь объектом криминалистики, имеют свои средства, способы, методы познания. Чем многообразнее этот арсенал, тем эффективнее окажется познавательный процесс – следственная деятельность. Изучение закономерностей указанных видов деятельности является основной задачей криминалистики, на основе их познания криминалистическая наука разрабатывает методы исследования преступлений как явлений объективной действительности. В методологии науки и в системе ее методов необходимо различать методы научного познания, реализуемые в процессе формирования самой криминалистики, и прикладные методы, средства и приемы, используемые при расследовании преступлений. Совершенствование известных методов расследования и поиск новых всегда являлись важнейшими задачами криминалистической науки [2, с. 27].

Н.А. Подольный и Ю.В. Шляпников указывают на то, что метод в криминалистике – это обобщенное понятие, объединяющее и метод науки криминалистики, и метод расследования. По мнению авторов, такое понимание метода в криминалистике делает его более доступным сотрудникам органов предварительного расследования, что может позволить перенести дискуссии о методе из чисто теоретической плоскости в практическую и придать проблемам метода прикладной характер [3]. Также следует отметить, что криминалистическая наука обеспечивает не только разработку научных положений по применению тактических приемов и технических средств, но и обязана активно представлять криминалистические знания для практической деятельности. Достичь данной цели можно только посредством осуществления целенаправленной деятельности не только сотрудников органов предварительного расследования, но и ученых-криминалистов, что и аккумулируется в криминалистическом обеспечении расследования преступлений.

Развитие криминалистического обеспечения расследования преступлений пришлось на 80-е годы XX века. С этого времени научные дискуссии относительно понимания сущности криминалистического обеспечения расследования преступлений не прекращаются. Так, одним из первых исследователей, писавших о понимании криминалистического обеспечения расследования преступлений, был В.Г. Коломацкий [4, с. 19]. Крими-

налистическое обеспечение рассматривалось им исключительно как научная категория, способная укрепить криминалистическую науку и практику. Достаточно весомый вклад в развитие теоретических знаний о криминалистическом обеспечении внес Р.С. Белкин, который под криминалистическим обеспечением расследования преступлений понимал систему знаний, навыков и умений сотрудников органов внутренних дел, позволяющую использовать им свои знания, применять криминалистические средства, технологии, рекомендации и методы для предотвращения, выявления, раскрытия и расследования преступлений. Криминалистическое обеспечение было им представлено в виде трехэлементной системы криминалистических знаний, криминалистической техники и криминалистического образования [5, с. 64]. Обозначенная система позволила показать взаимосвязь криминалистической науки и практики. По существу представленные подходы отличаются немногим: В.Г. Коломацкий под криминалистическим обеспечением понимает систему внедрения знаний, воплощенных в умения, а Р.С. Белкин – систему знаний и основанных на них навыков и умений [6, с. 121].

Думается, что Р.С. Белкин не включил «внедрение» в содержание данного понятия, так как внедрение криминалистических знаний в практическую деятельность подразумевает непосредственное использование результатов науки, что относится к вопросам организации науки. В.Г. Коломацкий и Р.С. Белкин криминалистическое обеспечение расследования преступлений рассматривают как сложную динамическую систему, которая под воздействием научно-технического прогресса и интенсивного развития криминалистики может изменять свои качественные и количественные составляющие. В данном случае ими являются криминалистические знания.

Представление о развитии этой системы отражает такие изменения криминалистических знаний, которые ведут к более эффективному выполнению основных задач, одной из которых является разработка новых и совершенствование имеющихся криминалистических средств, методов и рекомендаций, но она не может выступать как самоцель. Эффективность подобных разработок проверяется в практической деятельности. Представление новых криминалистических знаний требует соответствующего уровня подготовки сотрудников, которые способны профессионально использовать современные достижения криминалистики. Следовательно, речь должна идти о комплексном подходе к пониманию криминалистического обеспечения, его непосредственной связи со всеми

разделами криминалистики. А.Ф. Волынский обоснованно утверждает, что «криминалистическое обеспечение расследования преступлений правомерно рассматривать как общеметодологическую категорию криминалистики» [7, с. 64].

Кроме указанных подходов в области криминалистического обеспечения расследования преступлений, значимыми являются исследования А.Ф. Волынского и В.А. Волынского и их последователей, которые под криминалистическим обеспечением расследования преступлений понимают комплексную по содержанию деятельность, которая направлена на формирование условий постоянной готовности правоохранительных органов к использованию криминалистических рекомендаций, методов и средств, а также касается реализации такой готовности на практике при раскрытии и расследовании преступлений [8, с. 55].

Подход представителей научной школы профессора А.Ф. Волынского к пониманию сущности криминалистического обеспечения расследования преступлений связан с деятельностью по реализации условий постоянной готовности правоохранительных органов к применению криминалистических методов, средств, рекомендаций при расследовании преступлений. По нашему мнению, сама реализация указанных условий не должна входить в содержание рассматриваемого понятия.

Р.Г. Аксенов и С.Р. Акимов также провели обобщение научных подходов к пониманию рассматриваемой категории и предложили под криминалистическим обеспечением раскрытия и расследования преступлений понимать систему создания, совершенствования и использования криминалистических знаний, навыков, умений и технико-криминалистических средств правоохранительных органов в целях раскрытия, расследования и предупреждения преступлений [9, с. 7]. Трудно согласиться с указанными авторами, поскольку не ясно, что понимается под «системой создания навыков правоохранительных органов» или «системой создания умений правоохранительных органов». В то же время «система использования знаний, навыков, умений и технико-криминалистических средств» свидетельствует о применении криминалистического продукта в деятельности по расследованию преступлений, а не о криминалистическом обеспечении этой деятельности.

Э.К. Горячев в своих исследованиях приходит к выводу, что под криминалистическим обеспечением раскрытия и расследования преступлений следует понимать организационное, правовое, методическое обеспечение использования криминалистических средств, приемов, рекомендаций, достижений науки и техники в деятельности пра-

воохранительных органов [10, с. 31]. Автор ведет речь лишь об обеспечении использования криминалистических средств в деятельности по расследованию преступлений. По нашему мнению, данный подход нуждается в дополнении, поскольку не учитывает связь между функциями криминалистики и криминалистическим обеспечением. При таких условиях криминалистическое обеспечение можно расценивать только как форму реализации базовых функций криминалистики.

А.Н. Сретенцев в работе по криминалистическому обеспечению раскрытия и расследования краж автотранспорта [11] определяет рассматриваемую категорию через систему структурных элементов, однако принимает за основу только обеспечение: теоретические основы обеспечения, правовое обеспечение, организационное обеспечение, научно-техническое и научно-методическое обеспечение, учебно-методическое обеспечение, материально-техническое обеспечение, не раскрывая его сущности.

По нашему мнению, А.Н. Сретенцев предлагает слишком широкое толкование криминалистического обеспечения расследования преступлений. Кроме того, отдельные элементы не имеют отношения к криминалистической науке. В частности, такой элемент, как теоретические основы криминалистического обеспечения расследования преступлений (знания о его понятии, сущности, структуре, виде деятельности, формах его осуществления, месте и роли в криминалистической теории и практике), должен входить в первый раздел науки криминалистики, а не в структуру криминалистического обеспечения расследования преступлений. Думается, что указанные вопросы должны исследоваться в контексте общих положений теории криминалистики.

Что касается такого структурного элемента криминалистического обеспечения расследования преступлений, как приведение нормативных правовых актов «в соответствие с реалиями современной преступности и практики борьбы с ней, регламентации с этих позиций возможностей и порядка использования достижений криминалистики в раскрытии и расследовании преступлений» [11, с. 22], то здесь также позволим себе не согласиться с А.Н. Сретенцевым.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гросс Г. Руководство для судебных следователей как система криминалистики. Новое изд., перепеч. с изд. 1908 г. М., 2002. 1088 с.
2. Густов Г.А. К разработке криминалистической теории расследования // Избранное: статьи. СПб., 2002. С. 207–210.
3. Подольный Н.А., Шляпников Ю.В. Метод в криминалистике и его значение для практики расследования преступлений // Следователь. 2005. № 12. С. 140–145.

Результаты исследования

Резюмируя вышеизложенное, необходимо отметить, что вопрос криминалистического обеспечения должен рассматриваться правовыми науками. Также вне криминалистической науки находятся такие элементы, как организационное обеспечение (наука управления); учебно-методическое обеспечение (педагогика); материально-техническое обеспечение (экономика). Очевидно, что самые совершенные средства и методы расследования преступлений не смогут привести к положительному результату без надлежащей организации их применения в практической деятельности. Эффективность их реализации обусловлена потребностями сотрудников следствия и дознания в научных методах расследования преступлений. Возникает необходимость в специальных криминалистических средствах расследования преступлений. Их соответствующая разработка обусловлена запросами практики, а их целесообразность и эффективность проверяются на практике.

Обсуждение и заключения

Принимая во внимание анализ различных подходов к пониманию сущности криминалистического обеспечения расследования преступлений и используя знания из общей теории науки криминалистики, представим авторское определение криминалистического обеспечения расследования преступлений, которым является специальный метод криминалистики, реализующий ее функции, являющийся динамической системой представления органам предварительного следствия и дознания разработанного, научно обоснованного, апробированного на практике комплекса криминалистических знаний, технико-криминалистических средств, тактико-криминалистических приемов и способов по его реализации, необходимого для эффективного производства расследования.

Таким образом, криминалистическое обеспечение расследования преступлений является методом криминалистики, а предложенное определение может служить основой для дальнейших научных исследований, направленных на его совершенствование и разработку научно-практических рекомендаций, которые могут способствовать эффективному расследованию преступлений.

4. Коломацкий В.Г. К истории криминалистического обеспечения расследования преступлений // Криминалистическое обеспечение борьбы с преступностью: материалы криминалистических чтений. М., 2001. № 13. С. 21.
5. Криминалистическое обеспечение деятельности криминальной милиции и органов предварительного расследования: учебник / под ред. Т.В. Аверьяновой, Р.С. Белкина. М., 1997. 400 с.
6. Белкин Р.С. Курс криминалистики: в 3-х т.: Общая теория криминалистики. М., 1997. Т.1. 521 с.
7. Криминалистика: учебник / под ред. А.Ф. Волынского. М., 2000. 615 с.
8. Волынский А.Ф. Криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений // Криминалистика: учебник / под ред. А.Ф. Волынского, В.П. Лаврова. М., 2013. 943 с.
9. Аксенов Р.Г., Акимов С.Р. Криминалистическое обеспечение расследования криминальных банкротств. Тюмень, 2006. 218 с.
10. Горячев Э.К. Тактико-криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. 200 с.
11. Сретенцев А.Н. Криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования краж автотранспорта: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. 243 с.

REFERENCES

1. Gross G. Rukovodstvo dlja sudebnyh sledovatelej kak sistema kriminalistiki. Novoe izd., perepech. s izd. 1908 g. M., 2002. 1088 p.
2. Gustov G.A. K razrabotke kriminalisticheskoy teorii rassledovaniya // Izbrannoe: stat'i. SPb., 2002. P. 207-210.
3. Podol'nyj N.A., Shljapnikov Ju.V. Metod v kriminalistike i ego znachenie dlja praktiki rassledovaniya prestuplenij // Sledovatel'. 2005. № 12. P. 140-145.
4. Kolomackij V.G. K istorii kriminalisticheskogo obespecheniya rassledovaniya prestuplenij // Kriminalisticheskoe obespechenie bor'by s prestupnost'ju: Informacionnyj bjulleten' po materialam kriminalisticheskikh chtenij. M., 2001. № 13. P. 21.
5. Kriminalisticheskoe obespechenie dejatel'nosti kriminal'noj milicii i organov predvaritel'nogo rassledovaniya: uchebnik / pod red. T.V. Aver'janovoj, R.S. Belkina. M., 1997. 400 p.
6. Belkin R.S. Kurs kriminalistiki: v 3-h t.: Obshhaja teorija kriminalistiki. M., 1997. T.1. 521 p.
7. Kriminalistika: uchebnik / pod red. A.F. Volynskogo. M., 2000. 615 s.
8. Volynskij A.F. Kriminalisticheskoe obespechenie raskrytija i rassledovaniya prestuplenij // Kriminalistika: uchebnik / pod red. A.F. Volynskogo, V.P. Lavrova. M., 2013. 943 p.
9. Aksenov R.G., Akimov S.R. Kriminalisticheskoe obespechenie rassledovaniya kriminal'nyh bankrotstv. Tjumen', 2006. 218 p.
10. Gorjachev Je.K. Taktiko-kriminalisticheskoe obespechenie raskrytija i rassledovaniya prestuplenij: dis. ... kand. jurid. nauk. M., 2004. 200 p.
11. Sretencev A.N. Kriminalisticheskoe obespechenie raskrytija i rassledovaniya krazh avtotransporta: dis. ... kand. jurid. nauk. M., 2010. 243 p.

Об авторе: Виноградов Андрей Александрович, адъюнкт кафедры управления органами расследования преступлений Академии управления МВД России.

©Виноградов А.А., 2017

About the author: Vinogradov Andreji A., Postgraduate in a Military Institute of the Department of the Management of Crime Investigation Bodies of Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The author have read and approved the final manuscript.



И.Е. Ильичёв



С.А. Лазарева

О ПОНЯТИИ И КЛАССИФИКАЦИИ ПРОЯВЛЕНИЙ ЭКСТРЕМИЗМА

THE CONCEPT AND CLASSIFICATION OF THE MANIFESTATIONS OF EXTREMISM

Введение: необходимость углубленного исследования сути и тенденций развития экстремизма как социального явления, выработки на этой основе не только концептуальных актов, но и технологий противодействия экстремизму, является актуальной не только для России, но и в отношении России. Цель данного исследования заключается в раскрытии понятия экстремизма, экстремистской организации, экстремистских материалов.

Материалы и методы: в основу исследования положены эмпирический и теоретический методы: описательный, аналитический методы, метод анализа литературы.

Результаты исследования: констатируя, что экстремизм, будучи явлением социальным, развивается вместе с породившим его обществом, авторы призывают обратить самое пристальное внимание на то, что опасность экстремизма заключается в привлекательности его идеологии для несовершеннолетних.

Обсуждение и заключения: в качестве ключевых выводов авторы утверждают, что понимание сути и форм экстремизма позволит в дальнейшем эффективнее бороться с экстремизмом.

Ключевые слова: экстремизм, понятие, классификация проявлений, субъектный состав, государственный экстремизм, молодежный экстремизм, религиозный экстремизм, информационный экстремизм, факторы, региональные особенности, третья мировая война.

Для цитирования: Ильичёв И.Е., Лазарева С.А. О понятии и классификации проявлений экстремизма // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2017. Т. 7, № 3. С. 126 - 134. DOI: 10.24420/KUI.2017.3(29).7376.

Introduction: the need for in-depth study of the nature and trends of extremism as a social phenomenon, developing on the basis not only of conceptual acts, but also technologies to counter extremism, is relevant for Russia. The purpose of this study is to reveal the notions of extremism, extremist organization, and extremist materials.

Materials and Methods: the research is based on empirical and theoretical methods: a descriptive, analytical methods, method of analysis of literature.

Results: the authors urge to pay very close attention to the fact that the danger of extremism is the appeal of its ideology to minors.

Discussion and Conclusions: as key findings, the authors argue that the understanding of the nature and forms of extremism will continue to deal more effectively with extremism.

Key words: extremism, the concept, classification of manifestations, subject composition, government extremism, youth extremism, religious extremism, informational extremism, factors, regional peculiarities, the third world war.

For citation: Il'yichov I.E., Lazareva S.A. The Concept and Classification of the Manifestations of Extremism // Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. 2017. V.7, № 3. P. 126-134. DOI:10.24420/KUI.2017.3(29).7376.

Введение

В силу своей многогранности, но еще того более – в силу негативного потенциала, который несет в себе экстремизм в любых его проявлениях [1], в силу возникающей отсюда необходимости противодействия экстремизму, экстремизм и экстремистская деятельность стали предметом исследования историков, психологов, социологов, социальных технологов, политологов, юристов, экономистов.

Термины “extremism” и “extremist” вводятся в научный оборот в Англии в середине XIX в. Почти одновременно они начинают применяться в США к участникам Гражданской войны (1861 – 1865 гг.). Во Франции термин “extremism” вошел в оборот во время Первой мировой войны.

В современном общепринятом понимании экстремизм – это приверженность к крайним взглядам и мерам¹. В данном качестве экстремизм смыкается, с одной стороны, с нигилизмом, превосходя последний по остроте социальных последствий [2, с. 32], а с другой – с терроризмом, становясь его психологической предпосылкой и идеологической основой.

Обзор литературы

Теоретической основой исследования послужили ранние работы многих авторов. Определением понятия и классификации проявлений экстремизма занимались не только отечественные, но и зарубежные ученые. Однако, несмотря на большой пласт исследований, ученые не пришли к единому мнению, вопрос классификаций и определения экстремизма остается по-прежнему нерешенным.

А.А. Козлов дает определение термина, претендующее, при всей его лаконичности, на универсальность: экстремизм – любое превышение пределов допустимого, при наличии злого смысла или умысла [3, с. 26].

«Доклад о целях и средствах противодействия политическому экстремизму в России» дает деятельностную характеристику экстремизму как явлению: «экстремизм – это деятельность по распространению таких идей, течений, доктрин, которые направлены на ликвидацию самой возможности легального плюрализма, свободного обмена мнениями; на установление единственной идеологии в качестве государственной; на разделение людей по классовому, имущественному, расовому, национальному или религиозному признакам; на отрицание абсолютной ценности прав человека»². Ценность данного определения

состоит в том, что оно интегрирует в себе основные программные установки большинства еще недавно действовавших в стране экстремистских организаций, деятельность которых, согласно Федеральному закону «О противодействии экстремистской деятельности» (далее – Федеральный закон), запрещена соответствующими судебными решениями.

И.Л. Морозов определяет экстремизм как социально-политическое явление. Смысл этого явления – стремление активных групп или индивидов добиться незамедлительного разрушения существующей государственной системы и столь же незамедлительного построения «справедливого общества» [4].

Экхард Йессе определяет экстремизм как противоположность демократии [5, с. 21].

Ю.Н. Полтавская выделяет два критерия, позволяющие отнести соответствующие действия в состав экстремистских. Это, во-первых, действия, которые связаны с неприятием существующего государственного или общественного порядка и осуществляются в незаконных формах; во-вторых, это действия, которые носят публичный характер, затрагивают общественно значимые вопросы и адресованы широкому кругу лиц [6].

По мнению М.Е. Родиной, экстремизм – это последовательно проводимый крайней степени максимализм в области воззрений на важные проблемы общественной жизни, приводящий или могущий привести к нарушению законности и общественной стабильности [7, с. 29].

Максимализму в основном подвержены лица молодого возраста (молодые граждане). Молодежный экстремизм О.А. Плотникова и А.В. Барнаш определяют как реакцию индивида на неблагоприятные факторы окружающей среды. Эта реакция проявляется и закрепляется в групповом поведении, формируя в молодом человеке маргинальность, неконформизм и конформизм, жестокость и агрессивность, психологическую зависимость от группы и демонстративность, а также другие формы девиантного поведения [8].

Если Е.Э. Ганаева определяет молодежный экстремизм всего лишь как тип девиации [9], М.А. Васьков – как препятствие социализации молодежи [10], то В.Е. Шинкевич видит в нем же фактор возникновения террористических угроз в обществе [11].

В.П. Бабинцев, Б.В. Заливанский, Е.В. Самохвалова видят в молодежи потенциальный резерв экстремизма и ксенофобии [12].

¹Большой энциклопедический словарь. М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. С. 1395.

²Доклад о целях и средствах противодействия политическому экстремизму в России. М., 1999.

«Взрослый» экстремизм, уйдя от подростково-молодежных хулиганских эксцессов, обретает не менее общественно опасные формы, такие, например, как политический экстремизм, включая его криминальные проявления.

Многообразие форм современного экстремизма отражают эпитеты, прилагаемые к коренному термину (молодежный, политический, религиозный, националистический, информационный, криминальный и т.п.). Указанные эпитеты лежат в основе классификации проявлений экстремизма.

Шанхайская конвенция ставит экстремизм в один ряд с терроризмом и сепаратизмом¹.

Развернутое и нормативное для Российской Федерации определение термина дает Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности».

Помимо понятия экстремистской деятельности, Федеральный закон дает определение терминов «экстремистская организация», «экстремистские материалы» и «символика экстремистской организации».

Экстремистской организацией признается общественное или религиозное объединение либо иная организация, в отношении которых по основаниям, предусмотренным законом, судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности в связи с осуществлением экстремистской деятельности.

Из определения следует, что до вступления в законную силу соответствующего судебного решения никакая организация, никакое общественное или религиозное объединение не могут быть признаны экстремистскими.

В качестве экстремистских материалов признаются:

- предназначенные для обнародования документы либо информация на иных носителях, призывающие к осуществлению экстремистской деятельности либо обосновывающие или оправдывающие необходимость осуществления такой деятельности, в том числе труды руководителей национал-социалистской рабочей партии Германии, фашистской партии Италии;
- публикации, обосновывающие или оправдывающие национальное и (или) расовое превосходство либо оправдывающие практику совершения военных или иных преступлений, направленных на полное или частичное уничтожение какой-ли-

бо этнической, социальной, расовой, национальной или религиозной группы.

Символика экстремистской организации – это символика, описание которой содержится в учредительных документах организации, в отношении которой по основаниям, предусмотренным Федеральным законом, судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности в связи с осуществлением экстремистской деятельности.

Перечень необходимых основных понятий, связанных с экстремизмом и экстремистской деятельностью, расширяет Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года. Согласно Стратегии:

- идеология экстремизма (экстремистская идеология) – это система взглядов и идей, представляющих насильственные и иные противоправные действия как основное средство разрешения социальных, расовых, национальных, религиозных и политических конфликтов;

- проявления экстремизма (экстремистские проявления) – общественно опасные и противоправные деяния, совершаемые по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды, а также деяния, способствующие возникновению или обострению межнациональных, межконфессиональных и региональных конфликтов;

- субъекты противодействия экстремизму – федеральные органы государственной власти, органы государственной власти субъектов Российской Федерации, органы местного самоуправления, институты гражданского общества, организации и физические лица;

- противодействие экстремизму – деятельность субъектов противодействия экстремизму, направленная на выявление и последующее устранение причин экстремистских проявлений, а также на предупреждение, пресечение, раскрытие и расследование преступлений экстремистской направленности, минимизацию и (или) ликвидацию последствий экстремизма;

- радикализм – глубокая приверженность идеологии экстремизма, способствующая совершению действий, направленных на насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации².

А.А. Затолокин не без оснований определяет экстремизм как социальную болезнь [13].

Понятие экстремизма как социального явления будет неполным без уточнения его социальной базы, психологических особенностей, а также последствий, которые несут в себе преступления экстремистской направленности.

Количественно социальная база экстремизма в современной России, по-видимому, определяется прежде всего социально-политической обстановкой – как по стране в целом, так и в отдельных ее регионах. Радикализации настроений населения, прежде всего, молодежи, помимо проблем с социализацией, безусловно, способствует рост коррумпированности представителей региональных политических и экономических элит.

В регионах, прилегающих к Северному Кавказу, объектом негативных стереотипов и этнических предрассудков в молодежной среде стал образ «кавказца». Радикалистские настроения побуждают подростков и молодежь к участию в деятельности экстремистских организаций религиозного и политического толка [14].

Психологию экстремизма характеризуют (по отдельности или в различных сочетаниях) интолерантность, этноцентризм, предубеждения, предрассудки, дискриминация, ксенофобия, национализм [15].

Последствия, которые несут в себе преступления экстремистской направленности, помимо причинения вреда здоровью граждан, окружающей среде, общественному порядку, общественной безопасности и т.д., по мнению А. В. Кайшева, ведут еще и к нарушению прав и свобод человека и гражданина [16], по мнению П. В. Волосюка, создают реальную угрозу российскому обществу и государству [1].

Стратегия противодействия экстремизму видит в экстремизме одну из наиболее сложных проблем современного российского общества. Такое понимание экстремизма предопределяется прежде всего многообразием форм его проявлений.

Стратегия констатирует, что экстремизм вышел за пределы отдельных государств. Это означает, что экстремизм стал также одной из наиболее сложных проблем всего человечества.

Экстремизм как цивилизационный вызов [17], его возрастающее негативное влияние на самые разные стороны общественного бытия ставят задачу систематизации и классификации его проявлений [18, с. 21].

Учитывая генетическую связь между нигилизмом и экстремизмом [2], можно ожидать, что нигилизм и экстремизм будут совпадать в основных своих проявлениях.

Многообразие проявлений экстремизма, воз-

никновение новых форм затрудняют его исчерпывающую классификацию. В качестве классифицирующих признаков экстремизма могут быть выделены его ориентация (направленность), идеология, формы осуществления, субъектный состав, степень опасности, региональные особенности, другие признаки.

Направленность экстремизма – это те сферы жизни общества или объекты, в отношении которых планируется или осуществляется экстремистская деятельность.

Главный вектор современного экстремизма во многих странах, включая Россию, – это политическая система, ее разрушение в интересах тех или иных политических сил. Федеральный закон определяет данный вектор как насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации. С этой целью экстремисты провоцируют возникновение или обострение межнациональных, межконфессиональных и региональных конфликтов, сами становятся их активными участниками.

Не менее значимой является проблема экологического экстремизма. Использование устаревших технологий, загрязняющих среду обитания человека и животных, оказывает угнетающее, а подчас и губительное воздействие на здоровье живых организмов [19]. Хищническое, не учитывающее интересов грядущих поколений истребление природных ресурсов, войны ставят под угрозу само существование человечества [20].

Идеология экстремизма, хотя и определяется Стратегией как система взглядов и идей, представляющих насильственные и иные противоправные действия как основное средство разрешения социальных, расовых, национальных, религиозных и политических конфликтов, в действительности таковой, то есть системой, как правило, не является. Обычно это разрозненные представления, иногда в лучшем случае убеждения отдельно взятых экстремистов относительно «правильных» способов решения социальных и иных проблем. Говоря об идеологии экстремизма, М.К. Арчаков усматривает в ней явные признаки эклектики, заимствования и приспособления «нужных» идей для обоснования допустимости радикальных действий, отмечая при этом, что проявления этой идеологии имеют в основном поведенческий характер. Это не системно упорядоченные взгляды, выражающие интересы социальных классов и даже социальных групп, поскольку экстремисты ни в одной стране, как правило, не могут быть отнесены ни к социальной группе, ни тем более к социальному классу [21]. В связи с этим достаточно стран-

¹Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом : заключена в Шанхае 15 июня 2001 г. URL: <http://docs.cntd.ru/document/901812033> (дата обращения: 26.05.2017).

² Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года. URL: <http://legalacts.ru/doc/strategija-protivodeistvija-ekstremizmu-v-rossiiskoi-federatsii-do> (дата обращения: 26.05.2017).

ным представляется утверждение Ш.Ш. Муцалова, полагающего, что «идеология экстремизма может существовать в форме философских, политических, исторических, религиозных и иных учений» [22, с. 234] (курсив наш).

Иное дело, когда идеология экстремизма становится основой внутренней или внешней политики государства.

Государственный экстремизм обосновывает и оправдывает себя «неизбежностью классово-вой борьбы» (Россия, марксизм), «необходимостью возрождения нации и национального духа народа» (Италия, фашизм; Германия, нацизм; современная Украина, национализм (бандеровщина)), «интересами национальной безопасности» (США), «интересами защиты от российской угрозы» (страны, входящие в состав блока НАТО).

Государственный экстремизм, как правило, сопровождается террором против «врагов народа» (СССР), евреев (Германия, довоенный период), коммунистов (Германия, довоенный период; США, послевоенный период), против других государств и народов (Германия, Вторая мировая война; США, наше время).

Государственный экстремизм США, Великобритании и их союзников через «цветные революции» породил международный терроризм («Исламское государство»¹), поставил мир на грань третьей мировой войны.

Предвестником третьей мировой войны является широкомасштабная информационная война, острота которой после распада СССР направлено против России. Для «внутреннего употребления» – психологической обработки населения стран Запада агрессором объявляется, конечно же, Россия.

Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации в качестве наиболее опасных называет три вида экстремизма – националистический, религиозный и политический.

Стратегия называет и основные формы проявления экстремизма. Это:

- возбуждение ненависти либо вражды по признакам пола, расовой, национальной, языковой, религиозной принадлежности или принадлежности к какой-либо социальной группе;
- распространение призывов к насильственным действиям;
- вовлечение отдельных лиц в деятельность экстремистских организаций или групп;
- проведение несогласованных акций, организация массовых беспорядков;
- совершение террористических актов.

¹Организация, запрещенная в Российской Федерации.

Признаком, выделяющим субъектов экстремистской деятельности из общей массы и инкриминирующим им экстремизм, является их деятельность, связанная с планированием, организацией, подготовкой и совершением действий, подпадающих под определение экстремистских.

Общественные и религиозные объединения, иные организации, средства массовой информации признаются решением суда экстремистскими. Перечень таких организаций, в соответствии с Федеральным законом «О противодействии экстремистской деятельности», ведет Минюст России.

Экстремисты-физические лица – это приверженцы соответствующих экстремистских течений (анархисты, антиглобалисты, религиозные фундаменталисты, националисты и т.д.).

«Идеологические нюансы» экстремизма внутри страны связаны с его направленностью по уже названным признакам – пола, расовой, национальной, языковой, религиозной принадлежности или принадлежности к какой-либо социальной группе.

Экстремизм по признакам половой принадлежности наукой исследован крайне недостаточно. М.В. Костромичёва, отмечая сохраняющуюся дискриминацию по половому признаку (например, при приеме на работу), видит проблему в отсутствии правового разъяснения относительно возбуждения ненависти либо вражды или унижения достоинства по признаку пола. Отсутствие такого разъяснения, по мнению автора, сужает практику правоприменения [23].

Здесь, однако, присутствует иная проблема – нравственного характера.

Сегодня на Западе – в Западной Европе и США – достаточно массовое распространение получают однополые браки. Право на однополые браки закрепляется законодательно. Само по себе явление, его масштабы и демонстративная агрессивность проявлений свидетельствуют о духовном кризисе западного общества, утрате им нравственных ориентиров, закрепленных еще в Библии, которая определяет «содомский грех» как смертный. Однако и отсутствие аналогичного закона в России вменяется ей в вину западом и используется как один из аргументов, обосновывающих информационные атаки и экономические санкции в отношении России, что само по себе, как нарушение Устава ООН, является проявлением экстремизма на государственном уровне.

После распада СССР в России были отмечены расистские проявления. Наиболее многочис-

ленным движением национал-расистской направленности является молодежное движение скинхедов. Это движение охватывает в основном крупные города (Москва, Санкт-Петербург, Красноярск, Томск, Иркутск, Владивосток, Воронеж, Ярославль и др.). Жертвой скинхедов может быть любой человек, не принадлежащий к белой расе или к русской нации.

С.Н. Фридинский усматривает в экстремизме такое его проявление, как насильственное искоренение взглядов, отличных от отстаиваемых экстремистами [24]. Это дает основание говорить о воинствующем идеологическом экстремизме как форме экстремизма.

Степень опасности экстремизма, как нам представляется, до настоящего времени системно не раскрыта.

Согласно Стратегии противодействия экстремизму (п. 5), экстремизм во всех его проявлениях ведет к нарушению гражданского мира и согласия, подрывает общественную безопасность и государственную целостность Российской Федерации, создает реальную угрозу сохранению основ конституционного строя, межнационального (межэтнического) и межконфессионального согласия.

Экстремистские материалы стали инструментом информационно-психологической войны [25].

Материалы и методы

В процессе работы над статьей были использованы два основных уровня научного познания: эмпирический (наблюдение, накопление и отбор фактов) и теоретический (абстрагирование, анализ и синтез). Материалами исследования послужили: Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности», Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года, Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом.

Результаты исследования

Опасность экстремизма для общества кроется в его криминальной составляющей и в том, что он представляет собой безусловное социальное зло. Как всякий «запретный плод», смутная, но привлекательная идеология вседозволенности, лежащая в основе психологии экстремизма, ведет к опережающему росту подростковой и молодежной преступности, а порой и к вовлечению

детей и подростков в террористическую деятельность. Наконец, сами экстремисты – это, как правило, потерянные для общества и государства люди – в силу их неспособности к позитивной социализации, в силу паразитирования в социальном организме.

Региональные особенности распространения и проявления экстремизма связаны с неравномерностью размещения населения страны – как по плотности, так и по национальному составу, по конфессиональной принадлежности, иным признакам, оказывающим влияние на остроту экстремистских проявлений. «Лидерами» в этом отношении, помимо Москвы и Санкт-Петербурга, безусловно, являются Северный Кавказ и Поволжье.

Экстремизм, как и любое социальное явление, развивается вместе с породившим его обществом, возникают новые его разновидности.

В качестве относительно новой, но, безусловно, значимой угрозы национальной безопасности России О.С. Жукова, Р.Б. Иванченко, В.В. Трухачев называют информационный экстремизм. Информационный экстремизм, по мнению авторов, включает в себя создание, хранение и (или) распространение информации экстремистского характера, кибертерроризм, деструктивное информационное воздействие на психику людей [26]. В.Э. Мозговой, отмечая, что информационная экстремистская деятельность разворачивается в условиях трансформирующегося общества, находящегося под влиянием глобализации и информатизации, видит в этой деятельности подрыв основных прав человека посредством призывов к насилию, террористическим актам или стремления унижить национальное, религиозное достоинство [27].

Обсуждение и заключения

Понимание сути и форм экстремизма должно прокладывать дорогу к выработке не только концептуальных актов, но и технологий противодействия экстремизму. Экспоненциальный рост преступлений экстремистского характера и особенно террористической направленности¹ свидетельствует о том, что наука пока не смогла выработать и вооружить государство такими технологиями.

¹Портал правовой статистики Генеральной прокуратуры Российской Федерации. URL: crimestat.ru (дата обращения: 26.05.2017).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Волосюк П.В. Экстремизм как современная угроза российскому обществу и государству // Гуманитарные и юридические исследования. 2014. № 4. С. 89 – 94.
2. Ильичёв И.Е., Лазарева С.А. Нигилизм: понятие и классификация // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2017. № 1.
3. Экстремизм в среде петербургской молодежи: анализ и проблемы профилактики / под ред. А.А. Козлова. СПб., 2003.
4. Морозов И.А. Левый экстремизм в современном обществе: особенности стратегии и тактики // Полис. 1998. № 2.
5. Йессе Э. Формы политического экстремизма. Экстремизм в ФРГ. Формы проявления и актуальная оценка. Берлин: Федеральное министерство внутренних дел, 2004.
6. Полтавская Ю.Н. Радикализм и экстремизм в современной России: политические смыслы // Известия Саратовского университета. 2012. Т. 12. Сер. Социология, Политология, вып. 2.
7. Родина М.Е. Экстремизм и экстремистская деятельность как политико-правовые категории // Российский следователь. 2016. № 20.
8. Плотникова О.А., Барнаш А.В. Психология молодежного экстремизма: материалы 2-й ежегодной научно-практической конференции преподавателей, студентов и молодых ученых СКФУ «Университетская наука – региону». Т.3/ под. ред. Т.А. Шебзуховой, И.М. Першина, А.М. Макарова. Пятигорск, 2014.
9. Ганаева Е.Э. Молодежный экстремизм как тип девиации // Молодой ученый. 2012. № 12.
10. Васьков М.А. Характеристики молодежного политического экстремизма как препятствия социализации молодежи // Обзор. НЦПТИ. 2015. Вып. 5.
11. Шинкевич В.Е. Молодежный экстремизм как фактор возникновения террористических угроз в обществе: социально-философский аспект // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2016. № 3.
12. Бабинцев В.П., Заливанский Б.В., Самохвалова Е.В. Этнический экстремизм в молодежной среде: диагностика и перспективы преодоления // Мир России. 2011. № 1.
13. Затолокин А.А. Экстремизм как социальная болезнь // Общество и право. 2014. № 3 (49).
14. Скорик А.П. Экстремизм русский и нерусский в межнациональном взаимодействии // Власть. 2013. № 3.
15. Безносков Д.С., Почебут Л.Г. Психологические аспекты экстремизма и терроризма // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12. Социология. 2010. № 1.
16. Кайшев А.В. Уголовно-правовое значение последствий в преступлениях экстремистской направленности // Вестник Удмуртского университета. Серия «Эко-номика и право». 2013. Вып. 4.
17. Экстремизм как цивилизационный вызов: коллективная монография. Новосибирск: НГАСУ (Сибстрин), 2012. 419 с.
18. Тамаев Р.С. Экстремизм и национальная безопасность: правовые проблемы: монография. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2015.
19. О'Лири Р. Экологическая мафия: враг – это мы. Нью-Йорк: Алгора. 2003. 244 с.
20. Вернадский В. И. Биосфера и ноосфера. М.: Айрис-пресс, 2004. 576 с.
21. Арчаков М.К. Становление экстремистской идеологии в современной России // Контурь глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2014. Т. 7. № 5 (37).
22. Муцалов Ш.Ш. Экстремизм и экстремистская идеология: общенаучное определение // Евразийский научный журнал. 2016. № 5.
23. Костромичёва М.В. Право как дискурс, текст и слово: межвузовский сборник научных трудов / под ред. Н.Д. Голева и К.И. Бринева. Кемерово: Кемеровский государственный университет, 2011.
24. Фридинский С.Н. Молодежный экстремизм как особо опасная форма проявления экстремистской деятельности // Обзор. НЦПТИ. 2015. № 5.
25. Тагильцева Ю.Р. Экстремистские материалы как инструмент информационно-психологической войны // Политическая лингвистика. 2012. № 3.
26. Жукова О.С., Иванченко Р.Б., Трухачев В.В. Информационный экстремизм как угроза безопасности Российской Федерации // Вестник Воронежского института МВД России. 2007. № 1.
27. Мозговой В. Э. Особенности информационной экстремистской деятельности: социологический анализ // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. 2014. Т. 20. № 7.

REFERENCES

1. Volosjuk P.V. Jekstremizm kak sovremennaja ugroza rossijskomu obshhestvu i gosudarstvu // Gumanitarnye i juridicheskie issledovaniya. 2014. № 4. S. 89 – 94.
2. Bol'shoj jenciklopedicheskij slovar'. M.: Izd-vo «Bol'shaja Rossijskaja jenciklopedija», 1998.
3. Il'ichjov I.E., Lazareva S.A. Nigilizm: ponjatie i klassifikacija // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. 2017. № 1.
4. Kozlov A.A. (red.). Jekstremizm v srede peterburgskoj molodjozhi: analiz i problemy profilaktiki. SPb., 2003.
5. Doklad o celjah i sredstvah protivodejstvija politicheskomu jekstremizmu v Rossii. M., 1999.
6. Morozov I.A. Levij jekstremizm v sovremennom obshhestve: osobennosti strategii i taktiki // Polis. 1998. № 2.
7. Eckhard Jesse. Formen des politischen Extremismus. In: Extremismus in Deutschland. Erscheinungsformen und aktuelle Bestandsaufnahme. Berlin: Bundesministerium des Innern, 2004.
8. Poltavskaja Ju. N. Radikalizm i jekstremizm v sovremennoj Rossii: politicheskie smysly // Izvestija Saratovskogo universiteta. 2012. T. 12. Ser. Sociologija, Politologija, vyp. 2.
9. Rodina M. E. Jekstremizm i jekstremistskaja dejatel'nost' kak politiko-pravovye kategorii // Rossijskij sledovatel'. 2016. № 20.
10. Plotnikova O. A., Barnash A. V. Psihologija molodezhnogo jekstremizma. V sb.: Materialy 2-j ezhegodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii prepodavatelej, studentov i molodyh uchjonyh SKFU «Universitetskaja nauka – regionu», t. 3. / Pod. red. T. A. Shebzuhojov, I. M. Pershina, A. M. Makarova. Pjatigorsk, 2014.
11. Ganaeva E. Je. Molodjozhnyj jekstremizm kak tip deviacii // Molodoj uchjonyj. 2012. № 12.
12. Vas'kov M. A. Harakteristiki molodjozhnogo politicheskogo jekstremizma kak prepjatstvija socializacii molodezhi // Obzor. NCPTI. 2015. Vyp. 5.
13. Shinkevich V. E. Molodjozhnyj jekstremizm kak faktor vzniknovenija terroristicheskikh ugroz v obshhestve: social'no-filosofskij aspekt // Vestnik Kazanskogo juridicheskogo instituta MVD Rossii. 2016. № 3.
14. Babincev V. P., Zalivanskij B. V., Samohvalova E. V. Jetnicheskij jekstre-mizm v molodjozhnoj srede: diagnostika i perspektivy preodolenija // Mir Rossii. 2011. № 1.
15. Shanhajskaja konvencija o bor'be s terrorizmom, separatizmom i jekstremizmom / Zakljuchena v Shanhae 15.06.2001.
16. Zatolokin A. A. Jekstremizm kak social'naja bolezn' // Obshhestvo i pravo. 2014. № 3 (49).
17. Skorik A. P. Jekstremizm russkij i nerusskij v mezhnacional'nom vzaimodejstvii // Vlast'. 2013. № 3.
18. Beznosov D. S., Pochebut L. G. Psihologicheskie aspekty jekstremizma i terrorizma // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Serija 12. Sociologija. 2010. № 1.
19. Kajshev A. V. Ugolovno-pravovoe znachenie posledstvij v prestuplenijah jekstremistskoj napravlenosti // Vestnik Udmurtskogo universiteta. Serija «Jeko-nomika i pravo». 2013. Vyp. 4.
20. Jekstremizm kak civilizacionnyj vyzov: kollektivnaja monografija. Novosibirsk: NGASU (Sibstrin), 2012. 419 s.
21. Tamaev R. S. Jekstremizm i nacional'naja bezopasnost': pravovye problemy; monografija. M.: JuNITI-DANA, 2015.
22. Richard O'Leary. The environmental Mafia: The enemy is Us. Algora Publishing. 2003. 244 p.
23. Vernadskij V. I. Biosfera i noosfera M.: Ajris-press, 2004. 576 s.
24. Archakov M. K. Stanovlenie jekstremistskoj ideologii v sovremennoj Ros-sii // Kontury global'nyh transformacij: politika, jekonomika, pravo. 2014. T. 7, № 5 (37).
25. Mucalov Sh. Sh. Jekstremizm i jekstremistskaja ideologija: obshhenauchnoe opredelenie // Evrazijskij nauchnyj zhurnal. 2016. № 5.
26. Pope says 'world at war because it has lost peace' but religion not to blame. Japan Times. July 28, 2016.
27. Kostromichjova M. V. V sb.: Jurislingvistika-11: Pravo kak diskurs, tekst i slovo: mezhvuzovskij sbornik nauchnyh trudov / pod red. N. D. Goleva i K. I. Brineva. Kemerovo: Kemerovskij gosudarstvennyj universitet, 2011.
28. Fridinskij S. N. Molodjozhnyj jekstremizm kak osobo opasnaja forma projavlenija jekstremistskoj dejatel'nosti // Obzor. NCTPI. 2015. № 5.
29. Tagil'ceva Ju. R. Jekstremistskie materialy kak instrument informacionno-psihologicheskoy vojny // Politicheskaja lingvistika. 2012. № 3.
30. Zhukova O. S., Ivanchenko R. B., Truhachev V. V. Informacionnyj jekstremizm kak ugroza

- bezopasnosti Rossijskoj Federacii // Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii. 2007. № 1.
 31. Mozgovoj V. Je. Osobennosti informacionnoj jekstremistskoj dejatel'no-sti: sociologicheskij analiz // Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. A. Nekrasova. 2014. T. 20, № 7.
 32. Portal pravovoj statistiki General'noj prokuratury Rossijskoj Federacii crimestat.ru.



Об авторах: Ильичёв Игорь Евгеньевич, доктор технических наук, доктор юридических наук, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина
 e-mail: ilicigor@yandex.ru
 Лазарева Софья Андреевна, курсант Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина
 e-mail: soft7080@yandex.ru
 ©Ильичев И.Е., 2017
 ©Лазарева С.А., 2017

About the authors: Ilichev Igor E., Doctor of Technical Sciences, Doctor of Legal Sciences, Professor of state and legal disciplines of the Belgorod law Institute of MIA of Russia named after I. D. Putilin
 e-mail: ilicigor@yandex.ru
 Lazareva Sofya A., Student of Belgorod Law Institute of MIA of Russia named after I.D. Putilin.
 e-mail: soft7080@yandex.ru

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.
 The author have read and approved the final manuscript.

Вклад соавторов.

Ильичёв И.Е.: идея публикации, план публикации, участие в подготовке текста публикации.
 Ilichev, I. E.: The idea of publication, project of publication, participation in the preparation of the text of the publication.
 Лазарева С.А.: сбор исходной информации, участие в подготовке текста публикации, оформление сопроводительных документов.
 Lazareva, S. A.: The initial information gathering, participation in the preparation of the text of the publication, execution of accompanying documents.

Н.Г. Канунникова

К ВОПРОСУ О СПЕЦИФИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЯХ ТЕРРОРИЗМА И ОПРЕДЕЛЕНИИ ЕГО ПОНЯТИЯ

THE ISSUE OF THE SPECIFIC FEATURES OF TERRORISM AND THE DEFINITION OF ITS CONCEPT



Введение: В статье проводится анализ понятия «терроризм» на базе зарубежных и отечественных работ, выделяются характерные механизмы и особенности данного явления. Цель исследования – проанализировать понятие терроризма, учитывая точку зрения зарубежных и отечественных авторов. Основными проблемами статьи являются: смешение понятий террористической и экстремистской деятельности, несоответствие нормативно-правовой базы международным нормам. Актуальность статьи определяется опасностью терроризма как преступления, несущего угрозу государствам и отдельным гражданам своей масштабностью, направленностью и тяжестью последствий. Данные проблемы заставляют вновь и вновь обращаться к его сущностным характеристикам с целью поиска первопричины, его порождающей.

Материалы и методы: при написании статьи автором использованы следующие научные методы исследования: системный, структурно-функциональный, научно-аналитический, сравнительный анализ и другие.

Результаты исследования: во время исследования был проведен анализ генезиса термина «террор»; на основе международно-правовой и отечественной законодательной базы систематизированы правовые характеристики терроризма, разработанные в разное время учеными-правоведами; проанализированы позитивные наработки зарубежного уголовного права; предложено определение понятия «терроризм».

Обсуждение и заключения: учитывая специфические особенности терроризма, основываясь на анализе сформулированных в научной литературе подходов к исследованию данного явления, автор предлагает определение терроризма, описывает мотивы террористических атак, делает акцент на политизированности и глобальности данного преступления.

Ключевые слова: терроризм, преступление, этимология, международно-правовые документы, общественная опасность, противодействие терроризму, насилие, экстремизм, политическое насилие, зарубежные ученые

Для цитирования: Канунникова Н.Г. К вопросу о специфических особенностях терроризма и определении его понятия // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2017. № 3. С. 135 - 141. DOI: 10.24420/KUI.2017.3(29).7378.

Introduction: the paper gives the analyses of the concept “terrorism” basing on the foreign and Russian scientific works. The purpose of the study is to review the definition “terrorism” in view of foreign and Russian scientific authors. The basic issues of the paper are confusion between terroristic and extremist activity, imbalance between regulatory framework and international rules. The relevance of the paper is defined by the danger of terrorism as a crime that threatens countries and citizens with its scale, direction, severity of consequences. These issues compel us to address its intrinsic character to find its origin.

Materials and Methods: author used the following scientific methods: system, structural and functional, scientific and analytical, comparative analysis.

Results: the genesis of the term «terror» is analyzed; on the basis of the international legal and domestic legislative framework, the legal characteristics of terrorism, developed at different times by legal scholars, have been systematized; positive developments of foreign criminal law are analyzed; the definition of «terrorism» is proposed.

Discussion and Conclusions: taking into account the specific features of terrorism, based on an analysis of the approaches to research into the phenomenon formulated in the scientific literature, the author proposes the following definition: terrorism is the ideological and physical methods of violent struggle, recognized as crimes related to encroachments on the life and health of persons, not related to the conflict, generating fear in an unlimited number of citizens for the purpose of influencing the bodies of state power, local self-government Or international organizations through the threat of undermining public security, the constitutional order and peace, and the security of mankind.

For citation: Kanunnikova N.G. On the issue of specific features of terrorism and the definition of its concept // Bulletin of Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2017. № 3. P. 135– 141. DOI: 10.24420/KUI.2017.3(29).7378.

Введение

Проявления терроризма во всех его формах несут угрозу человечеству. Это опасное явление современности влечет за собой военные провокации, межнациональную ненависть, сеет страх и недоверие между социальными группами. Террористические атаки довольно трудно прогнозировать, поэтому их не всегда удается своевременно предупредить, кроме того, они охватили все международное сообщество. В свете сложившейся ситуации на передний план выходят проблемы сущностной составляющей терроризма, которая необходима в целях поиска первопричины, его порождающей.

Для более глубокого анализа сущностных особенностей терроризма необходимо, прежде всего, обратиться к этимологии рассматриваемого понятия. Слово «террор» происходит от латинского слова “terror”, что означает страх, ужас. Истоки французского слова “terreur”, английского “terror” в латинском языке: terror – ужас, трепет, смятение. Возможные индоевропейские истоки tre – трепетать, дрожать, трястись¹. Дословный перевод раскрывает не само понятие террора, а лишь его прямое следствие на эмоциональном уровне. Со временем в понятие «террор» стали вкладывать не только значение прямого насилия, а сам процесс, который вызывает страх и ужас. В толковом словаре В.И. Даля терроризм² соотносится с методами преступной деятельности, связанными с устрашением смертью либо казнью. В словаре русского языка С.И. Ожегова под терроризмом понимается физическое насилие, вплоть до физического уничтожения, по отношению к политическим противникам³. Такую трактовку можно признать лишь частично, поскольку она сужает понятие терроризма и относит его к различного рода проявлениям в форме насилия в отношении политических противников, не учитывая того, что акты терроризма могут осуществляться в том числе и в отношении граждан. Принимая во внимание этимологические особенности рассматриваемого понятия, целесообразно отметить, что одним из конструктивных признаков терроризма являются методы борьбы,

связанные с посягательствами на жизнь и здоровье и порождающие страх у неограниченного числа граждан.

В международно-правовых документах под терроризмом понимается какое-либо деяние, признаваемое как преступление. В данном контексте, на наш взгляд, одним из основных международно-правовых документов выступает Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом⁴. В частности, под терроризмом в ней понимается какое-либо деяние, признаваемое в Приложении к настоящей Конвенции как преступление, а также любое другое деяние, направленное на то, чтобы вызвать смерть какого-либо гражданского лица или любого другого лица, не принимающего активного участия в военных действиях в ситуации вооруженного конфликта, или причинить ему тяжкое телесное повреждение, а также нанести значительный ущерб какому-либо материальному объекту. Кроме того, в данном документе под терроризмом понимается также организация, планирование такого деяния (преступления), пособничество в его совершении и подстрекательство к нему. Цель такого деяния, в силу его характера или контекста, заключается в том, чтобы запугать население, нарушить общественную безопасность или заставить органы власти либо международную организацию совершить какое-либо действие или воздержаться от его совершения. Универсальные международные антитеррористические конвенции предлагают альтернативный подход к определению целей террористического деяния, указывают на возможность совершения терактов для «устрашения (создания обстановки террора) населения», «воздействия на органы власти, физические или юридические лица». Договор Шанхайской организации сотрудничества в ст. 1 считает деяние террористическим, «когда цель такого деяния в силу его характера или контекста заключается в том, чтобы запугать население, нарушить общественную безопасность или заставить органы власти либо международную организацию совершить какое-либо действие или воздержаться от его совершения»¹.

Обзор литературы

Понятие терроризма в национальном праве Российской Федерации, как это неоднократно отмечалось отечественными учеными-правоведами, в целом соответствует общемировым стандартам [1, 2, 3, 4]. С.У. Дикаев пишет, что всего около 500 отечественных нормативных правовых актов касаются проблем борьбы с терроризмом [5]. Центральное место здесь занимает Федеральный закон «О противодействии терроризму»², который трактует терроризм как идеологию насилия и практику воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, связанную с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий. Хотя приведенное определение является, на наш взгляд, весьма спорным, однако в нем нашла свое закрепление его концептуальная особенность – указание на цель (воздействие на принятие решения органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями). Несмотря на то что отечественное антитеррористическое законодательство отличается разработанностью и масштабностью, можно отметить в ряде аспектов и в отдельных политико-юридических направлениях либо противоречия, либо неполноту в нормативном регулировании, несоответствие нормативно-правовой базы международным нормам. В частности, в вопросах системности изложения отечественного уголовного-правового материала прослеживается смешение понятий террористической и экстремистской деятельности. Эта проблема не является новой для российской правовой науки. Так, например, еще в 2010 г. А.И. Рарог указывал, что отечественное уголовное законодательство не отражает генетической связи экстремизма и терроризма [6, с. 67].

В современной отечественной юриспруденции существует множество научных мнений, трактовок, подходов, определяющих сущность понятия «терроризм», которые имеют право на существование и представляют различную правовую «палитру» [7, 8, 9, 10, 11]. Политический характер терроризма нашел свое отражение в ряде научных исследований по данной проблематике. Например, А.Э. Жалинский предлагает рассматривать терроризм как насильственный способ изменения существующего порядка [12], тем самым придавая

рассматриваемому явлению политическую окраску. По мнению А.И. Долговой, терроризм – это один из специфических видов насилия, используемых в процессе экстремистской деятельности, нацеленной на подрыв конституционного строя в двух направлениях: против конституционных прав и свобод человека и гражданина и против конституционной власти [13, с. 80]. В свою очередь, Ю.И. Авдеев рассматривает терроризм в качестве особого общественно-политического явления [14, с. 41-42]. По мнению Е.П. Сергуна, терроризм всегда имеет место только в сфере политических отношений вне зависимости от специфики его форм. Отличительной чертой терроризма является то, что его существование вне столкновения определенных политических стремлений по своей природе невозможно. Он всегда направлен на достижение определенных политических целей [15, с. 39].

Еще одной специфической чертой терроризма является особенность объектов психофизического насилия. Последние не участвуют в конфликте террористов и третьей стороны, могут часто даже не знать о таком конфликте. Жертвы непосредственно террористического насилия всегда неповинны в террористическом преступлении: «в террористических деяниях присутствует разрыв между невинными жертвами и адресатами психофизического посылка: стороной, к которой террористы предъявляют требования» [9].

Специфические особенности террористической деятельности позволяют в качестве доминирующей точки зрения в научной среде определять терроризм как крайнюю форму экстремизма. Например, по мнению С.Ю. Горбунова, терроризм является разновидностью экстремистских проявлений [16, с. 38-44]. В.А. Мальцев, определяя экстремизм как идеологию, политику и практику наиболее реакционных сил от ультраправых до ультралевых, указывает на то, что такие силы в политической борьбе за власть придерживаются крайних мер и средств насилия, вплоть до уничтожения противника, в этих рамках наиболее опасным в современных условиях является националистический терроризм» [17, с. 237]. Указанные обстоятельства предопределяют возможность соотношения терроризма и экстремизма как части и целого.

Другая точка зрения российского научного сообщества исследователей содержит предложение

¹Большой энциклопедический словарь. М.: АСТ; Астрель, 2003. 1020 с.

²Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: Наука, 1985. Т. 4. 829 с.

³Ожегов С.И. Словарь русского языка. М.: Наука, 1988. 645 с.

⁴Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом : заключена в Шанхае 15 июня 2001 г. URL: «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.04.2017).

¹Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом : заключена в Шанхае 15 июня 2001 г. // URL: «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.04.2017).

²О противодействии терроризму : Федеральный закон от 06 марта 2006 г. № 35 : с изм. и доп., вступ. в силу с 01 января 2017 г. (On Combating Terrorism: Federal Law)// URL: «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.04.2017).

четкого разграничения исследуемых явлений [18]. П.А. Кабанов пишет об инструментальном характере криминального политического экстремизма, о том, что он используется как средство для достижения различных политических целей как внутри страны, так и на международной арене [19, с. 44].

Материалы и методы

В процессе исследования были использованы системный, структурно-функциональный, научно-аналитический, сравнительный анализы и другие подходы. Системный подход применялся для рассмотрения общественных отношений в области обеспечения безопасности как целостного множества элементов в совокупности отношений и связей между ними; структурно-функциональный подход позволил выявить присущие терроризму специфические особенности; с помощью научно-аналитического подхода удалось объективно подойти к анализу исследуемой проблемы, изучив мнение авторитетных ученых в данной области исследования, представить авторскую трактовку терроризма; выявленные в ходе сравнительного анализа различия между такими исследуемыми в статье явлениями, как экстремизм и терроризм, подтвердили уникальность и специфичность терроризма через определение пределов его крайностей, его политизированность и мотивацию террористической деятельности.

Результаты исследования

По нашему мнению, терроризм и экстремизм, являясь родственными, взаимосвязанными и взаимообусловленными явлениями, не могут считаться синонимами, они нуждаются в законодательном разграничении. Соответственно, необходимо установить их легальные рамки. Разница между ними, как это указано в Шанхайской конвенции, должна определяться по цели и мотиву деяния. Аналогичную позицию занимают Ю.В. Горбунов [20], В.В. Устинов [21], указывая, что разграничение терроризма и схожих с ним явлений должно происходить прежде всего по цели деяния.

Международные антитеррористические конвенции предлагают альтернативный подход к определению целей террористического деяния, указывают на возможность совершения терактов для «устрашения (создания обстановки террора) населения», «воздействия на органы власти, физические или юридические лица». Договор в ст. 1 считает деяние террористическим, «когда цель такого деяния в силу его характера или контекста заключается в том, чтобы запугать население, нару-

шить общественную безопасность или заставить органы власти либо международную организацию совершить какое-либо действие или воздержаться от его совершения»¹. В российском уголовном законе устрашение населения понимается как последствие действия и оценивается в структуре объективной стороны [22]. Таким образом, по нашему мнению, наблюдается расхождение в юридической оценке элемента «устрашение населения» на международном и отечественном национальном уровнях.

Рассматривая специфические особенности терроризма, следует определить пределы его крайности. Современные научные работы, отражающие сущность терроризма, включают в себя критерии классификации терроризма, определяющие его специфические черты с учетом целей и средств их достижения. Так, по мнению В.В. Журавлева, целью терроризма являются исключительно политические результаты, а методы достижения поставленных целей обязательно связаны с применением насилия [23, с. 82].

Учитывая исключительную политизированность современного терроризма, для подтверждения его сущности, содержащейся в целях и способах их достижения, целесообразно обратиться к достижениям политологии в данной области. Данная наука понимает терроризм как особую форму политического насилия, характеризующуюся жестокостью, целенаправленностью и кажущейся эффективностью² [24], что еще раз указывает на специфическую цель, присущую непосредственно всем преступлениям данной направленности, и конструктивный признак терроризма, характеризующий способы достижения желаемого результата.

Научные исследования зарубежных ученых по данной проблеме также указывают на политизированность терроризма. Обязательными компонентами терроризма, по мнению германских исследователей, являются: наличие политической цели; целенаправленное применение насилия для устрашения; наличие организационной структуры; общественная изоляция субъектов террористической деятельности [25, с. 130-135]. Зарубежные юристы рассматривают терроризм как деятельность некоторых экстремальных групп, пытающихся при помощи политических убийств, похищения заложников, угонов самолетов и других подобных актов обратить внимание общественности на выдвигаемые ими лозунги или заставить правительства пойти им на уступки [26, с. 3-4].

¹Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом от 15 июня 2001 г.// URL: «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.04.2017).

²Ю.И. Аверьянов. Политология: энциклопедический словарь. М.: Моск. коммерч. ун-т, 1993. 431 с.

Терроризм имеет еще один специфический признак – мотивацию террористической деятельности, вопрос о которой, по нашему мнению, остается дискуссионным. Одни ученые предусматривают в легальной дефиниции террористического акта указание на возможные мотивы поведения террористов (политическая, идеологическая, расовая, национальная или религиозная ненависть и т.д.) [6, с. 78]. Другие отводят мотиву роль предшественника умыслу, который направлен на:

-создание высокой общественной опасности, возникающей в результате совершения общеопасных действий либо угрозы таковыми (при этом он охватывает причинение смерти лицам, которые находятся вблизи места преступления);

-публичный характер исполнения;

-преднамеренное нагнетание обстановки всеобщего страха, подавленности, напряженности [27, с. 29].

Обсуждение и заключения

По нашему мнению, нецелесообразно задаваться вопросом, влияет ли мотивация террористических атак на правильную квалификацию данного деяния. Думается, что в случае признания самостоятельной цели устрашение населения стано-

вится юридически слабо значимой причина (побуждение) девиантного поведения. Терроризм не может быть оправдан никакими мотивами и обстоятельствами. Террористическое деяние может совершаться с расистскими, националистическими и иными подобными мотивами. Этот момент не влияет на природу теракта, но имеет значение для полной характеристики деяния, выяснения всех обстоятельств дела, назначения справедливого индивидуализированного наказания.

На основании вышеизложенного, учитывая специфические особенности терроризма, основываясь на анализе сформулированных в научной литературе подходов к исследованию данного явления, мы предлагаем следующее определение терроризма: *это идеологические и физические методы насильственной борьбы, признаваемые как преступления, связанные с посягательствами на жизнь и здоровье лиц, не имеющих отношения к конфликту, порождающие страх у неограниченного числа граждан с целью воздействия на органы государственной власти, местного самоуправления или международные организации через угрозу подрыва общественной безопасности, конституционного строя и мира, а также безопасности*

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Узденов Р.М. Проблемы совершенствования уголовно-правовых норм в сфере противодействия терроризму// Актуальные проблемы современного уголовного права и криминологии : сб. науч. тр., посвященных Дню российской науки. – Ставрополь, 2010. С. 197.
2. Цепелев В. Европейская конвенция о пресечении терроризма теперь обязательна и для России // Российская юстиция. 2001. № 2. С. 21.
3. Казакова В.А., Фирсаков С.В. Нормативное регулирование борьбы с преступлениями террористического характера // Право и политика. 2000. № 12. С. 77.
4. Савельев В.А. Об имплементации в российском законодательстве международных договоров Российской Федерации по борьбе с терроризмом // Транспортное право. 2002. № 1. С. 46.
5. Дикаев С.У. Террор, терроризм и преступления террористического характера: Криминологическое и уголовно-правовое исследование. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2001. 215 с.
6. Рарог А.И. Соотношение между экстремизмом и терроризмом // Юрист-Правовед. 2010. № 6. С. 67.
7. Требин М.П. Терроризм в XXI веке. Минск.: Харвест, 2004.
8. Кожушко Е.П. Современный терроризм: анализ основных / под общ. ред. А.Е. Тараса. Минск : Харвест, 2000.
9. Терроризм: борьба и проблемы противодействия: учеб. пос. для студентов юр. вузов / под ред. проф. В.Я. Кикотя, проф. Н.Д. Эриашвили. М. : Юнити, 2004.
10. Гундарь Е.С. Терроризм как форма политического //Антитеррор. 2003. № 1.
11. Терроризм: психологические корни и правовые оценки: Круглый стол журнала // Государство и право. 1995. № 4. С. 23 – 24.
12. Жалинский А.Э. Терроризм: психологические нормы и правовые оценки // Государство и право. 1995. № 12.
13. Долгова А.И., Гуськов А.Я., Чуганов Е.Г. Проблемы правового регулирования борьбы с экстремизмом и правоприменительной практики. М.: Академия Генеральной прокуратуры РФ, 2010. С. 80.
14. Авдеев Ю.И. Терроризм как социально-политическое явление // Современный терроризм: состояние и перспективы (Modern Terrorism: condition and opportunities)/ под ред. Е.И. Степанова. М., 2000. С. 41 – 42.

15. Сергун Е.П. Экстремизм в российском уголовном праве (Extremism in Russian Law on Criminal Procedure): дис. ... канд. юрид. наук. Тамбов, 2009. 235 с.
16. Горбунов Ю.С. К вопросу о правовом регулировании противодействия терроризму (The issue on Law Regulation of Combating Terrorism) // Журнал российского права. 2007. № 2. С. 38 – 44.
17. Мальцев В.А. Основы политологии (Fundamentals of political science): учебник для вузов. 2-е изд., перераб. М.: ИТРК РСПП, 1997. 480 с.
18. Колесников Д.В. Некоторые аспекты уголовно-правового противодействия терроризму (Aspects of Criminal Justice Response to Terrorism) // Вестник национального антитеррористического комитета. 2010. № 2. С. 81.
19. Кабанов П.А. Криминальный политический экстремизм: понятие, сущность и классификация (Criminal Political Extremism: its Concept, Subject Matter and Classification) // Следователь. 2005. № 12. С. 44.
20. Горбунов Ю.С. Терроризм и правовое регулирование противодействия ему (Terrorism and statutory regulation of combating terrorism). М.: Молодая гвардия, 2008. С. 174–190.
21. Устинов В.В. Обвиняется терроризм. М.: Олма-пресс. 2002.
22. Бурковская В.А., Маркина Е.А., Мельник В.В., Решетова Н.Ю. Уголовное преследование терроризма (Prosecution of terrorism) М.: Юрайт, 2008. 160 с.
23. Журавлев В.В. Этот неуловимый терроризм (That elusive terrorism) // Россия в условиях трансформации ФРПЦ. М., 2001. Вып. 15 – 16. С. 82.
24. Аверьянов Ю.И. Политология: энциклопедический словарь. М.: Моск. коммерч. ун-т, 1993.
25. Пфаль-Траугзер А. Правый терроризм в ФРГ (Right-wing terrorism) // Актуальные проблемы Европы (Current problems of Europe). 1997. № 4. С. 130-135.
26. Борьба с преступностью за рубежом (по материалам зарубежной печати) // Ежемесячный информационный бюллетень. М., 1997. № 12. С. 3-4.
27. Выявление закономерностей формирования умысла на совершение преступлений террористического характера: методические рекомендации / М.: ВНИИ МВД России. 2008.
28. Хлебущкин А.Г. Экстремизм: уголовно-правовой и уголовно-политический анализ (Extremism: criminal justice and politically criminal analysis). Саратов: Изд-во Саратовского юрид. ин-та МВД России, 2007. С. 8.
29. Сысоев А.М. Об уточнении категорий преступлений экстремистской направленности (On Specification of Grades of Extremist Offences) // Российский юридический журнал. 2008. № 4. С. 128.

REFERENCES

1. Uzdenov R.M. Problemy sovershenstvovaniya ugovolno-pravovyh norm v sfere protivodejstviya terrorizmu // Aktual'nye problemy sovremennogo ugovolnogo prava i kriminologii : sb. nauch. tr., posvjashhennyh Dnju rossijskoj nauki. – Stavropol', 2010. S. 197.
2. Sepelev V. Evropejskaja konvencija o presechenii terrorizma teper' objazatel'na i dlja Rossii // Rossijskaja justicija. 2001. № 2. S. 21.
3. Kazakova V.A., Firsakov S.V. Normativnoe regulirovanie bor'by s prestuplenijami terroristicheskogo haraktera // Pravo i politika. 2000. № 12. S. 77.
4. Savel'ev V.A. Ob implementacii v rossijskom zakonodatel'stve mezhdunarodnyh dogovorov Rossijskoj Federacii po bor'be s terrorizmom // Transportnoe pravo. 2002. № 1. S. 46.
5. Dikaev S.U. Terror, terrorizm i prestuplenija terroristicheskogo haraktera: Kriminologicheskoe i ugovolno-pravovoe issledovanie. SPb.: Jurid. centr Press, 2001. 215 s.
6. Rarog A.I. Sootnoshenie mezhdru jekstremizmom i terrorizmom // Jurist-Pravoved#. 2010. № 6. S. 67.
7. Trebin M.P. Terrorizm v XXI veke. Minsk.: Harvest, 2004.
8. Kozhushko E.P. Sovremennij terrorizm: analiz osnovnyh / pod obshh. red. A.E. Tarasa. Minsk : Harvest, 2000.
9. Terrorizm: bor'ba i problemy protivodejstviya: ucheb. pos. dlja studentov jur. vuzov / pod red. prof. V.Ja. Kikotja, prof. N.D. Jeriashvili. M. : Juniti, 2004.
10. Gundar' E.S. Terrorizm kak forma politicheskogo // Antiterror. 2003. № 1.
11. Terrorizm: psihologicheskie korni i pravovye ocenki: Kruglyj stol zhurnala // Gosudarstvo i pravo. 1995. № 4. S. 23 – 24.
12. Zhalinskij A.Je. Terrorizm: psihologicheskie normy i pravovye ocenki // Gosudarstvo i pravo. 1995. № 12.
13. Dolgova A.I., Gus'kov A.Ja., Chuganov E.G. Problemy pravovogo regulirovanija bor'by s jekstremizmom i pravoprimeritel'noj praktiki. M.: Akademiya General'noj prokuratury RF, 2010. S. 80.

14. Avdeev Ju.I. Terrorizm kak social'no-politicheskoe javlenie // Sovremennij terrorizm: sostojanie i perspektivy (Modern Terrorism: condition and opportunities)/ pod red. E.I. Stepanova. M., 2000. S. 41 – 42.
15. Sergun E.P. Jekstremizm v rossijskom ugovolnom prave (Extremism in Russian law on criminal procedure): dis. ... kand. jurid. nauk. Tambov, 2009. 235 s.
16. Gorbunov Ju.S. K voprosu o pravovom regulirovanii protivodejstvija terrorizmu (The issue on law regulation of combating terrorism) // Zhurnal rossijskogo prava. 2007. № 2. S. 38 – 44.
17. Mal'cev V.A. Osnovy politologii (Fundamentals of political science): uchebnik dlja vuzov. 2-e izd., pererab. M.: ITRK RSPP, 1997. 480 s.
18. Kolesnikov D.V. Nekotorye aspekty ugovolno-pravovogo protivodejstvija terrorizmu (Aspects of Criminal Justice Response to Terrorism) // Vestnik nacional'nogo antiterroristicheskogo komiteta. 2010. № 2. S. 81.
19. Kabanov P.A. Kriminal'nyj politicheskij jekstremizm: ponjatie, sushhnost' i klassifikacija (Criminal Political Extremism: its Concept, Subject Matter and Classification) // Sledovatel'. 2005. № 12. S. 44.
20. Gorbunov Ju.S. Terrorizm i pravovoe regulirovanie protivodejstvija emu (Terrorism and statutory regulation of combating terrorism). M.: Molodaja gvardija, 2008. S. 174–190.
21. Ustinov V.V. Obvinjaetsja terrorizm. M.: Olma-press. 2002.
22. Burkovskaja V.A., Markina E.A., Mel'nik V.V., Reshetova N.Ju. Ugolovnoe presledovanie terrorizma (Prosecution of terrorism) M.: Jurajt, 2008. 160 s.
23. Zhuravlev V.V. Jetot neulovimyj terrorizm (That elusive terrorism) // Rossiya v uslovijah transformacii FRPC. M., 2001. Vyp. 15 – 16. S. 82.
24. Aver'janov Ju.I. Politologija: jenciklopedicheskij slovar'. M.: Mosk. kommerch. un-t, 1993.
25. Pfal'-Traugzer A. Pravyj terrorizm v FRG (Right-wing terrorism) // Aktual'nye problemy Evropy (Current problems of Europe). 1997. № 4. S. 130-135.
26. Bor'ba s prestupnost'ju za rubezhom (po materialam zarubezhnoj pechati) // Ezhemesjachnyj informacionnyj bjulleten'. M., 1997. № 12. S. 3-4.
27. Vyjavlenie zakonornostej formirovanija umysla na sovershenie prestuplenij terroristicheskogo haraktera: metodicheskie rekomendacii / M.: VNII MVD Rossii. 2008.
28. Hlebushkin A.G. Jekstremizm: ugovolno-pravovoj i ugovolno-politicheskij analiz (Extremism: criminal justice and politically criminal analysis). Saratov: Izd-vo Saratovskogo jurid. in-ta MVD Rossii, 2007. S. 8.
29. Sysoev A.M. Ob utochnenii kategorij prestuplenij jekstremistskoj napravlenosti (On Specification of Grades of Extremist Offences) // Rossijskij juridicheskij zhurnal. 2008. № 4. S. 128.

Об авторе: Канунникова Наталья Геннадьевна, кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры организации правоохранительной деятельности Краснодарского университета МВД России
e-mail: natali6977@yandex.ru

©Канунникова Н.Г., 2017

About the author: Natalia G. Kanunnikova, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of the Organization of Law Enforcement Activity of Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation,
e-mail: natali6977@yandex.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.
The author have read and approved the final manuscript.

УДК 378.1

DOI: 10.24420/KUI.2017.3(29).7379

В.Б. Синников

**ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ДУАЛЬНОГО МЕТОДА ОБУЧЕНИЯ
В ПОДГОТОВКЕ БУДУЩИХ СОТРУДНИКОВ ПОЛИЦИИ
В ВЕДОМСТВЕННЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ
ОРГАНИЗАЦИЯХ:
МЕЖДУ ОБРАЗОВАНИЕМ И ПРАКТИКОЙ**

**THE USE OF DUAL TRAINING METHOD IN PREPARATION
OF THE FUTURE POLICE OFFICERS IN OFFICIAL
EDUCATIONAL ESTABLISHMENT: BETWEEN EDUCATION
AND EXPERIENCE**



Введение: актуальность заявленной темы заключается в необходимости усиления практической составляющей при подготовке сотрудников полиции Российской Федерации. Целью статьи является анализ эффективности зарубежного опыта подготовки полицейских (на примере дуального метода обучения в Германии).

Материалы и методы: автором использованы теоретические методы исследования: системно-структурный и сравнительный анализ, синтез, моделирование, описательный.

Результаты исследования: проведен сравнительный анализ зарубежного опыта подготовки полицейских с использованием дуального метода и особенностей организации учебного процесса по подготовке сотрудников полиции в отечественных ведомственных образовательных организациях.

Обсуждение и заключения: автор предлагает активно использовать потенциал дуального метода, реализуемого при подготовке полицейских в Германии, а также вносит предложения по совершенствованию методики обучения будущих сотрудников полиции, подчеркивая особую важность отбора кадров для педагогической работы в ведомственном вузе.

Ключевые слова: дуальный метод, практическая составляющая в обучении, подготовка полицейских.

Для цитирования: Синников В.Б. Использование дуального метода обучения в подготовке будущих сотрудников полиции в ведомственных образовательных организациях: между образованием и практикой // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2017. Т. 7, № 3. С. 142 - 147. DOI: 10.24420/KUI.2017.3(29).7379.

Introduction: the urgency of the topic lies in the need to strengthen the practical component in the training of police officers of the Russian Federation. The purpose of this paper is to analyze the efficiency of foreign experience of police training (for example, the dual method of teaching in Germany).

Materials and Methods: the author used theoretical research methods: systemic analysis, synthesis, modeling, descriptive, comparative analysis of police training programmes in Germany and the Russian Federation.

Results: a comparative analysis of foreign experience of police training with the use of the dual method and the features of organization of educational process on training of police in domestic departmental educational organizations was carried out.

Discussion and Conclusions: the author proposes to use actively the potential of the dual method, implemented with the training of police officers in Germany, and makes suggestions for improving the methods of teaching future police officers, stressing the particular importance of the selection of personnel for pedagogical work in the departmental University.

Key words: the dual method, a practical component in training, police training.

For citation: Sinnikov V.B. The Use of Dual Training Method in Preparation of the Future Police Officers in Official Educational Establishment: Between Education and Experience // Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. 2017. V. 7, № 3. P. DOI: 10.24420/KUI.2017.3(29).7379.

Введение

Несмотря на определенные положительные изменения в складывающейся общественно-политической и криминогенной обстановке в стране, результаты деятельности органов внутренних дел до сих пор не в полной мере соответствуют ожиданиям граждан Российской Федерации.

Непрерывный рост профессионализма в преступной среде, появление новых видов правонарушений, связанных с использованием достижений научно-технического прогресса, значительное возрастание опасности экономической преступности предъявляют более высокие требования к уровню профессионализма, интеллектуальной и специальной подготовки кадров для правоохранительных органов.

Практика показывает, что современный выпускник ведомственных образовательных организаций, оказываясь в достаточно сложной криминогенной обстановке, в ряде случаев не отвечает требованиям профессиональной компетентности, не является «мобильным» специалистом, сужаются поле его профессиональной деятельности и возможности реализации профессиональных функций. Высказываются замечания к качеству подготовки кадров и территориальными органами.

В связи с этим возникает потребность в изменении процесса профессиональной подготовки выпускника, призванного помочь ему не только «настроиться» на будущую профессиональную деятельность, но и адаптироваться к ней в кратчайшие сроки.

Анализ процесса обучения в ведомственном вузе и опросы выпускников показывают, что учебная деятельность обучаемых по-прежнему значительно отличается по существу и структуре от будущей профессиональной деятельности [1,2]. Традиционно предметные знания и умения выступают в качестве основной цели изучения учебных дисциплин, но не в полной мере ориентированы на главную цель подготовки специалиста, на его профессиональную карьеру.

В связи с вышеизложенным возникает закономерный интерес к процессу подготовки специалистов для правоохранительных органов в других странах. Так, по линии деятельности Международной полицейской ассоциации были организованы зарубежные командировки сотрудников Казанского юридического института МВД России, в результате которых был изучен иностранный опыт подготовки полицейских.

Обзор литературы

Несмотря на то что опыт использования дуального метода подготовки специалистов в российской системе образования присутствует достаточно

давно, обращение к нему в последнее десятилетие логически обусловлено: внедрению дуального метода подготовки специалиста в профессиональном образовании посвящены работы В.В. Землянского [3], проблема моделирования процесса профессиональной подготовки будущих специалистов в педагогической науке и практико-ориентированная образовательная технология рассматривались И.Б. Игнатовой, Е.А. Покровской [4], требования к подготовке специалиста в системе среднего профессионального образования изучали В.В. Кольга, М.А. Шувалова [5]. Исключительный интерес представляет анализ преимуществ дуальной системы высшего профессионального образования перед традиционной, изложенный в исследовании отечественного ученого Е.В. Терещенковой и доктора Гейдельбергского университета (Германия) М. Бернхарда [6], поскольку наибольшую популярность метод дуальной подготовки специалиста получил именно в Германии, где вся образовательная модель подготовки специалиста строится на основе этого метода. Поиску новых форм и методов повышения эффективности профессионального обучения сотрудников органов внутренних дел в Российской Федерации посвящено научное исследование А.В. Франка [7].

Будучи в составе российской делегации, автор статьи имел возможность изучить опыт подготовки полицейских в Федеральной земле Северный Рейн-Вестфалия (Германия). В настоящей статье предпринята попытка анализа и обобщения полученных наблюдений.

Результаты исследования

Дуальный метод подготовки подразумевает преобладание практической составляющей в обучении, когда теоретическая подготовка осуществляется в стенах учебного заведения, а практика проводится непосредственно на местах будущей службы. Анализируя систему профессиональной подготовки специалиста в Германии, можно отметить ряд преимуществ, как для заказчика-работодателя, так и для соискателя.

Первый, на плечи которого, по сути, и возложены основные расходы по подготовке кадров, получает возможность выявить уровень подготовленности будущих специалистов, максимально соответствующий всем его требованиям, непосредственно в условиях предстоящей службы, не несет расходы по поиску и подбору сотрудников, их переучиванию и адаптации и в конечном итоге имеет возможность отбирать лучших специалистов.

Преимущества для обучающихся заключаются в том, что, работая не с текстами и знаковыми системами, а со служебными ситуациями, они осваивают профессию через практику, решение ре-

альных профессиональных задач, получают возможность лучше узнать деятельность полиции, почувствовать себя в коллективе, что само по себе уже способствует закреплению кадров, уменьшению текучести. Кроме того, обучающиеся получают возможности для управления собственной карьерой. Как утверждают специалисты, обучающиеся по дуальной системе отличаются высокая мотивация и самостоятельность в работе. Таким образом, дуальная система обеспечивает плавное вхождение в трудовую (служебную) деятельность без неизбежного для других форм обучения стресса, вызванного недостатком информации и слабой практической подготовкой. Она позволяет не только научиться выполнять конкретные служебные обязанности, но и развивает умение работать в коллективе, формирует социальную компетентность и ответственность¹.

Несомненными плюсами дуального подхода для государства является то, что при такой системе подготовки специалиста государство имеет возможность координировать процесс и законодательное регулирование обучения; во-вторых, не несет затрат на подготовку квалифицированных специалистов.

Каким же образом реализуется дуальный метод при подготовке сотрудника полиции?

Подготовка сотрудников правоохранительных органов в Федеративной Республике Германии осуществляется, как правило, в полицейских школах (центрах подготовки сотрудников полиции). В Германии существуют так называемые колледжи полиции (академии), где готовят офицеров полиции (высшая ступень подготовки). Программа подготовки сотрудников полиции может отличаться в каждой земле (округе). Несмотря на это, общим в организации подготовки полицейских, как мы уже отметили, является именно дуальный метод подготовки специалистов, характерный для всей образовательной системы ФРГ.

Так, например, подготовка сотрудников полиции Гамбурга осуществляется по специализации деятельности портовой и уголовной полиции и в общей сложности занимает 2,5 года.

Что же представляет собой содержание программы обучения полиции Гамбурга²? На сайте Академии полиции Гамбурга обозначена цель подготовки специалиста: обучение и развитие личности обучающегося, содействие построению его карьеры. Выпускники должны усвоить ценностные суждения Основного закона, беспристрастно и независимо осуществлять

самоконтролируемые действия в соответствии с конституционными принципами и стандартами и уметь применять соответствующие решения.

Теоретическая подготовка включает в себя изучение следующих разделов: уголовное и уголовно-процессуальное право, философия, деликтное право, профессия полицейского, доктрина полиции, судебно-медицинская экспертиза, общее административное (полицейское право), закон о применении оружия, закон о государственных услугах, гражданское право, наркотики, окружающая среда, политика. Также предполагается изучение немецкого и английского языков.

Знакомство автора статьи с программой подготовки сотрудников полиции в Земле Северный Рейн-Вестфалия позволило выделить ряд положительных моментов, использование которых в отечественном процессе подготовки сотрудников правоохранительных органов представляется крайне целесообразным.

Организация учебной деятельности в Германии на 1 году обучения включает в себя 31 неделю теоретического курса. По окончании первого курса проводится десятидневный тренинг в учебном центре и пятидневная практическая подготовка в районных отделениях полиции.

На втором курсе предполагается теоретическая подготовка продолжительностью 35 недель в образовательной организации. При этом доля практической составляющей в обучении увеличивается до 15 недель, а практические занятия проводятся в самом учебном центре.

Обучение на третьем курсе начинается с практической подготовки в районных отделениях полиции и составляет 12 недель (непосредственное выполнение практических задач в органах по местам будущей службы). Теоретическая подготовка предусмотрена в середине обучения и составляет 15 недель. Затем следует тренинг (6 недель), практические занятия (6 недель) в учебном центре и практические занятия в виде итоговой практики (4 недели). В среднем практическая составляющая обучения в Германии по программам подготовки специалистов 1 базового уровня (основного, что позволяет работать в полиции) за три года составляет порядка 40%.

Для сравнения обратимся к программе подготовки специалистов для органов полиции в отечественных ведомственных образовательных организациях высшего образования. Так, программа подготовки специалистов по специальности «Правовое обеспечение национальной безопасности»

состоит из двух блоков. 1 блок состоит из базовой части, в том числе дисциплин специализации (включается вариативная часть, в том числе дисциплины по выбору), нескольких модулей внутри базовой части: специальной подготовки, дисциплин по специализации и физической подготовке. Блок 2 – 25% времени обучения отводит на практику (7% - на научно-исследовательскую работу).

Таким образом, налицо небольшой удельный вес практической составляющей обучения.

Учебный план базируется непосредственно на требованиях государственного образовательного стандарта Министерства образования и науки Российской Федерации, недостаточно, но нашему мнению, учитывающего будущую узкоспециальную направленность выпускника. Как следствие, теоретическая подготовка преобладает, а предусмотренные программой практические занятия не позволяют в достаточном объеме сформировать умения и навыки, необходимые для решения практических задач, особенно если эти задачи носят интегративный характер.

Спецкурсы, которые вводятся на последнем этапе обучения, являются краткосрочными и имеют либо узко избирательный характер, либо предполагаются к решению всеми, без учета личностных особенностей обучаемых.

Специфика службы в полицейских подразделениях (например, в уголовном розыске, в подразделениях по борьбе с незаконным оборотом наркотиков) предъявляет свои требования к необходимости в специализации. Если предполагается служба в области высоких технологий или в иных подразделениях, то для таких выпускников должны быть организованы «узкопрофильные» курсы, ориентированные на подготовку специалистов в соответствующей области знаний. Наши же ведомственные вузы выпускают специалистов широкого профиля. Безусловно, опыт формирования «профильных» групп на основе заинтересованных подразделений имеется. Однако такая подготовка зачастую носит пожелательно-рекомендательный характер, в зависимости от заинтересованности как образовательной организации, так и от заявок территориальных подразделений при подборе будущих специалистов на старших курсах. Считаем, что данный процесс должен носить более организованный и обязательный характер по отбору и подготовке на спецкурсах, исходя из специфики будущей профессиональной деятельности выпускника. Необходимо отметить еще такой важный, на наш взгляд, момент, как учет склонностей и способностей выпускников, который, как правило, не принимается во внимание: набор в «профильные» группы осуществляется, прежде всего,

по желанию. Из кандидатов отбирают уже подходящих под должности. При этом исследования по определению склонностей для деятельности в тех или иных структурах могли бы быть заранее проведены, если бы внедрение практической составляющей проводилось уже с младших курсов. В данном случае существует возможность изучить склонности обучающихся, их способность к адаптации и развитию положительных качеств, проявленных в период практики.

Одним из немаловажных аспектов реализации подготовки сотрудников полиции в рамках дуального метода обучения является подбор педагогических кадров.

В Германии со специалистами, которые достигают высоких показателей в служебной деятельности, а также являются наиболее подготовленными и способными к педагогической деятельности сотрудниками, заключается контракт на четыре года. Уровень соответствия преподавателя требованиям, предъявляемым к педагогическим кадрам, определяют специалисты учебного центра: выявляют таких специалистов, организуют с ними занятия по методике преподавания дисциплин. Предусмотрена возможность продления контракта с преподавателем максимум еще на один год. Таким образом, срок нахождения преподавателя в учебном центре – 5 лет. После этого он возвращается в подразделение, из которого был направлен в учебный центр. То есть преподаватель четко осознает, что через определенный конкретный период ему необходимо будет вернуться в то подразделение, из которого он прибыл, и находиться в образовательной организации до окончания своей службы он не сможет.

Обратимся к российскому опыту отбора кандидатов на преподавательскую должность. Право занять эту должность в российском ведомственном вузе кандидат отстаивает через дополнительное послевузовское обучение в адъюнктуре, получение ученой степени и звания или приглашается из числа практических работников ОВД или гражданских специалистов. Однако, придя в ведомственную образовательную организацию на преподавательскую работу, он, как правило, завершает свою практическую деятельность, используя тот багаж знаний и опыта, которые были получены прежде. Краткосрочные курсы повышения квалификации опять же предполагают классные занятия с минимальным набором практических занятий в территориальных органах, где он находится также в роли обучающегося (стажера, наблюдателя), который наблюдает за процессом со стороны. Он не производит каких-либо самостоятельных процессуальных действий. Можно сказать, что подоб-

¹URL: <https://www.azubiyo.de/ausbildung/duale-ausbildung/> (дата обращения 28 июля 2017).

²URL : <http://www.akademie-der-polizei.hamburg.de> (дата обращения 17.08.2017).

ные стажировки носят «условно практический» характер, декларативный. В то же время приглашение сотрудников из территориальных органов для участия в приеме экзаменов, чтения отдельных лекций носит не системный, а разовый характер, что также не способствует передаче практического опыта курсантам и слушателям.

Обсуждение и заключения

Обобщая изложенное, можно сформулировать некоторые предложения по совершенствованию учебного процесса в ведомственных образовательных организациях:

во-первых, представляется необходимым уделить пристальное внимание увеличению доли практической составляющей в подготовке специ-

алистов для органов внутренних дел, которую необходимо реализовывать с учетом личностных качеств обучающихся, заявок и рекомендаций заинтересованных территориальных органов;

во-вторых, имеется необходимость в пересмотре программы подготовки будущих сотрудников полиции: перенести акцент с теоретизированной подготовки на практические занятия с учетом условий будущей службы;

в-третьих, считаем целесообразным для осуществления преподавания отдельных практических дисциплин в вузе привлекать сотрудников из правоохранительных органов, предусмотрев их трудоустройство на контрактной основе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Синников В.Б. Специфика профессиональной адаптации выпускников ведомственных вузов в территориальных органах // Социально-правовые проблемы укрепления правопорядка и борьбы с преступностью: сборник материалов итоговой научно-практической конференции. Казань: КЮИ МВД России, 2004. С. 97-10.
2. Синников В.Б. Профессиональная подготовка и адаптация молодых специалистов-выпускников ведомственных вузов: учебно-методическое пособие. Казань: КЮИ МВД России, 2008.
3. Землянский В.В. Дуальная система подготовки специалистов как форма интеграции профессионального образования и производства // Интеграция образования. 2010. № 3. С. 9 -14.
4. Игнатова И.Б., Покровская Е.А. Моделирование процесса профессиональной подготовки студентов в вузах социокультурной сферы на принципе дуальной системы обучения // Вестник ТГУ. 2015. Вып.3 (3). С. 63-69.
5. Кольга В.В., Шувалова М.А. Подготовка современных специалистов в системе дуального образования // Вестник КГПУ им.В.П. Астафьева. 2014. № 3 (29). С. 66-69.
6. Терещенкова Е.В., Бернхард М. Дуальное образование как инновационный формат системы высшего профессионального образования // Вестник МГЭИ. 2014. № 1. С. 21- 41.
7. Франк А.В. Педагогические особенности начального профессионального образования сотрудников полиции Германии: дис. ... канд.пед.наук. М., 2002.

REFERENCES

1. Sinnikov V.B. Specifika professional'noj adaptacii vypusknikov vedomstvennyh vuzov v territorial'nyh organah // Social'no-pravovye problemy ukrepleniya pravoporyadka i bor'by s prestupnost'yu: sbornik materialov itogovoj nauchno-prakticheskoy konferencii. Kazan': KYUI MVD Rossii, 2004. S. 97-10.
2. Sinnikov V.B. Professional'naya podgotovka i adaptaciya molodyh specialistov-vypusknikov vedomstvennyh vuzov: uchebno-metodicheskoe posobie. Kazan': KYUI MVD Rossii, 2008.
3. Zemlyanskij V.V. Dual'naya sistema podgotovki specialistov kak forma integracii professional'nogo obrazovaniya i proizvodstva // Integraciya obrazovaniya. 2010. № 3. S. 9 -14.
4. Ignatova I.B., Pokrovskaya E.A. Modelirovanie processa professional'noj podgotovki studentov v vuzah sociokul'turnoj sfery na principe dual'noj sistemy obucheniya // Vestnik TGU. 2015. Vyp.3 (3). S. 63-69.
5. Kol'ga V.V., SHuvalova M.A. Podgotovka sovremennyh specialistov v sisteme dual'nogo obrazovaniya // Vestnik KGPU im.V.P. Astaf'eva. 2014. № 3 (29). S. 66-69.
6. Tereshchenkova E.V., Bernhard M. Dual'noe obrazovanie kak innovacionnyj format sistemy vysshego professional'nogo obrazovaniya // Vestnik MGEI. 2014. № 1. S. 21- 41.
7. Frank A.V. Pedagogicheskie osobennosti nachal'nogo professional'nogo obrazovaniya sotrudnikov policii Germanii: dis. ... kand.ped.nauk. M., 2002.

Об авторе: Синников Владимир Борисович, кандидат педагогических наук, доцент, заместитель начальника Казанского юридического института МВД России (по организации службы)

©Синников В.Б., 2017

About the author: Sinnikov Vladimir B., Candidate of Pedagogic Sciences, Assistant Professor, Executive of Kazan Law Institute of MIA of Russia.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The author have read and approved the final manuscript.

**Требования, предъявляемые к статьям, направляемым в журнал
«Вестник Казанского юридического института МВД России»**

1. Принимаются оригинальные научные статьи на русском языке, соответствующие профилю Журнала и отражающие результаты теоретических и/или экспериментальных исследований авторов. Не допускается направление в редакцию уже опубликованных статей или статей, отправленных на публикацию в другие журналы.

2. Статья представляется в редакцию Журнала в электронном виде. К статье прилагается цветная фотография автора в цифровом формате (JPEG) с разрешением не менее 1024x768 пикселей (в повседневной форме, без головного убора, на нейтральном фоне). Редакция оставляет за собой право на редактирование статей, без изменения их научного содержания. Статьи, соответствующие указанным требованиям, проверяются программой «Антиплагиат». Не принимаются статьи, имеющие менее 70% оригинального текста.

3. Необходимо указать УДК (<http://www.udk-codes.net/>).

4. Заголовок статьи (на русском и английском языках) должен кратко (не более 10 слов) и точно отражать содержание статьи, тематику и результаты проведенного научного исследования. В него необходимо вложить как информативность, так и привлекательность, уникальность научного творчества автора.

5. Аннотация (на русском и английском языках) выполняет функцию расширенного названия статьи и повествует о ее содержании. Рекомендуемый объем аннотации – 200–250 слов.

6. Ключевые слова (на русском и английском языках) являются поисковым образом научной статьи. Во всех библиографических базах данных возможен поиск статей по ключевым словам. В связи с этим, они должны отражать основные положения, достижения, результаты, терминологию научного исследования. Рекомендуемое количество ключевых слов – 5–10.

7. Основной текст статьи излагается на русском языке в определенной последовательности:

- 1) Введение (Introduction);
- 2) Обзор литературы (Literature Review);
- 3) Материалы и методы (Materials and Methods);
- 4) Результаты исследования (Results);
- 5) Обсуждение и заключения (Discussion and Conclusions).

Приведенные части требуется выделять соответствующими подзаголовками и излагать в данных разделах релевантную информацию.

1) Введение содержит постановку научной проблемы, указание на ее актуальность, связь с важнейшими задачами, которые необходимо решить, значение для развития определенной отрасли науки или практической деятельности. Прежде всего указывается общая тема исследования. Затем необходимо раскрыть теоретическую и практическую значимость работы, описать наиболее авторитетные и доступные читателю публикации по рассматриваемой теме. Обозначаются проблемы, не решенные в предыдущих исследованиях, которые призвана решить данная статья, и главная идея публикации, которая существенно отличается от современных представлений о проблеме, дополняет или углубляет уже известные подходы к ней.

2) Обзор литературы. Необходимо описать основные (последние по времени) исследования и публикации, на которые опирается автор; современные взгляды на проблему; трудности при разработке данной темы; выделение нерешенных вопросов в пределах общей проблемы, которым посвящена статья.

3) Материалы и методы. В данном разделе описываются процесс организации эксперимента, примененные методики, использованная аппаратура; даются подробные сведения об объекте исследования; указывается последовательность выполнения исследования и обосновывается выбор используемых методов (наблюдение, опрос, тестирование, эксперимент, лабораторный опыт, анализ, моделирование, изучение и обобщение и т.д.).

4) Результаты. В этой части статьи должен быть представлен систематизированный авторский аналитический и статистический материал. Цель данного раздела – при помощи анализа, обобщения и разъяснения данных доказать рабочую гипотезу (гипотезы). Результаты при необходимости подтверждаются иллюстрациями (таблицами, графиками, рисунками).

Результаты исследования должны быть изложены кратко, но при этом содержать достаточно информации для оценки сделанных выводов. Также должно быть обосновано, почему для анализа были выбраны именно эти данные.

5) Обсуждение и заключения. Заключение содержит краткую формулировку результатов исследования: в сжатом виде повторяются главные мысли основной части работы; необходимо сопоставить

полученные результаты с обозначенной в начале работы целью. В заключении суммируются результаты осмысления темы, делаются выводы, обобщения и рекомендации, вытекающие из работы, подчеркивается их практическая значимость, а также определяются основные направления для дальнейшего исследования в этой области.

8. Список использованных источников. Библиографическое описание документов оформляется в соответствии с требованиями ГОСТа Р 7.0.5–2009. При оформлении ссылок (в первую очередь, на оригинальные источники из научных журналов) следует указать фамилии авторов, журнал (электронный адрес), год издания, том (выпуск), номер, страницы, DOI или адрес доступа в сети Интернет.

9. Аффiliation авторов (на русском и английском языках) : Ф.И.О., организация(и), адрес организации(й) (требуется указать все места работы автора, в которых выполнялись исследования (постоянное место, место выполнения проекта и др.)), должность и ученое звание, ORCID ID, Researcher ID, электронная почта, телефон.

10. Вклад соавторов (на русском и английском языках). В примечании разъясняется фактический вклад каждого соавтора в выполненную работу. Порядок указания авторов и соавторов статьи согласуется ими самостоятельно.

Экземпляры журнала с опубликованными статьями можно получить путем подписки.

Опубликованные в Журнале статьи размещаются в полнотекстовом виде в электронной библиотеке Российского индекса научного цитирования, а также на сайте журнала (e-mail: vestnikkui.ru)

При подаче статьи в редакцию автор соглашается с положениями прилагаемого лицензионного договора.

Рукописи принимаются ответственным секретарем редколлегии Хрустальной Ольгой Николаевной (тел.(843) 537-62-13, электронный адрес vestnikkui@mail.ru)

Главный редактор Ф.К. Зиннуров
Корректоры О.Н. Хрусталева, Е.В. Зотина, Е.О. Смирнова
Дизайн, верстка Е.О. Смирнова
Перевод Е.В. Зотина, Е.О. Смирнова
Редакционно-издательское отделение
420059, г. Казань, ул. Оренбургский тракт, 128 (vestnikkui@mail.ru)

Номер отпечатан в типографии КЮИ МВД России:
420108, г. Казань, ул. Магистральная, 35

Подписано в печать 20.09.2017
Формат 60х84 1/8 Усл.печ.л.13,85 Гарнитура Таймс.
Печать офсетная. Тираж 250 экз.